

ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ - 2016

Сборник произведений участников
Шестого Международного арт-фестиваля
«Провинция у моря – 2016»

Одесса, 2016

ББК 84(4Укр-Одб)6
П 78

Составитель С. Главацкий

Провинция у моря – 2016. Сборник произведений
участников шестого Международного арт-фестиваля
«Провинция у моря». – Одесса –
КП ОГТ – 2016 – рус. - 216 стр.

ISBN 978-617-637-104-5

Фото на обложке – Дана Павлова

ISBN 978-617-637-104-5

© авторы сборника, 2016

© С. Главацкий (состав, вступительная статья), 2016

VI МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРТ-ФЕСТИВАЛЬ «ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ – 2016»

(25 августа, Одесса – 4 сентября, Черноморск)

КОРОТКО О ГЛАВНОМ

В этом году Международному арт-фестивалю «Провинция у моря» исполняется шесть лет. История «Провинции у моря», получившей своё название от строчки из «Писем к римскому другу» Иосифа Бродского, началась в маленьком и уютном Ильичёвске (Черноморске) в 2011 году; в 2012 году программа фестиваля вместила около 20 разноплановых мероприятий, в 2013, 2014, 2015 гг. – около тридцати. Каждый год наш творческий марафон объединяет тысячи участников и гостей фестиваля. Каждый год в рамках фестиваля проходит международный поэтический конкурс, презентации книг и литературных журналов, творческие вечера и мастер-классы известных писателей, художественные и фотовыставки, рок-концерты и концерты авторской песни.

Открытие VI Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2016» состоится 25 августа в Золотом зале Одесского литературного музея, а завершится он 4 сентября в Черноморске. Более 30 разноплановых мероприятий пройдёт в течение 10 дней на 9 различных площадках. Оргкомитет благодарит Одесский литературный музей, Библиотеку им. Эдуарда Багрицкого (г. Одесса), Одесский дом-музей им. Н.К. Рериха, Музей изобразительных искусств им. А.М. Белого (г. Черноморск), Центральную городскую библиотеку им. И. Рядченко (г. Черноморск), Дворец культуры (г. Черноморск), ресторан «Модильяни» (г. Черноморск) и концертный комплекс «Metropolis» за сотрудничество.

Организаторами VI Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2016» стали Южнорусский Союз Писателей, арт-проект «Территория I», арт-объединение «Фермата», арт-объединение «Поющая Гавань», ЛИТО им. В. Домрина, Творческая гостиная «Diligans» и международный литературный портал «Графоманам.нет».

В оргкомитет вошли люди, без которых фестиваль не мог бы состояться: Председатель Южнорусского Союза Писателей Сергей Главацкий, руководитель проекта «Территория I» Ирина Василенко, представитель арт-проекта «Территория I» Александр Семькин, председатель ЛИТО им. В. Домрина Леонид Кулаковский, руководитель Творческой гостиной «Diligans» Людмила Шарга, руководитель арт-объединения «Поющая Гавань» Светлана Полинина, председатель «Союза студентов г. Ильичёвска» Ирина Гавлицкая, музыкант Сергей Кравчук, журналист Лиана Фатеева, представители арт-объединения «Фермата» Ирина Журенко, Дарья Островская, Николай Журенко, Ольга Томашунос.

Одной из самых значимых частей фестиваля несомненно, является заочный международный поэтический конкурс. В этом году он был назван строкой из стихотворения И. Бродского «На столетие Анны Ахматовой...» – «Бог сохраняет всё; особенно – слова...». В состав жюри вошли как знаковые фигуры в пространстве литературы, руководители крупных литературных проектов, так и авторы, ярко заявившие о себе в последние годы: Станислав Айдинян, Ольга Андреева, Дмитрий Артис, Евгения Джен Баранова, Владимир Гутковский, Ольга Ильницкая, Валерий Кожушмян, Анна Маркина, Александр Петрушкин, Елена Росовская, Олеся Рудягина, Александр Семькин, а Председателем жюри традиционно стал Президент «Союза писателей XXI века» Евгений Степанов.

В конкурсе приняли участие 220 авторов из 11 стран – Украины, России, Беларуси, Молдовы, Израиля, Индонезии, Германии, Грузии, Новой Зеландии, ОАЭ, США. Согласно баллам и оценкам жюри, был сформирован шорт-лист конкурса, в него вошло 45 авторов. В этом сборнике опубликованы их конкурсные работы. Уже в июле были названы имена победителей первого, дистанционного конкурса; ими стали Людмила Калягина (Москва), Наталья Панишева (Киров) и Борис Вольфсон (Ростов-на-Дону); лауреаты конкурса – Оксана Боровец (Киев), Антон Васецкий (Москва), Юлия Долгановских (Екатеринбург), Дарья Ильгова (Москва), Дарья Лебедева (Москва), Анна Протасова (Киев), Александр Соболев (Ростов-на-Дону) и Евгения Ульянкина (Москва). Мы с радостью ждём их и других финалистов конкурса в приморском уютном Черноморске для участия в Основном поэтическом конкурсе, анонимном Конкурсе одного стихотворения, Поэтри-слэме и других заключительных мероприятиях фестиваля, которые пройдут 1-4 сентября 2016 года.

Официальными страницами «Провинции у моря» являются сайт <http://province.do.am>, страница фестиваля на международном литературном портале «Графоманам.Нет» (<http://grafomanam.net/users/20922>), страницы в социальных сетях <https://www.facebook.com/groups/1796720950552204/> и <http://vk.com/club88930487>.

Нашими постоянными информационными партнёрами являются Евразийский журнальный портал «Мегалит», литературно-информационный портал «Пиши-Читай», поэтический альманах «45 параллель», Объединение Русских Литераторов Америки «ОРЛИТа», информационный портал «Одесский обозреватель», Городской информационный портал «Черноморск-Info», газета «Вечерняя Одесса», газета «Вечерний Черноморск», Первый одесский онлайн-портал «01.ua», телекомпания «ИТ-3», газета «Черноморский маяк», интернет-портал «Глобус Одессы», портал городских новостей Черноморска «04868», интернет-портал «Myfest.ru», интернет-журнал «Эрфольг», информационный портал «Таймер», интернет-проект «Видеомост», паблики в ВК – «Южнорусский Союз Писателей», «Ильичёвск Online», «Арт-проект “Территория I”», «Арт-объединение “Фермата”», «Литературное объединение имени В. Домрина» и другие.

Территория «Провинции у моря» по-прежнему является территорией Мира и Взаимопонимания!

Каждый, ступивший на эту территорию, находится вне политики, вне вражды, вне войны.

Мы признаём только один язык – язык Творчества и Созидания.

*Оргкомитет
Шестого Международного арт-фестиваля
«Провинция у моря – 2016»*

ОРГКОМИТЕТ И ЧЛЕНЫ ЖЮРИ
ШЕСТОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО АРТ-ФЕСТИВАЛЯ
«ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ - 2016»

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

Москва

Поэт, прозаик, литературный критик, издатель, культуролог. Президент Союза писателей XXI века, член Президиума МГО СП России и Правления Союза литераторов России. Также входит в Союз писателей Москвы, Пен-Клуб и Южнорусский Союз Писателей. Генеральный директор Холдинговой компании «Вест-Консалтинг».

Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института в 1986 году по специальности «французский и немецкий языки», Университет христианского образования в Женеве в 1992 году, экономический факультет Чувашского государственного университета в 2004 году по специальности «финансы и кредит» и аспирантуру факультета журналистики МГУ в 2004 году.

Издатель-главный редактор журналов «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Зинзивер» (Санкт-Петербург), газет «Литературные известия», «Поэто-град», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), Интернет-издания «Персона ПЛЮС» и других СМИ. Соиздатель и заместитель главного редактора журналов «Крещатик» и «Знание-сила. Фантастика».

Лауреат Отметины имени Отца русского футуризма Д. Д. Бурлюка, международного фестиваля FEED BACK (Румыния), фестиваля имени В. Хлебникова ЛАДОМИР (Казань). Фонд имени В. П. Астафьева (Красноярск) признал Евгения Степанова в 2008 году в числе 11 лучших писателей России.

Как поэт, прозаик, критик, мемуарист, интервьюер печатался в журналах, альманахах и газетах: «Дети Ра», «Крещатик», «Знамя», «Дружба народов», «День поэзии», «Поэзия», «День и Ночь» (Красноярск), «Вопросы литературы», «Литературная учеба», «Юность», «Слово», «Новый берег», «Журнал Поэтов», «Членский журнал» (Нью-Йорк), «Столица», «Крещатик», «Российский колокол», «АКТ» (Санкт-Петербург), «Черно-вик» (Нью-Йорк), «Литературная газета», «Литературные известия», «По-этоград», «Литературная Россия», «Ex libris НГ», «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Собеседник», «Совершенно секретно», «Семья», «Вечерняя Москва», «Московская правда», «Московский комсомолец» и во многих других. Автор 10 книг стихов, прозы, вышедших в России и за рубежом, а также культурологических монографий «Плакаты Госстраха как социокультурное явление» (М., 2003), «Карманные календари Госстраха» (М., 2004), «Социальная реклама в России: генезис, жанры, эволюция» (М., 2006). Переведен на английский, французский, немецкий, румынский, болгарский языки.

ЗЕМЛЯ И НЕБО

ВСЁ НЕ ТАК УЖ И ПЛОХО

отключить телефоны
выскользнуть из социальных кровавых сетей
выбросить на помойку телевизор

обнять вековую сосну
посмотреть в распахнутое небо

и — жизнь налаживается
все не так уж и плохо

дачные вековые сосны после дождя
пахнут детством в пионерском лагере

государства выдумка
национальности выдумка
общественно-экономические формации
выдумка
идеологии выдумка
деньги выдумка
а что же не выдумка
земля
и небо
любовь
и половое влечение
голод
и жажда
и прекрасные вечные сосны

ВОТ ЭТО
не выдумка

красные женские стринги
как мулета тореодора
вот и все что нужно знать о движущей силе человечества

ЗЕМЛЯ И НЕБО

я так долго и прилежно занимаюсь на даче огородничеством
что привык к земле

я так долго живу среди сосен и восторженно смотрю на них
что стал видеть небо

я перестал унывать
я готов ко всему

ПОЭТЫ И СТИХОТВОРЦЫ

Стихотворцев много
А поэтов мало.
Стихотворцам нужна слава и литературные премии (медали).
А поэтам на них наплевать.
Стихотворцы знают, как писать стихи.
А поэты каждый раз начинают с нуля.
Стихотворцы пишут стихи для кого-то.
А поэты пишут стихи для себя.
Стихотворцы очень умные.
А поэты – законченные идиоты.

УЧЕБНИК СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ (очень краткая версия, которая постоянно расширяется)

поэзия как правда
страшное стихотворение «Валенки» (Ион Деген)

стихи как неправда
95% напечатанных текстов

поэзия как смысл
любимы василий казанцев и сергей шестаков

поэзия как нарушение смысла
любимы виктор соснора юрий милорава и ника скандиака

поэзия как русский народ
красива нина краснова

поэзия как рифма
могуч сергей арутюнов

поэзия как звук
певуч сергей бирюков

поэзия как центон
виртуозны евгений бунимович александр кабанов и вячеслав
крыжановский

поэзия как анаграмма
серьёзен константин кедров

поэзия как рисунок
волшебны александр федулов и эдуард кулемин

поэзия как палиндром
целебны александр бубнов и елена кацюба

поэзия как юмор
грустен евгений лесин

поэзия как песня
прекрасны вероника долина александр о, шеннон и виктор попов

поэзия как вечность
(эти стихи ещё пишутся)

поэзия как рифмованный рассказ
(о тут целая армия авторов!)

поэзия как поэзия
поэзия как
(каждый может дописать все, что считает нужным)

ну и т. д.

ЛЮ

мужчина без женщины
как транзистор без батарейки

СТАНИСЛАВ АЙДИНЯН

Москва – Одесса

Искусствовед, художественный критик, литературовед, писатель, поэт. Член Союза российских писателей, член Союза писателей-переводчиков, член Южнорусского Союза Писателей, член Конгресса литераторов Украины. Вице-президент по связям с общественностью Творческого союза профессиональных художников (Россия). Главный редактор одесского литературно-художественного журнала «Южное Сияние» (с 2011 г.). Научный сотрудник и член учёного совета Литературно-художественного музея М. и А. Цветаевых в Александрове (с 1992 г.).

Родился 13 апреля 1958 г. в Москве, в семье известного певца, народного артиста Армянской ССР Артура Айдиняна, репатрианта из Греции. Окончил филологический факультет Ереванского государственного университета (1975-81), параллельно учился на курсах искусствоведения в Государственном педагогическом институте русского и иностранных языков им. В.Я. Брюсова. Автор многих статей, посвящённых культуре, искусству, современной живописи, выходивших как в России, так и за рубежом. Печатался как писатель, поэт, журналист в газетах, журналах, литературных альманахах на русском и иностранных языках.

Был литературным редактором и секретарём старейшей писательницы России А.И. Цветаевой (1984-93), составил, отредактировал и прокомментировал два тома её известных «Воспоминаний» (2008), составил «Хронологический обзор жизни и творчества А.И. Цветаевой» (2010). Автор десятков публикаций, посвящённых жизни и творчеству сестёр Цветаевых; вступительных статей к книгам А.И. Цветаевой. Создатель книг прозы – «Подслушанный Фауст» (1993), с предисловием Ю. Мамлеева, своеобразной версии вечной темы; книги новелл «Атлантический перстень» (1994) с предисловием А.И. Цветаевой; сборников стихов «Скалы» (1995); «С душой побыть наедине» (2001), «Химерион» (2002), в котором более 130 стихотворений объединены одной темой, «Механика небесных жерновов» (2015); литературоведческих книг «Малый жанр Агаси Айвазяна» (1988), «Константин Бальмонт: в ореоле памяти» (2005). Составитель и редактор литературно-художественной антологии «Одесские страницы» (с 2003 г.) в составе журнала «Меценат и Мир». Переводчик 1-3 песен «Божественной комедии» Данте (журнал «Грани», № 185). Член жюри фестивалей «Славянские традиции» (2010 – 2015), «Провинция у моря» (2013-2015).

Награждён медалью Лермонтова «За личный вклад в отечественную многонациональную культуру и укрепление российской государственности», медалью «Профессионал России» за искусствоведческую деятельность, медалью Чехова за литературные заслуги. Лауреат литературной премии Международного сообщества писательских союзов и Конгресса литераторов Украины им. Юрия Каплана (2012).

ЧУДО В МОЛЧАНИИ

Чудо произошло в тот день, когда из плывущего по лучезарному небу облака – белого, нежно-растворённого в дымных очертаниях – на землю упал камень.

Когда камень падал, то кому-то могло показаться, что малая часть неба окаменела и стремительно пала к собственным прозрачным стопам...

Падения никто не видел: то есть, его видели только горы и травы, видела горная река, бегущая с ледяных сияющих вершин. Однако все они – горы, травы, река – были столь погружены в себя, в своё тихое чудо, что остались в молчании.

Не встрепенулся ветер в горах, не пригнул низко к земле травы, и река не прервала своего гулко-журчащего движения.

Камень, упавший с неба, тоже молчал.

В обоюдном молчании – гор, трав, реки и павшего с неба камня было столько тайны, что чудо всё же произошло – из уходящего за горы белоснежного облака на камень лёг, и сострадательно обнял его – ясный и тихий солнечный луч. Это совершилось таинство благословения. Оно приходит, когда воедино сойдутся Земля и Небо – в чуде, любви и молчании.

СОН

Маленькая девочка заснула у моря. В голубых глазах её спал сон.

Мысленно спросил я девочку:

– Что видишь ты во сне?

Она отвечала, не поднимая век:

– Я вижу зверей сказочных. Я вижу львов больших-больших, маленьких зайчиков и мышек...

– А что значит сон твой про зайчиков?

– Зайчики – это страхи людей. Они убегают и прячутся в травах.

– А мыши?

– Мышки – наши сомнения, – отвечала девочка, – быстрые и серые.

– А что говорит сон твой о царях зверей?

– Сон сказал о том, что все люди мечтают. Когда человек умирает, мечта его ещё долго живет. Она живёт и стареет. Когда мечта исполняется сто лет, она превращается в большого льва и лев приходит во сне к маленьким и взрослым. Он приходит – гордый, странный, но никто не узнает его...

ДВА СЛЕПЦА

Идя по пыли пустыни, мудрец увидел двух слепых. Брели они дорожной колеей, держась друг за друга, выстукивая палками раскалённую землю. Часто останавливаясь, прислушались слепые. Высоко поднятые их головы издали казались гордо вскинутыми, но это была не гордость, а страх гибели на неверном пути.

День светлым и жарким пологом стоял над долиной, но мраком и холодом слепоты отражали его невидящие глаза, бледные лица.

Услышав шаги человека, нищие остановились – как столкнулись с неведомым препятствием – так замирает перед бегом зверь, почуявший опасность.

Мудрец подошёл к ним и произнёс:

– Привет вам, лишённые света странники.

– Привет и поклон тебе, добрый господин, – недоверчиво и заискивающе отвечали слепцы, – ради богов, дай нам пропитание и кров, дай питья и прохлады...

– Не в моих силах подать вам милостыню, несчастные, – отвечал мудрец, – но я могу иное, я могу вылечить вас от недуга, вы прозреете...

С радостью и надеждой бросились на колени слепые перед мудрецом, который стал бережно раскладывать на плоском камне вынутые из дорожной сумы целебные травы и мази.

В то время, как невидящие глаза одного слепого сжимались мольбою о свете, лицо другого стало принимать выражение нерешительности, а потом и болезненного неудовольствия. Он поднялся с колен, отступил на шаг назад и спросил:

– Скажи, врачеватель, а сколь хорош тот зримый тобою мир солнца, под которым ты живёшь, чтобы менять его на нашу темноту?

Отвечал мудрец:

– Жизнь под солнцем многообразна, изменчива в виде и в цвете, в полёте образов, в далях и радугах горных вершин. Жизнь прекрасна знанием видимого и невидимого.

– А будем ли мы счастливы, обретя свет? – сомневался не убеждённый словами мудреца слепец.

И товарищ его воскликнул:

– Мне тоже радостно и страшно! Но можно ли сомневаться в надежде, можно ли отвергнуть возможность прозреть в мир, видеть тепло, мерить глазами расстояния, а не ползти по ним без конца и края, проклиная прошлое, не веря в будущее...

– Мы не можем ужиться в новом для нас мире, – не унимался

скептик, – быть может, мир света – совсем не для нас. Мудрый Бог послал нас в мир слепыми. Зачем нарушать его волю?

– Но ведь сама судьба даёт возможность счастья, света...

– Да счастье ли это – видеть? Быть может, это худшее из несчастий и люди привыкли к нему, а мы, не привыкнув, захотим умереть от того, что увидим. Мы не сможем видеть непривычную нам красоту, ведь с детства мы были слепы и спокойны.

– И главное – не будем мы больше ходить по дорогам, распевая песни. Нет... Нам, прозревшим, придётся в поте лица добывать работой кусок хлеба. И ни одна живая душа не пожалеет нас! Люди жалеют только тех, кто несчастнее их. Это помогает им считать, что они хоть чем-то счастливее других. Не будь нас, они бы меньше боялись потерять своё благо – жить в тепле, у очага, иметь жену, плуг, молоко и вино. Только они не знают, считая нас несчастными, что и мы находим свое счастье в беззаботной, пусть несытой, жизни. Мы к ней привыкли, как они привыкли к своим трудам.

– Я не хочу прозреть. Я буду, как и прежде, ходить с посохом по дорогам, и не ищу нового счастья...

– Конечно, я не раз пожалею о тебе, мудрец, я вздохну, что не использовал подарок судьбы, что кинул драгоценный перстень царей в море, что не принял дара – видеть. Но пусть всё будет так, как велено судьбой! – и томимый жаждою света и злостью на эту жажду, он схватил за плечо своего друга, у которого по щекам потекли из невидящих глаз слёзы, и, силой толкая его, безвольного, перед собой, повел по давно проторенной колее, всё сбиваясь с неё, натываясь на придорожные камни...

Мудрец смотрел им вслед, медленно складывая обратно в суму целебные коренья и травы. Он думал о неизбежности, которую можно было избежать, думал о том, сколь много дорог у будущего, сколь важен выбор и сколько горечи в жажде прозрения...

Мудрец знал, что бог недр, подняв хребет, погубил город, куда направлялись за подаянием слепые. Он видел с высей горы, как горели развалины и медленный ветер безразлично играл частицами пепла. Но он не остановил слепцов, идущих в смерть пылающего города.

ТРИ ЗМЕИ

Средь обветренных камней у высоких скал, близ пыльных, колючих зарослей встретились, сползлись три змеи.

Одна из них, самая старшая, подняла голову с земли, сказала:

– Земля раскалена солнцем. Вода поднялась, испаряясь, и не вернулась. Солнце выпило всю воду, опалило, иссушило лучами

пустыню близ наших скал. Не стало больше у нас воды, и вот скоро не будет жизни... Смерть придёт в сонный полдень, когда под лучами неумолимого Солнца вскипят камни. Свет в глазах живых, вспыхнув последней зарницей, погаснет, и для нас наступит вечная жаркая тьма.

– Нужно идти во глубину скал, – отозвалась вторая, самая молодая змея, – нужно ползти меж расселин и трещин ко глубине земной, туда, где дремлют в прохладе жилы чёрной руды. Там, на скалистой глубине, текут быстрые, студёные реки. Там, в пещерах, холодных и тёмных, дремлют подземные озёра и слышны только капли, падающие с нависших, неровных каменных сводов.

– Нет, – возразила первая, старшая змея, – не нужно лезть в расщелины скал, нужно подниматься на вершину горы. Я вижу, как туда собираются тучи, из которых родится долгожданный дождь, освежающий скалы. Видишь, птицы под тучами парят низко-низко... Туда с неба падёт вода, которой жаждет иссохшая низина.

– Нет, – резко ответила молодая змея, – глупо ползти так далеко на вершину горы. Вершина недостижимо высоко. Это так же глупо, как бесконечно ползти по сожжённой солнцем равнине. И нет ничего глупее, как подниматься, завидев тучу, за водою высоко в горы, не зная, есть ли там влага, или это только кажется отсюда, с низин...

– Как смеешь ты сомневаться в подъёме ввысь? – зашипела старшая змея. Ты оскорбляешь саму возможность жизни! Жизнь даётся только с вершин, только с неба спускается чистая влага. Не должно желать её из других источников, коли по воле богов они иссякли, и иссушились окрестности их.

Молодая змея возмущённо зашипела:

– Нет, ясно же говорю – нужно прислушаться к журчащим потоками недрам земли, в них спасение. Путь наверх сомнителен...

Не дослушав её, старшая змея угрожающе качнула гневно поднявшейся головой, тело её извилисто выгнулось, она зашипела и молниеносно-внезапный удар пришёлся прямо в шею молодой змее. Та замерла на мгновение, изогнулась, и нанесла ответный удар. Клубок вонзивших друг в друга ядовитые жала змей, закрутился дымно пыльной юлою, спирально мелькая, по земле...

Средняя, самая молчаливая, не участвовавшая в споре змея, двумя движениями гибкого тела отодвинулась к камням у подножия скалы и, не дожидаясь схватки двух собеседниц, нырнула в межскальную трещину.

Темнота, потом и прохлада охватили её тело. Она спускалась

меж скал всё ниже. Временами останавливалась, ловя всею собою токи тепла. Внизу становилось всё холоднее, лабиринт трещин вёл её всё глубже, глубже, всё уже и причудливей были ходы – следы потрясшего скалы землетрясения. И вот – наконец – она услышала шум подземной стремительной реки.

В том месте, к которому она подползла, струи воды стекали под наклоном куда-то вниз, падая в зияющую тьму.

Змея подползла к воде и осторожно, не касаясь водной стремнины, головою, кончиком языка – раздвоенного жала приникла к влаге рассыпающихся на брызги струй.

Насытившись, она ещё некоторое время отдыхала во тьме. Потом, набравшись сил, поднялась обратной дорогой, через те же межскальные трещины наверх.

Она даже не взглянула на место боя её соплеменниц. Вместо этого – поползла ввысь, её тело заскользило по песчаной поверхности меж засохших, выросших в скалистых расселинах трав, меж камней. Она ползла выше и выше, пока не достигла верхней террасы – крутые глыбы высились каменным массивом, пальцами указывая на небо, – ввысь дыбились сужающиеся к вершине камни. От них вниз спускались горные отроги, уступы, выступы, – под которыми – стремнина возможного падения, – уносящая пропасть...

Вот достигнут последний предел. Броском вперед змея приползла к площадке на вершине горы. Одинокое дерево смотрело трепещущими ветвями в небо. Под его сень, к травам у его корней, и приползла змея.

И тут случилось чудо – подул давно не слышимый в низине ветер, затронувший гибкое тело змеи. Ветер улетел, всё затихло, но он вернулся снова, и сдул жар, царивший даже здесь, на вершине.

Небо сгустилось, ещё сгустилось, ветер продул вершину ещё настойчивей и сильнее, и из-за ближних горных хребтов быстро надвинулась, гонимая ветром, уже зачерневшая грозно туча. Всё стихло, как перед землетрясением. Но вместо сотрясения скал на ползасохшую, но живую листву одинокого дерева пали первые капли. Потом они стали крупнее. И дождь, долгожданный дождь, застучал по камням, по ветвям, по листве...

Змея здесь, на вершине, смотрела и видела блеск молний в тяжёлой, столь близко нависшей туче. Она созерцала частые струи дождя, желтоватые отблески и – тут рухнул гул грянувшего грома!..

Там, внизу, у подножия горы, на мокрых камнях лежали полные холодной застывшей кровью чешуйчатые тела двух мёртвых змей.

И змея на вершине подумала: «Каждая из ныне мёртвых подруг моих была права. Можно напиться водою жизни, преодолев тяжёлый, мрачный спуск в глубины, и там можно познать чудо небесной влаги, а можно одолеть путь по выжженным солнцем скалам ввысь...

Не нужно сплетать кольца тел в битве и гибнуть за путь в глубину, или путь к солнечному небу. Ведь Жизнь таится всюду – и во глубине, и в лазури небесной, и под каждым камнем, и на дне морском, где ни лучика света, и во гневных тучах, мечущих молнии. Не нужно отнимать жизнь, чтобы обрести жизнь...

Уйди на собственную глубину от битвы, познай её бесполезность, и оттуда тебе откроется путь к Солнцу, к вершинам...

Удары громов отозвались на простую, как сама мудрость, мысль змеи, которая скользнула быстро, как молния, в щель меж камней, чтобы забыться там долгим как божий день и таинственным как пустынная ночь, змеиным зыбким и чутким сном.

ОЛЬГА АНДРЕЕВА

Ростов-на-Дону

Поэт. Родилась 29 ноября 1963 года в г. Николаев. Член Союза российских писателей, Южнорусского Союза Писателей и Союза писателей XXI века.

Автор поэтических сборников «В случайной точке» (2003), «Эволюция ветра» (2003), «Аритмия» (2003), «Вещь не в себе» (2007), «Оставаясь водой» (2010), «Равноденствие» (2012), «Лестница тавров» (2013). Публиковалась в альманахе «ПаровозЪ», в журналах «Нева», «Новая Юность», «Дети Ра», «Аргатак», «Письма из России» (Москва), «Южное Сияние» (Одесса), «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «День и ночь» (Красноярск), «Дон и Кубань» (Ростов-на-Дону), «Южная звезда» (Ставрополь), в альманахе «45 параллель» (Москва) и «45 – параллельная реальность»; «Наше поколение» (Молдова). Лауреат конкурса «45 калибр» (2013, 2015). Дипломант Тютчевского конкурса (2013). Финалист Прокошинской премии (2014). По профессии инженер-строитель. Закончила Днепропетровский институт инженеров транспорта. Занимается проектированием автомобильных дорог. Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

Там, волнуя траву, мягко стелются овцы,
сами – волны, опаловы, пеги, черны,
и невинны... Их суть – из бесчисленных опций –
там, где стелются овцы – нам не до войны.
Где в зените акации отяжелели
знойным маревом, и опоили июнь,
воздух гуще, и овцы плывут еле-еле
по летейским волнам, и неслышно поют,
в серебре встань-травы, в сонмах ласковых духов,
с детским сонным доверьем левкой звенят,
отголоски беды не касаются слуха
и не тронут тринадцатидневных ягнят.

Над равнинной рекой – к водопою – склониться
и протечь вдоль неё чуть повыше – туда,
где не так безнадежно чернеет вода
и ещё пробивается свет сквозь ресницы...

Бог есть! – а значит, всё позволено,
пусть даже неуютно кесарю,
запрет – в тебе, дели на ноль его
в геометрической прогрессии,

уже задела ссылку стрелочкой –
теперь терпи, пока загрузится
и разродится, и раскается,
отформатируй по возможности
весь диск. Дрожать над каждой мелочью?
Всё, что держало – да, разрушено,
пугает разве апокалипсис,
всё остальное – просто сложности.

А что осталось – то и значимо.
«Майнай!» – махни рукой крылатому,
спустившись, улыбнись бескрылому,
за безупречную сознательность.
Будь я китайским иероглифом,
я это так изобразила бы:
мир рассыпается на атомы
и разъезжается на роликах.

ЕВА

Всех и дел-то в раю, что расчёсывать длинные пряди
и цветы в них вплетать. У Адама ещё был треножник,
он макал рысью кисть – и стремительно, жадно, не глядя
создавал новый рай – и меня. Он пытался умножить,
повторить... Мы – не знали. Кто прятал нас? Вербы? Оливы?
Просыпались в лугах и под ясеневым водопадом,
не твердили имён и не ведали слова счастливого,
ничего не боялись – в раю не бывает опасно.

Там, где времени нет – пить на травах настоящий воздух...
Я любила рысят, ты любил пятистопный анапест,
лягушачьи ансамбли и тех кенгуру под берёзой.
Мы не знали, что смертны, и даже что живы – не знали.
Быль рекою текла, вряд ли я становилась умнее,
наблюдая, как птицы отчаянно крыльями машут,
огород городить и рассаду сажать не умели –
а в твоём биополе цвели васильки и ромашки.

Но закончилось детство – обоим вручили повестку –
и с тех пор мы во всём виноваты, везде неуместны.
Мы цеплялись за мир, за любую торчащую ветку.
Нас спасёт красота? Ты и правда во всё это веришь?
Все кусались вокруг, мы старались от них отличиться....
Кроме цепкости рук – только блики недолгого счастья.
Корни страха длиннее запутанных стеблей свободы.
Только в воздухе что-то – пронзительно-верно и больно...

Я без солнца живу недолго,
я ж на солнечных батарейках.
На дисплее круги-восьмёрки –
бесконечность – и всё, погасла.
Мониторингу чувства долга
удаётся взбудрить, но редко,
подхлестнуть той петлёю мёртвой
и бескрылой – хожу ногами.

Берегу, как синицу ока,
журавля моего восторга,
стихоточки и точки боли;
странно, нам ведь давно не тридцать,
а мы всё ещё так жестоки,
недоступны пока для торга,
не умею – ромашкой в поле.
не пытаюсь – из клетки птицей.

Мы-то думали, можем сами.
Это Ты – бесконечен, млечен –
многоликостью трав и злаков,
беззащитностью дикой розы.
Не срастаемся полюсами,
зарастаем цветистой речью,
гаснем пригоршней тусклых знаков
и должны, как земля колхозу.

УТКИ

...отражая, нести молчаливый
невербальный утиный восторг,
осознание прилива, отлива,
томный запад и нежный восток

узнавая, тянуться над морем
на уютных послушных волнах,
по транзитной ликующей флоре
различая места, времена
года, века, сличать очертанья
берегов с джи-пи-эсом в крови,
пренатально и перинатально
чувать древнее эхо любви...

их немислимый дар –
возвращаться
на знакомые с детства моря.

...вот теперь начинается счастье –
приготовься и сразу ныряй!
Там, наверное, пахнет озоном,
дышат свежестью поры земли.

...Ничего, кроме сердца и зова,
пары крыльев и тысячи ли...

Свет не сходится клином – он в принципе создан иначе
и заточен под веер, порой уступающий тени –
тот, японский...

раз клетка открыта, а птица внутри – это значит,
ей не надо летать, хоть могла бы по праву рожденья.

Водопады отчаянья льются с висков по гортани.
Да с чего бы? Поглубже вдохни, можжевельник утешит.
Капиллярный подсос метафизики из подсознания
снизойдёт к нелогичным весёлым русалкам да лешим.

Ради цельной картины пришлось пренебречь мелочами –
и состарились. Мелочи, в принципе, делают детство,
в смысле – радость... Осталось расталкивать плечами –
дежавю, повторяемся. Пройдено, некуда деться,

чистый Чехов кругом, торжество несмешного закона,
и сама-то не лучше – иду, где протоптано – жутко,
и уже на последней секунде бегу на зелёный –
мне в награду за дерзость подходит восьмая маршрутка.

Я танцовщица будто. Об этом спросите у тени,
Может, вам объяснит. Мне велит, ничего не решая
и не слушая жалоб на занятость, хитросплетенья
суеты – удержать балансир на поверхности шара.

В день рождения Будды мы выпили чашу муската,
эта ложь во спасение – очень опасный наркотик.
Все желанья твои есть твои ахиллесовы пяты,
візерункове скло, правда, я обмануться не против.

Ветер взяв за крыло, как-нибудь поднимусь по Рельефной,
оглянусь – и замру от резной синевы и прозрачной –
до Азова – планеты. Возможно, мы выживем, если
нас захочет спасти красота. Впрочем, неоднозначно.

ДМИТРИЙ АРТИС

Санкт-Петербург

Поэт, литературный критик, драматург, театральный деятель, литературовед. Лауреат международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (2010). Лауреат национальной литературной премии «Поэт года» (2011). Лауреат литературно-критической премии им. В.В. Розанова «Летающие собаки» (2012). Лауреат журнала «Зинзивер» (2013). Лауреат Международного литературного конкурса «Открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии» (2012, 2013, 2014). Лауреат Международного поэтического конкурса «Лёт лебединый» имени Петра Вегина (2014). Лауреат Международного поэтического интернет-марафона «Сокровенные свирели “45-й параллели”» (2014). Обладатель Гран-При IV Международного арт-фестиваля «Провинция у моря» (2014), член жюри V Международного арт-фестиваля «Провинция у моря» (2015).

Произведения публиковались в периодических изданиях «Дети Ра», «День и Ночь», «Южное Сияние», «Зинзивер», «Нева», «Литературная газета», «Нева»; «Новая Юность», «Бельские просторы», «Другие берега», «Современная поэзия», «Российский колокол», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературные известия», «Независимая газета», «Зарубежные записки», «Поэтоград», «45-я параллель», «Сетевая словесность», «Литература» и др.

Автор поэтических книг «Мандариновый сад» (2006), «Ко всему прочему» (2010), «Закрытая книга» (2013), «Детский возраст» (2014). Член Южнорусского Союза Писателей (2014) и Союза писателей Санкт-Петербурга (2014).

Четыре дня. За ними пятый.
Без изменений. Хорошо...
Идёшь ни разу не помятый
вдоль по квартире нагишом.

Не преисполненный отваги,
но будто бы навеселе.
Белее сна листы бумаги
лежат на кухонном столе.

Как за покойником помыты
полы, повсюду тишь да гладь,
и если пишешь слово мытарь,
то лишь бы рифме подыграть.

Перерабатываешь вроде
страстей вторичное сырьё –
почти приравнено к свободе
всё одиночество твоё.

Тебе ни голодно, ни тошно,
совсем расслабленный, пустой,
и никакого смысла в том, что
за пятым днём идёт шестой.

В январе на море смотри, смотри
и не смей глаза от него отвести.
Только всем, что есть у тебя внутри,
можно море съесть.

Горизонт повсюду, куда ни ткнись,
завалился набок небесный штырь,
и совсем не стыдно подняться ввысь,
растянуться вширь.

Ледяную крошку запьёшь вином.
К сорока годам как подросток тощ,
но какая сила в тебе одном
и какая мощь!

Будто кто тебя наделил движком,
в оборот пустил, отвалил щедрот –
в январе по морю ходить пешком,
разевая рот.

Когда электричка меня переедет,
останусь безногим лежать на снегу
и летом кататься на велосипеде,
как раньше катался, уже не смогу.

Не будет по улицам поздних шатаний
и ранних не будет, мол, жизнь невпопад,
поскольку навряд ли врачи-шарлатаны
мне ноги сумеют приделать назад.

Печали, проблемы, заботы, привычки
тревожить не будут – вернётся покой.
Вослед уезжающей прочь электричке
махнуть не забуду рукой.

Приятен глазу белый цвет,
и я, весь в чёрное одет,
как неопознанный объект,
пересекаю: а). Проспект;
б). Тротуар; Тропинку – с);
газон с бордюром на торце...

Пересекаю (сквозь дома)
дворы, знакомые весьма,
затем – соседние дворы,
где не бывал до сей поры,
кусты, мосты, торговый ряд,
пересекаю всё подряд,

вокзал, газон один ещё –
он с тротуаром совмещён,
фонтаны, улицу, опять
газон, киоск «Союзпечать»,
эпоху, звёздочку в окне,
петра на бронзовом коне,

театры, площади, музей,
врагов, приятелей, друзей,
свободным шагом, на бегу,
пересекаю, как могу,
любовь, которой много лет,
любовь, которой больше нет,
и – выхожу на белый свет.

Какая скука в Петербурге...
Махнув от ста до пятисот,
идёшь выдавливать по букве
однообразие пустот –

писать, нисколько не вникая
в происходящее с тобой, –
ночь скоротается такая
похожая на день любой,

когда ни воздуха, ни дыма,
живётся только тем, что пьян –
внутри тебя непобедима
страна рабочих и крестьян,

демонстративная эпоха,
и, чтобы не было смешно,
тебе должно быть очень плохо,
а может быть, и не должно.

ЕВГЕНИЯ ДЖЕН БАРАНОВА

Ялта

Поэт, прозаик, журналист. Родилась 26 марта 1987 года. Родной город – Ялта. Произведения публиковали «Юность», «Южное сияние», «Дальний Восток», «Плавающий мост», «Кольцо А», «Зинзивер», «Новая реальность», «Дети Ра», «Зарубежные задворки», «Литература», «Журнал ПОэтов», «45-параллель» и других издания. Финалист «Илья-премия» (2006); призер премии «Серебряный стрелец» (2008); призёр премии «Согласование времен» (2010); дипломант премии «Лужарская Долночь» (2013); лауреат конкурса «Пятая Стихия» имени Игоря Царева (2014); призёр поэтической эстафеты «Вечерние Стихи» (2015); шорт-листёр конкурсов «Эмигрантская лира-2013/2014», «Эмигрантская лира-2015/2016»; финалист премии «Поэт года» (2015). Участник Международного поэтического фестиваля «Киевские Лавры» (2009, 2013, 2016). Участник 19-го Международного Форума Издателей во Львове. Участник Совещания молодых писателей при Союзе писателей Москвы (2015). Судья Международных поэтических конкурсов «45 калибр», «Провинция у моря» (2013, 2014, 2015). Автор двух книг – «Зелёный Отсчёт» (2009), «Том 2-ой» (2012) – и одного аудиопоэтического альбома «Песни для любви и революции» (2015). Член Южнорусского Союза Писателей, Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века. Проживает в Москве.

Короткий обморок сирени
был неглубок, но Мандельштам
вернул кустарник сизой лени,
лиловых сумерек рукам.

И обморок остался – щуплый
отросток лета на сносях.
Сирень – была. Хотелось щупать,
разламывать, в рисунок взять.

Сирень – была. Сиреневела.
Звала шелковицу в пажу.
Так девочка в наряде смелом
от взрослости своей бежит.

Так мальчик, осознав охоту,
грозит рогаткой воронью.
Короткий обморок. Всего-то?
Сирень-сирень-сирень. Июнь.

УГОЛЬ

Интересно,
почему не выдают
удостоверения саженцам?
Приятно было бы пообщаться
с Акацией Львовной,
Тополем Николаевичем,
Черёмухой Гедиминовной.
Узнать, есть ли им 18.
Исследовать их отношение к хвойным.
Выказать неприличную страсть,
мол, не желаете ли покинуть пасеку,
подлесок,
бульвар имени Рокоссовского?
Очнуться конторкой поддельного красного качества?
Поклониться родимым пенькам?
Нет, отвечают древесные,
нам не ведомо чувство Родины,
Из вас получается нефть,
а из нас – прекрасный каменный уголь.

МОЛОЧНИК

Был человечком непрочным,
пряником с высохшим дном.
Где же ты, птица-молочник,
скользкий бидон с молоком.

Масло, кефир, простокваша
в год девяносто (какой)
мимо балкона пропляшут:
– Дяденька, есть молоко?

Улица вырастет. Тонок,
лопнет асфальт пузырьком.
Вырвется птица-бочонок,
и улетит молоко.

Детства трава худосочна.
Впрочем, не умер пока,
помни, как птица-молочник
реет среди молока.

РАДУНИЦА

Смерть моя!
Не нарадуюсь!
Радуюсь – понедельникам.
Под одеялом розовым не догоняю сон.
Сколько красивых саженцев так и не стало ельником.
Сколько хороших мальчиков взмыло за горизонт.

Смерть моя!
Заговорщица!
Вижу юлу блестящую,
гжель на широкой скатерти, хлебницу для галет.
Как говорят писатели,
ломка по настоящему,
страх перед неминуемым,
неугасимый свет.

Душно,
да так что
плещется
искра в горячей лампочке.
Тихо,
да так что
вертится
ходиков хоровод.
Смерть моя!
Сука!
Девочка!
Ей не купили саночки,
ей не вернули бабушку
и не открыли торт.

БАБУШКИНА ПОЧТА

«Давай поженимся немедленно,
пока война не началась,
пока с преданиями летними
ещё удерживаем связь.

Я превращаюсь в меланхолика.
Жуки над вишнями снуют.
Что Берислав – четыре домика.
Поедем в Винницу, Анют.

Там Пирогова внуки бросили,
там сосны с детства корабли.
Давай поженимся – до осени
я независим от ИФЛИ.

Жизнь без тебя – котенок раненый:
все трётся, трётся голово...»
Его убили в Померании,
её убили – под Москвой.

ПАМЯТЬ

что в памяти осталось голубой
не так уж много в том числе детали
ленивый лев диванчик угловой
мартышка с апельсинами в спортзале

шипастый мяч как зашивали бровь
рулет с корицей хруст китайских кедров
чернянка жар дредноуты коров
густое молоко перед обедом

подсолнухи саган при чём здесь грусть
тиль уленшпигель прочие meine lieben
так обожгло что выжгло наизусть
две реплики и три-четыре книги

и что теперь как говорил в игре
антагонист увенчанный ковбойкой
гнездо на ветке стройка в декабре
и вид на упомянутую стройку

и дома нет и речка не течёт
и не занять товарищей у ленца
лишь памяти заржавленный крючок
ещё тревожит вымершее сердце

ИРИНА ВАСИЛЕНКО

Черноморск

Поэт. Родилась в Санкт-Петербурге, живёт под Одессой, в небольшом портовом городе Ильичёвске. Закончила филологический факультет Уральского государственного университета. Вместе с друзьями восемь лет назад создала творческий проект «Территория I», в рамках которого родился арт-фестиваль «Провинция у моря».

Член редколлегии литературного портала «Графоманам.нет», ответственный редактор альманаха «Петербургский богемник».

Автор сборников стихов «Кофейные зёрна» (2008), «Ты прикидывалась птицей Метерлинка...» (2014); стихи также публиковались в коллективных сборниках серии «Территория I», в антологии одесской поэзии «Солнечное сплетение», в сборниках «Пространство слова.od.ua», «Формула осени», «Открывая имена», в журнале «Южное сияние», в альманахе «Крылья», газете «Интеллигент», журнале «Фаворит» и т.д.

Победитель III международного фестиваля «Славянские традиции» в номинации «Стихи о любви», обладатель специального диплома международной литературной премии «Золотое перо Руси-2009», финалист Конкурса одного стихотворения им. Р. Казаковой, лауреат ялтинского музыкально-поэтического фестиваля «ЯЛОС» и других поэтических конкурсов. Награждена литературной премией «Славянские традиции».

Член Южнорусского Союза Писателей (2010).

Ты так любила осенний сумрак,
ковёр из листьев и тёплый плед.
Но эта осень скупа на счастье,
и щедро дарит лишь список бед.
Рефреном тусклым звенит: «теряю» –
ключи от дома, друзей и сон.
Здесь всё так хрупко, и так привычно
у драмы этой бесслёзен фон.

Закрыты двери – не достучаться,
засов невидим, и стражи нет.
Не верь, не бойся, не жди ответа –
держи осанку, храни свой свет.

Волшебных красок ещё в запасе
немало скрыто меж будней дней.
За новой дверью живёт удача,
и каждый шаг – как дорога к ней.
Пусть в прошлом тает всё то, что болью,
тоской сжимало, мешало жить...

Есть тихий город. Стихи и книги.
Всё то, чего нас нельзя лишить.

матрица серых дней больше не будет лета
счастье такой пустяк но затерялось где-то
вечер достал дождём только не надо плакать
пей с бергамотом чай в рифмы упрятав слякоть

этот минор и сплин просто прогноз погоды
слышишь дыши дыши ты из другой породы
где-то внутри тебя тихо играет флейта
...дворник смешной чудака пьёт и читает Фрейда

БОЛЬНИЧНОЕ

*Кто знает – поймет: это тяжкая мука...
Костя Елумахов*

Кто знает – поймет: это тяжкая мука:
Сквозь дни, что листаешь неспешно, как книгу,
Шагнуть в Зазеркалье, сжав пальцы (ни звука...)
Ломая запястья... (не вырваться крику)

Сжимаясь в комок – до утра, до озноба,
Вымарывать в памяти тягу к полёту.
Девятая жизнь. «Снято!». Прежние – проба.
«Вам время платить по небесному счёту».

Слеза чуть приметна на влажной ладони...
Но ты прорываешься – сдавленным стоном.
Разорвано, скомкано тихое «больно»:
«Ах барышня, что ж вы, не спите, довольно –

она продолжается..., вы заплатили» –
за жизнь, что прекрасна, пока ты вздыхаешь,
За белые флаги, что бьются на шпиле,
За право любить – даже если теряешь.

Если надо казаться сильной – я в этом ас:
Прикушу губу и надменно взгляну с усмешкой.
У меня в запасе полсотни небрежных фраз,
И ни грамма умения быть неприметной пешкой.

Если жить – это просто смятенно вдыхать тоску,
Пластилином сминая дней надоевших рощерк,
Я дам фору в этом всему заштатному городку,
Мне поставят пятёрку в каждой из горьких строчек.

Если рвать в клочки – сверх-искусство для нежных дур,
То я в этом, пожалуй, уже настоящий профи.
Только, знаешь... обманчив бывает лихой прищур
Карих глаз, и неровно ложатся строфы

На листок бумажный, на день, на взрывную жизнь,
И птенцом озябшим вдруг сердце невольно вздрогнет,
Когда ты со мною...

А впрочем, пустяк.
Аминь –
Это просто ветер хандрит на пустом перроне...

ОНА ПРИТВОРЯЛАСЬ НЕВЕДОМОЙ ПТИЦЕЙ...

*Ты прикидывалась птицей Метерлинка...
черновики*

Она притворялась неведомой птицей,
Лгала, что по встречной летит до упора,
Слыла королевой, была баловницей,
Несла свою ношу и множество вздора.

Сжигала себя и чужие страницы,
Ловила секунды и брошенный камень.
Ей кто-то упорно твердил про границы,
Навязывал догмы и затхлый регламент.

Она собирала осколки и рифмы,
Хранила себя и сожжённую память.
Меняла e-мейлы, иконы и гривны,
Мечтала от счастья внезапно растаять.

...Она уходила, она улетала.
По краешку ночи, по острому срезу.
То душу, то время, смеясь, убивала.
Забыта навеки. Нужна до зарезу.

СЕРГЕЙ ГЛАВАЦКИЙ

Одесса

Поэт, драматург, музыкант. Родился в Одессе в 1983 году. С 2002 г. – председатель Южнорусского Союза Писателей, с 2006 г. – председатель Одесской областной организации Конгресса литераторов Украины, с 2009 по 2012 гг. – член руководства Конгресса литераторов Украины. Выпускающий редактор литературного журнала «Южное сияние» (с 2011 г.), главный редактор литературного интернет-проекта «Авророполис», председатель оргкомитета международного арт-фестиваля «Провинция у моря», член жюри ряда литературных конкурсов и фестивалей. Автор более 600 публикаций в изданиях Украины, России и дальнего зарубежья, в т.ч. в журналах «Дети Ра», «День и ночь», «Зинзивер», «Октябрь» и др. Составитель поэтических антологий «Кайнозойские сумерки» (2008), «Солнечное сплетение» (2010). Автор книг «Неоновые пожары» (2008), «Апокалипсис Улыбки Джоконды» (2008), «Падение в небесах» (2016). Живёт в Одессе.

Давай с тобой поедем на косу.
Когда-нибудь. Хоть в прошлом, хоть в былинном.
Не может быть такого в жизни длинной,
Чтоб вечно продолжался Страшный суд,
Чтоб лес был полон стреляных косуль...
Готов молить хоть Господа, хоть джинов,
До старости ждать времени машину,
Чтоб чёрную покинуть полосу...

За нею будет кедр хризолит,
И хризопраз полыни, прячущей седины,
Там море станет нашим паланкином,
Хранящим сны, которым чужд Эвклид,
Которые ещё не расцвели...
Готов извлечь себя из карантина,
Перекроить себя, как бомбы – палатина,
Чтоб видели дельфинов корабли...

Давай с тобой уедем на косу,
Каким бы именем тебя не звали
И сколько лет тебе в миру бы не давали,
Давай с тобой окажемся в лесу,

Где аисты давно тебя пасут,
Где зиждется берёзовая дача,
Перерастая в Сож. Я не могу иначе,
Иначе не могу, не обессудь.

*Сколько их, тех, кто твоих ждёт ответов,
Сколько их, тех, кто тебя ждёт смиренно,
На поводках семи чакр и кармы,
Скованных секундомерами пульсов?*

Под горизонтом толпятся рассветы.
Бог ожидает рожденья Вселенной.
Сны о тебе – обручальные ярма,
Снадобья от орбитальных конвульсий.

*Сколько их, тех, кто быть хочет с тобою,
Кто готов стать твоим мужем до смерти?
Множатся от тишины катастрофы.
Вслед за молчанием – выжжено поле.*

Не дотянуться стадам к водопою,
Спрятано озеро в панцире тверди...
Хочешь, я стану спасеньем Голгофы
От наводнения жаждой и болью?

БОЛЬ

1

Ты знаешь, мир умер. Фантомное счастье –
Как хрономираж, где детей кутерьма.
А здесь – только вакуум, вакуум настезь,
И я в нём – как самая страшная тьма...

Ты даже сейчас – сингулярность, омфал, ось.
Я – только с тобою, я только с Тобой! –
Во мне и себя-то почти не осталось.
Душа разболелась... Фантомная боль...

2.

Ну что ж, всё обернулось адом.
И что с того, что каждый миг,
Как вакуум – залётный атом,
Сны ждут твой знак, чтоб стать людьми...

Пускай ты – смысл мироздания,
Пускай – ядро души само,
Навек навесь на подсознание
Амбарный проклятый замок!

И мрак напалмами не выжечь,
Не утопить сны в водоём...
Хоть без тебя душе не выжить,
Оставь, я – *прошлое твоё*.

Пусть немые без тебя авгуры,
И мир похож на ГМО,
Лишь ярче в камере обскура
На мне предательства клеймо!

Пусть без тебя лишь Здесь я – дома... –
Молчи, скрывайся и таи...
Там – нас счастливые фантомы...
Не плачь. *Я – п-р-о-ш-л-ы-е т-в-о-и!*

И в этой келье ли, каверне,
В одной из тысячи кают –
Лишь тень твоя и здесь, наверно –
Последний мой, ночной приют.

Печёт Сансара караван –
От боли слепнет окоём,
И пусть я при смерти, взываю, –
Молчи. Я – прошлое. Твоё...

А что люблю тебя без меры,
Как любят дети – первый снег,
Так это лишь... мой Символ Веры...
И будет мне. И будет мне.

3.

Отринувши купол,
в побеге от юбок,
о колокол – зубы,
и копыя свои...
Сугубо суккубы
теперь будут любы,
и званны, во и-

-мя снов саблезубых...
по мне, как по трупам,
хромая, в Аид,
к своим душегубам,
шли дуры на убыль,
как мясо, сбойть.

Сугубо суккубы,
сугубо суккубы
отныне теперь.
В аквариум-кубок
разомкнутым кубом
вмурована дверь.

И если дать дуба
не хочешь, бей в бубен,
растерянный зверь –
ни браков, ни шлюбов,
сугубо суккубам,
суккубам сугубо
дари свои губы
веки теперь...

ВЛАДИМИР ГУТКОВСКИЙ

Киев

Поэт, прозаик, переводчик, литературный критик. Живёт и работает в Киеве. Родился 16 июня 1945 г. в Киеве. По образованию математик, окончил КГУ им. Т.Г. Шевченко. Публиковался в журналах «Крещатик» (Германия), «Южное Сияние» (Одесса), «Радуга» (Киев), «Самватас» (Киев), «Соты» (Киев), «Живой журнал» (Киев), «Сетевая поэзия» (Москва), «Полутона», «45-я параллель» и др. Стихи включены в антологию «Киев. Русская поэзия XX века», входили в состав многочисленных альманахов и коллективных поэтических сборников. Автор поэтических книг «В то же время» (1993), «Сюрлиризм» (2005), «Не сезон» (2000), «Перебор» (2000), «Фонограф» (2008), «Свод» (2011).

Лауреат 3-его Международного литературного фестиваля имени М. А. Волошина (2005). Член жюри ряда литературных конкурсов, в т.ч. 4-ого Международного литературного Волошинского конкурса (Коктебель), «Пушкинское кольцо» (Черкассы), «Редкая птица» (Днепропетровск), «Ватерлиния» (Николаев), «Одна маленькая свеча» (Киев). Руководитель поэтической студии «Третьи ворота».

Член Национального союза писателей Украины, почётный (иностраный) член Союза писателей Санкт-Петербурга. Ответственный секретарь жюри премии им. Николая Ушакова для русскоязычных поэтов Национального союза писателей Украины. Член редколлегий ряда литературных интернет-порталов, в т.ч. интернет-ресурса «Поэзия и авторская песня Украины» (Poezia.org).

Не подпитываемый снами
и свободный от обязательств
пробуждается временами
Гений места и обстоятельств.

Приоткрывши лениво веки –
ничего не видно во мраке –
что-то зная о человеке,
вяло чертит простые знаки.

И плоды ночных вдохновений
оставляет до раннего света.
Он весьма заурядный Гений.
Но его не колышет это.

*«Дорогой Карл XII, сражение под Полтавой,
Слава Богу, проиграно! Как говорил картавый...»
И. Бродский (из неподписанного).*

Дорогой император Пётр! Это Вы заварили кашу,
что дорого обошлась не нашим. А больше – нашим!
Как нос ни вороти, не пронести мимо рта эту чашу.
А потом противиться – не больно уже и хотелось.
Особенно, когда притерпелось, спилось и спелость.
Чтоб в этом себе отказать – нужна не славянская смелость.

Вы император, да! Хоть профиль отнюдь не римский.
Исполин на войне, на пиру. Также в любви и в сыске.
В сущности, это Вы вопрос породили крымский.
Тут же и Карл порядковый, сражение под Полтавой.
Много картавых было, но ни один картавый
так и не полюбил вареники со сметаной.

Дорогой император Пётр, скажите, какого чёрта
лично Вы и Ваших птенцов когорта
сбили с пути, которым вёл нас Иван Четвёртый.
Вот кто понимал русскую душу в целом!
Что в небо устремлена и нераздельна с телом.
Пусть даже черным черна, но при этом вся в белом.

Мы рожей не слишком пригожи, зато безупречны ликом.
Умом не шибко быстры, но и шиты не лыком.
Господу кукиш скрутив, нас не скрутил Никон!
Пусть совсем не про нас кущи райского сада.
Любовь и надежда? Неплохо б! Но Вера – лишь это нам надо!
Награды вовсе не ждём, да и к чему награда...

Ибо, что единственно необходимо холопу?
Чтобы рубили головы, а не окно в Европу.
Совместить не получилось – выморочный опыт.
Так с тех пор и идём по кривой дорожке,
протянув по одежке ножки. По худой одежке.
Из мировых даров – рады только картошке.

Для прокорма – стала она материнской, всеобщей грудью.
Точно впору пришлась, совпала с природной сутью!
Но Вы-то здесь уже не причём – не обессудьте.

Теперь она символ, фаворит национального грунта!
Пусть поначалу и не обошлось без бунта.
Но потом обошлось. Правда, только как будто.

И по накатанной – дальше в рамках процесса.
Как заведено было Вами – без лишнего политеса.
И т. д., и т. п. Печальны плоды прогресса!
Дорогой император Пётр! По какому, собственно, праву
Вы славу одну – на другую сменили славу?
Видно, под левую руку Вас подтолкнул Лукавый.

А в результате – забавные вышли шутка и штука.
Это наука, бесспорно! Но впрок ли такая наука?
Дорогой император Пётр! Вы – последняя сука!
Раз бесконечно, бессмысленно качается коромысло
обнищавшей души в поисках вечного смысла...
Нет, предпоследняя! Последней будет – Антихрист.

«Плывёт в тоске необъяснимой...»

Душа возносится куда-то
и в ритме стансов
вне сожалений, без возврата
летит в пространство.

И узел стягивая туже,
споспешник чести,
она вращается и кружит
почти на месте.

Её найти на грани риска
возможно где-то.
Примерно там, где воды Стикса
впадают в Лету.

Но, продолжая в бездну падать,
горя до хруста,
бесплодную, пустую память
фотонный сгусток

взорвёт смещением аберраций
сквозь третье око.
Душа не может затеряться
в мирах далёких.

Гляди! Уже у пьедестала
ликуют блики.
Где, наконец, душа предстала
равноязыкой.

Спираль закручивая сходу
ещё больнее,
всё так же время мучит воду,
и вместе с нею

плывёт ночной тоской томимый,
такую плотской,
печальный, но необъяснимый
Иосиф Бродский.

Звёздный накинута полог
сразу после шести.
Путь, что далёк и долог,
пройден уже почти.

Чувствуешь себя Крезом,
очередной денёк
так щедро отрезав
и раскрошив у ног.

Налетающим птичкам,
что бездумно клюют,
как и прочим привычкам
скоро общий каюк.

Если душа простая
по истечению лет
в небе пустом истаёт
как сигаретный след.

Цвет неба – немаркий.
Тот же и у реки.
Там, где звёздные шкварки,
шаркающие шажки...

«Ветренный летний день».
Так же как и всегда.
Я посижу в тень,
вспоминая себя.

Я посмотрю взгляд,
брошенный на вчера.
Я прошепчу – Брат!
Я промолчу – Сестра...

По ногам холодок
тянет из-под двери.
Я похожу без ног
по росе у зари.

Давнего лепета бред.
Хроноса чёткий щелчок.
Я не хочу – Нет!
Я ещё новичок.

На потом разберусь,
страх разжаловав в грусть.
Пусть и не повторюсь.
Не повторюсь. Пусть.

ОЛЬГА ИЛЬНИЦКАЯ

Одесса

Поэт, прозаик, журналист. Родилась 31 июля 1951 г. в Одессе. Окончила исторический факультет Одесского университета. В советские времена публиковалась в самиздате Подмоськья и Ленинграда. Первая публикация в Одессе состоялась в 1991 году, в коллективном поэтическом альманахе «Вольный город» (составитель – Юрий Михайлик).

После перестройки вышли шесть книг стихов и прозы. Первая из них – «Жизнь тому вперёд» (1995) – переведена на английский язык, следующими книгами стали – «Твоими молитвами», «Дебют на прощание», «Божий человек, книга про всё хорошее», «Семь встреч с Богом», «Идёт по улице война».

Произведения публиковались в энциклопедиях и антологиях России и Украины, в периодической печати России, США, Украины, Германии, Франции, Венгрии, Израиля, в т.ч. в журналах и альманахах: «Знамя», «Арион», «Октябрь», «Крещатик», «Юность», «Нева», «Футурум АРТ», «Бельские просторы», «Меценат и Мир», «Журнал ПОэтов», «Вестник Европы», «Дон», «Византийский Ангел», «Крещатик», «Соты», «Окно», «Русский переплёт», «Черновик» (Нью-Йорк), «Гостиная» (Филадельфия), «Артикль» (Тель-Авив), «45-я параллель» (Ставрополь), «Ликбез» (Барнаул), «Пассаж», «Горизонт», «Одесса», «Дерибасовская – Ришельевская» (Одесса).

Член PEN International (русское отделение), Союза писателей Москвы, Южнорусского Союза Писателей, Национального союза журналистов Украины, Конгресса литераторов Украины. Член жюри Международного арт-фестиваля «Провинция у моря» (2014, 2015). Зав. отделом прозы литературного журнала «Южное Сияние».

И КАЖДЫЙ МИГ СТИХОТВОРЕНЬЯ СТОИТ

Как хорошо, зажав в зубах ириску,
Забуть о постоянстве дел и долга,
Любить Островского и помнить долго
И стать в итоге велосипедисткой.

До новой встречи ты не вспомнишь профиль
Прижмуренный и жаркий, словно полдень,
Обняв меня, забудешь свою муку
Бедро гитары, дрогнувшую руку...

Звучащий нотный лист летит и тает,
Но привкус липы не даёт покоя,
Когда велосипед, как конь, взлетает
И каждый миг стихотворенья стоит.

Крути педали, и в пунктирном ритме
Всех струн шести, стремись, пока не поздно,
Туда, где ночь подсказывает рифмы
И в оба глаза смотрит осторожно.

Сквозь женские ажурные одежды
Взволнованного мальчика надежды
Смущенно вызревают... Осторожно!
У одиночества всего один предел:

Быть сумасшедшим велосипедистом,
Иных не признавая в жизни дел.
Но взяв желанную за тоненькие кисти,
Всё ей отдать: велосипед и мысли!

Ты лучше не поминай
причину былых размолвок.
Он песенен, этот край
щеглов и красноголовков.
Смотрю я во все глаза –
летят над рекою утки,
и, знаешь, нельзя сюда
запавшим на прибаутки,
раёшники, на галдёж
тусовок, глухих к свирели.
Поймешь ли, как все они,
и ты заодно, надоели
смертельно мне, знаешь, да?
Вали по добру отсель –
где иволги голос чист,
словно певунья свирель...

АТЛАСНАЯ ТЕМА*

Он опять ко мне, на атласной ленте,
заблудившийся ангел смерти,
опустился с небес.

Позвони в ночи. Успокой меня.
Зацелуй испуг.
Рассекретит ночь всех твоих подруг.
И меня разболтает вслух.
Ночь бессонная манит бездною –
снеги стаями с горних высей.
Научу тебя – обмани, как всех.
Всё равно к рассвету всех вычислят.
Не останься со мною глух.
Одолей меня. Заморочь меня.
Перейди мне жизнью дорогу.
Да, скажу тебе: «Нет!».
Промолчу в ответ. Да.
Покори во мне недотрогу.
Будто девочка я умру вчера.
А сегодня «с морщиной у рта».
Потому-то я всей собой права,
и желанна тем – что не та.
Я твержу твои по ночам слова.
На слова твои предъявляю права.
До утра ни жива, ни мертва.
Слушать жизнь всю ночь
под крылом чужим.
Звезды ластятся ледниками.
Ангел смерти парит недвижим.
Мы и есть любовь – сами.

**атлас – неотвязчивость (татарск).*

МЕЖДУ ШКАФОМ И ДИВАНОМ

Не случилось стать доброй с утра.
Износилась душа, как пальто.
Что ни делаю – невпопад.
А что думаю – вовсе не то.
«С дуба падают листья ясеня».
Под лампадою съёжился кот.
Только что ещё был тёплым,
развалившись, грел живот.
Взгляд широк стал, твёрды лапы.
Ниоткуда взявшись, галка
клюв, как лапу, подаёт.
И к плечу, мурлыча, льнёт:
«Уммеррр кот, уммеррр кот...»
С абажура ливень льёт.

Между шкафом и диваном
жизнь на цыпочках идёт –
за морозный поворот.
Подмораживает к ночи.
Что ещё произойдет?
Послезавтра Новый год.
Наконец затихла галка.
Страх, как хлеб,
с руки клюёт.

ВСЁ ТАК...

Моя душа опять отчуждена
от вечных бед
и повседневных плачей.
Здесь, где жива,
меж горем и удачей,
шумит река.
Всё так, а не иначе –
когда плывут
вдоль линии руки
то перистые облака,
то кучевые.
Мне не лениво берегом реки
скользить и видеть –
домики растут
среди долин.
Окошки кружевные.
Но каждый двор постыл.
И нелюдим.
Чужая музыка звучит
по вечерам.
Я замираю до утра
и выше
взгляд поднимаю.
Там разлом иной,
и свет иной –
растут другие крыши.
Они, похоже,
вовсе не для тех,
кто чтит родню.
Но празднует разлуки.
И верует,
что любит отчий край,
в котором дом и смерть –
библейский рай.
С налётом скуки.

ВАЛЕРИЙ КОЖУШНЯН **Днестровск**

Прозаик, поэт, журналист. Живёт и работает в г. Днестровск. Родился в г. Дубоссары (Молдавская ССР) 28 января 1951 года. С 1962 года живет в Днестровске (ныне Приднестровье). В 1974 году поступил в МГУ им. М.В. Ломоносова на факультет журналистики, в 1980 году окончил полный курс университета по специальности «Литературный работник газеты». Работал в газетах Днестровска, Усть-Илимска, Тирасполя, сотрудничал с печатными изданиями Восточной Сибири, Москвы, Украины и Молдавии.

В 1991 году вернулся из Сибири в Днестровск. Принимал активное участие в создании Союза писателей Приднестровья (1995 г.). В течение 15 лет был в составе правления, возглавлял Литературный фонд Приднестровья. С 2010 года – Председатель правления Союза писателей Приднестровья и президент Республиканского литературного фонда Приднестровья, член президиума Международного литературного фонда. Лауреат литературной премии им. В.И. Даля. Награждён медалью им. А.П. Чехова (2011). Главный редактор журнала «Литературное Приднестровье».

Произведения публиковались в журналах «Полдень» (Подмосковье), «Молодая гвардия», «Аврора» (Санкт-Петербург), «Бийский вестник» (г.Бийск), «Московский вестник» и др. В качестве редактора выпустил в свет свыше 30 брошюр, журналов, проспектов и книг различных авторов, работающих в прозе, поэзии и в научно-популярных жанрах. Автор книг «Тяжкая ноша», «Жил-был я...», «Горнюха», «Осколки» (четверостишия).

«Экзамен. Лексика. «Мордобойка» *Отрывок из рукописи «Записки прохожего»*

Москва. 1975 год. МГУ. Факультет журналистики. Первая сессия. Зима. Сдаю экзамены по лексике знаменитому языковеду, автору учебника «Лексика» А.В. Калинину. Меня буквально пот прошиб. Сам автор экзамен будет принимать. Я в ту пору писателей и ученых живьем ещё не видел. Понять моё состояние легко. Оробел порядком. Учебник-то я проштудировал на совесть и, надо сказать, читался сей кладезь мудрости мной без особого напряжения, непринуждённо. Великий дар надо иметь, чтобы такую книгу создать. Но одно дело читать и вникать для себя и совсем другое – отвечать самому автору. Со мной произошло что-то несуразное. Я физически ощутил, как на меня накатила невидимая

волна, отнимающая волю, реакцию и всяческую способность соображать. Деревенеющей рукой я взял билет и попытался вникнуть в смысл вопросов. Бесполезно. По всем признакам ни дать, ни взять – мороженный тунец перед экзаменатором. Невольно подлили масло в чан моей робости однокурсники. Они бойко отвечали не только по заданиям билета, но и на дополнительные вопросы экзаменатора. Уверенность сокурсников в своих знаниях окончательно сломила меня. Долго я боролся со своим состоянием, но мне хватило сил лишь на следующий диалог с Мастером:

– Александр Васильевич, я не готов сегодня отвечать, – в произнесённой фразе помимо моей воли вспыхнуло столько оттенков испуга с преобладанием выпендрёжа, что Мастер вздрогнул.

– Странно. Впервые вижу студента, который не пытается доказать преподавателю свою образованность.

– Понимаете, русский даётся мне тяжело. Я родом из Молдавии, ну и... это самое... Трудно сразу уловить смысл, – я даже подпудрил свою речь молдавским акцентом. На всяческие подражания я был мастак.

– Учебник сложен для Вас? – Калинин внимательно поглядел на меня поверх очков.

– Нет, но это... не сразу даётся. Короче, я приду потом.

Мастер усмехнулся, и я почувствовал – он понял меня. «Да, молодой человек, – говорил его взгляд, – лукавить не стоит. Знания у вас есть, но надо бы научиться и выявлять их. Это тоже учёба. А врать не стоит, ей-богу не стоит. Тем более прятаться за национальность».

Вышел я из аудитории крайне взвинченный. Уверен, многие представляют, как выглядел бы незадачливый кавалер, расплётный похотью, но получивший решительный отказ от своей зазнобы. Тогда легко может представить мой вид в полный рост. Злость меня распирала до предела, даже дышать трудно стало. Болван, мать твою в кочерыжку и всех святителей... Я отказался от традиционной кружки пива, которой мы с друзьями всегда поощряли себя в Домжуре после экзаменов (Дом журналиста на Суворовском бульваре, в холле которого стоял гроб Сергея Есенина). Я поплёлся в общагу штудировать «Лексику».

Конечно, к учебнику я даже не прикоснулся. Мытарил себя хождением по комнате и рассуждениями вслух на тему, в тот момент близкую мне: попёрся с суконным рылом в калашный ряд, полено у папы Карло умней было... И всё в таком же духе, не замечая времени. Метаниями и стенаниями я страшно раздражал араба из дружественной тогда нам страны. Сосед по комнате то ли молился, то ли готовился к экзаменам, сидя с ногами крест-

накрест на койке. Дружба народов, мать её за ногу! Хотя он ни бельмеса не соображал в русском нецензурном красноречии, его достало моё маятниковое движение. Асир ибн Хераб (мы его за глаза называли Херрабычем) обратился ко мне на своём витиеватым птичьим языке. Естественно, я ни шайтана не понял, но интонации оказались гораздо убедительнее слов, пусть и арабских. Дабы не нарушать всевозможные международные договора и конвенции, я вынужден был покинуть свою временную обитель. Решил податься в город в надежде найти успокоение среди своих людей.

Я сел в первый попавшийся трамвай и через две остановки вышел, поймав себя на смертельном желании выпить и кому-либо излить свою уязвлённую душу. Ноги принесли меня точно по адресу. Это была знаменитая пивная, метко поименованная народом «мордобойкой». Обреталась она недалеко от клиники имени Кащенко. Широкую известность в округе пивная получила не только своим криминальным характером, но и тем, что устроена была в подъезде огромного, тёмно-красного кирпича, старинного особняка на первом этаже. Совмещала пивная в себе собственно пивной зал и через лестничную площадку магазин спиртных напитков. Такое дикое сочетание можно было объяснить лишь близостью клиники. Флюиды «психов» вносили, наконец, коррективы в решение местного начальства.

Я зашёл в знакомый зал, и сразу окунулся в атмосферу недюжинных советских запахов. С морозной улицы они довольно чувствительно оскорбляли обоняние, зрение и слух. Было накурено, грязно, вонько, мокро и бранно. Я стал оглядываться, ища лицо помоложе, чтобы втиснуться поближе к прилавку. Очереди как таковой не было. Жамкалась средняя давка. Дело привычное. Мне не хотелось болтаться в хвосте, и я, горячим утюгом сквозь снег, вплавился в первые ряды. Меня тут же облили пивом. Здесь отпускали ячменный напиток и на вынос. Народ в пивнухе толкался непритязательный, с разнокалиберной посудой. Бокалов не хватало на всех любителей пива. Какой-то нетерпак даже с пожарной каской приволокся. Поднапрягши голосовые связки, я обратил весьма распаханное внимание продавщицы на себя и заполучил две бутылки желанного напитка.

С трудом вылуцившись из давки, я пристроился возле троих раздутых мужиков неопределённого возраста. Они яростно терзали воблу, поминутно заглатывая пиво, бутылок на их столике стояло с дюжину, и беспардонно отплеывались от чешуи. Мужики несколько не обращали внимания на окружающих. Они явно презирали весь мир. Я, как мог, уворачивался от рыбьих потрохов и чешуи, но проворонил миг, занятый поглощением пива,

когда мне попали на рукав ошмётком рыбы. Чёрт бы их всех побрал: то обливают, то плюются... Соблюдая всё же этикет, я обратился к мужикам с просьбой вести себя деликатней. Завязался оживлённый разговор. Тон – средний. Пока без намёка на драку. Один из жравших рыбу, сжалился надо мной и потёр рукав моей куртки. На зелёной ткани прямо на глазах стал расплываться жирный отпечаток рыбы. Мне показалось, что сделал он это намеренно. Скорее вытер пальцы о мой рукав. Я возмутился, но до полного градуса пикировка ещё не поднялась.

– Интеллигент, чо ли?

В этом вопросе, налитом вековой лютой ненавистью к людям с иной формулой мышления и поведения, заключался переход к решительным действиям. Любитель воблы даже руки обтёр о свой шарф. Я мысленно прикинул, каким хуком его завалить – лучше правым? Уж больно крупный был клиент. На всякий случай я слегка отодвинулся от столика. Задир не в меру прытких я привычно подлавливал левой рукой. Редко кто из уличных уха-рей ожидал удара именно слева, обычно все контролируют правую руку. Второй хук уже не нужен был. У меня сложилась одна довольно не часто встречающаяся особенность для боксера тех лет – я одинаково концентрированно проводил боковые удары и апперкоты левой и правой. На заре моей спортивной юности тренер – любитель всяких сюр-призов – специально нагружал меня на левую руку. Правая и без того была хороша.

Пока я прикидывал да примеривался, мой предполагаемый противник, наконец, обтёр ладони, и пошёл на меня. Я усмехнулся, глядя, как он неуклюже огибает столик. Поднятый указательный палец (осталась привычка отмечать раунд при судействе и в тоже время означающий – вызов принят), словно привораживал взгляд «раздутого». Я чуть развернулся и перекинул вес тела на правую ногу, чтобы затем стремительно вложить все свои семьдесят пять кило (второй средний вес) в удар левым хуком. В мгновение ока бить правым я передумал, хватит с него и левым. Мои едва приметные приготовления противник принял за трусливую суету. Он радостно улыбнулся, обнажив жёлтые зубы. Морда его стала ещё шире. Я понял, что хук не поможет. Надо бить апперкотом, желательнее точнее. Поди, пробей этот залитый жиром «чайник». Выхватывая боковым зрением диспозицию его дружков, я ждал. Они хладнокровно потрошили рыбу, пили, гулко сглатывая, пиво и нисколько не напрягались. Компания пивохлебов ни на секунду не усомнилась в успехе своего кореша. И напрасно. Апперкот или по-уличному крюк, если сильно и точно послан в цель – ямочку подбородка, – не только крошит челюсть, но выбивает и мозжечок, приводя его в маятниковое со-

стояние. Гражданин минимум на полчаса становится свободным от своих завышенных амбиций. Самое любопытное, что ни рост, ни вес, ни физическая мощь клиента на пилюлю в этот момент не играет никакой роли. «Борода у всех одна,» – любил говаривать мой коллега по спортроуте, заваливая очередного шустряка на пудов пять тяжелее себя. Очень важно провести удар первым, так сказать, сработать на опережение.

Однако сценарий фиаско пивохлёба неожиданно принял другой оборот. Странно одетый мужик – на нём была новенькая фуфайка, пыжиковая шапка, костюмные брюки заправлены в белые бурки, из-под фуфайки выглядывал воротничок белоснежной сорочки – квадратного телосложения, положил руку на плечо битюга. Со стороны показалось, что тому навалили обрубок рельса на плечи, ноги подогнулись у рыбьего потрошителя.

– Есть проблемы? – будто заточку воткнул в спину свежий посетитель «мордобойки».

«Раздутый» обернулся и на секунды растерялся. Я заметил, даже испугался.

– Все нормально, Петрович...

– Брысь на место!

Мой противник повиновался. Такой вид бывает у побитого пса.

– Студент? – Квадрат полоснул меня серыми зрачками. Взгляд у него был убийственный. Неприятный холодок прошёл у меня меж лопаток. Сами собой всплыли из памяти строчки Юрия Левитанского: «...В саду его растёт квадратный виноград». Это как раз о нём.

– Ну, – осторожно подтвердил я, тем не менее, не теряя из виду троицу и иже с ними. Пивнуха в своё чрево принимает, каких хочешь «гавриков». Да и психбольница рядом. Кто их знает, может, врачи экспериментируют, выпуская в народ на час другой вот таких субъектов.

Пока я разглядывал своего неожиданного защитника, он весьма по-свойски, без спешки, взял мою непечатую бутылку пива и сделал пару обширных глотков. На доньшке запузырилась пена. В «мордобойке» как-то странно резко поутих гомон голосов, будто кто звук поубавил.

– Кто третий? Студент второй.

Квадрат не спускал с меня глаз, и мне становилось всё неудобней под его пульсирующими зрачками. Казалось, они буравили насквозь. Я не сразу уловил суть вопроса. Но в «мордобойке» хорошо знали все малейшие интонационные и звуковые оттенки завсегдатая этого заведения. «Мордобойка» затихла. Вокруг нас комплектовались любопытные и ждущие опрокинуть стакан

с самим Петровичем. Однако Квадрат, я понял, не каждого допускал к своей особе. Тройка «раздутых» куда-то незаметно испарилась. Квадрат повёл головой и вперёд выдвинулся огромный дядя в тёмной шляпе и зимнем плаще. В руке он держал ширпотребовский дерматиновый портфель коричневого цвета.

– Готов, так сказать, разделить компанию.

– Студент, гони рушь. Шляпа, мухой за водкой...

Я всегда имел под рукой железный рубль с профилем вождя мирового пролетариата. На куртке вверху слева был устроен специальный кармашек, который я приспособил под мелочь. Удобно. В метро ли заскочишь, трамвай или троллейбус, не надо суетиться и шариться по карманам. Контролеры в Москве нахрапистые, ахнуть не успеешь – оштрафуют. Я уже привык к московской спешке, к злодейским налётам народных шмонщиков, к невообразимой столичной толчее, и, как мог, облегчал себе краткое пребывание в пёстром по-азиатски мегаполисе. Шляпа в плаще с достоинством королевского шута удалилась за водкой.

– Братва, студент сегодня мой. Если хоть одна гнида попытается вырвать у него волосок, сделаю яйца всмятку.

В окружении слегка оживились, всем видом показывая на отсутствие среди них означенных выше гнусных личинок. Кто-то даже преданно хохотнул.

Семидесятые годы примечательны не только апофеозом застоя, наличием «психушек» для инакомыслящих, всевозможными запретами, диссидентскими движениями, могуществом конторы глубокого бурения (КГБ), но и неисчислимым количеством борцов за справедливость на бытовом уровне.

Эти самодеятельные мстители обладали одним несомненным достоинством – способностью практически воплощать свои же идеи в массы, в жизнь. Мой защитник, чувствовалось по поведению, обладал феноменальной способностью переходить от слов к делу. Через несколько секунд после знакомства с ним я был абсолютно уверен, что возникни кто-нибудь из «мордобойских» фраеров, тут же он утратил бы процентов тридцать своего здоровья. То, что передо мной фигура недюжинная – я понял сразу. Но меня смутила эта хозяйская вседозволенность – «мой сегодня». Что я ему – сука приبلудная? Однако мужик! Самоуверенный, очень даже чрезмерно. Я был на грани нервного срыва. Когда у меня падает планка, мне плевать кто передо мной: Джо Фрезер, Кассиус Клей, Валерий Попенченко, Квадрат, Треугольник или шайка отчаянных налётчиков...

– Зовут как? – опережая мои выступления, спросил Квадрат. – Меня – Костя, – сказал он просто и протянул руку. Я ощутил в своей ладони плохо вырезанный кусок железа. «Однако и ладонь

у этого типа. Пожалуй, атмосфер на пять потянет», – мысленно прикинул я. Меня всё не оставляло ощущение, что вместо ладони мне протянули саперную лопатку. Я назвался. Он тут же перевернул моё имя на свой лад.

– Значит, Валет!

«Мордобойка» одобрительно загудела. Он пояснил мне, что ничего плохого и оскорбительного кликуха не несёт в себе. Валет означает бойкий парень, проныра. Раз так – я не стал возражать. Валет так Валет. Мне с этой кличкой детей не крестить. Костя-Квадрат, кроме хирургических данных, обладал ещё способностями экстрасенса. Прямо-таки ученик Мессинга. Он уловил моё состояние и дружески хлопнул меня по плечу: «Не дергайся, парень, отдыхай!». Я осторожно скосился на свою куртку – не лопнула ли? Слава Богу, всего лишь внушительная вмятина. Полтора года копил денег на эту вещь. Мне вдруг подумалось: дотяни былинный Илья Муромец до наших дней, он наверняка был бы ударником кузнечного дела. А по выходным или отгулам тешил бы своими бицепсами народ по забегаловкам и «мордобойкам». Ибо некуда и не перед кем было бы применить ему свою недюжинную силищу. Соловьи-разбойники помельчали и превратились в наглых и вороватых ворон, а половцы и прочие степняки давно торгуют на базарах и не помышляют ни о каких набегах, разве что в рестораны и духаны.

Своё намерение напиться я не оставил, а пиво только распалило моё желание. Да и компания подобралась подходящая. С таким «монументом» можно не беспокоиться о последствиях. Одному «нажираться» – верх неприличия. В это время вынырнул гражданин в шляпе. Он радостно улыбался, и замаячил нам поверх голов. Костя по моему лицу понял: подоспела водка. Квадрат обернулся, и кольцо зевак мгновенно распалось, образуя внушительный проход. Народ в «мордобойке» дрессированный. Шляпа церемониальным шагом направилась к нам. Мы шагнули навстречу своей веселухе.

Первая бутылка пошла хорошо, как вода в раскалённый песок. Как написал бы бойкий репортёр заштатной газеты – «в дружеской и непринужденной обстановке». Шляпа принадлежала к чиновничьему сословию и мало интересовала Квадрата. Она пыталась завести со мной дискуссию на тему угнетённого положения людей умственного труда. Костя на это резонно заметил: «Переходи в слесари». Шляпа смутилась и больше не высказывала с инициативой определять контуры общей беседы. Квадрат расспрашивал меня о житьё-бытьё в Молдавии, о моей журналистской работе, об учёбе в университете. В его смягчённом взгляде мелькал подлинный интерес, а точнее профессио-

нальный. Я это понял гораздо позднее. В ту пору я был настолько простодушен и легковверен, что не составляло труда ловким хитрецам меня одурачить. Такое со мной случалось и позже. К сожалению, нередко. Бабка мне всегда твердила, будто я родился такой – «простодырый». А когда вырасту, мне будет очень трудно в жизни. Как в воду глядела.

Вторая бутылка подвигнула нас к международной теме. Я упирал на негров, но всё больше на арабов. Они ещё покажут всему миру «кузькину мать», и зря мы с ними так валандаемся. С этой публикой надо ухо остро держать. Свои выводы я излагал собеседникам, используя наблюдения за соседом по койке Асир ибн Херабом и его соплеменниками. Ещё я доказывал: как арабского коммуниста не корми – он в султаны метит. В мусульманских странах социализм – это нонсенс. Их приемлемая форма государственного существования – ханство, султанат, эмират или ещё какая-нибудь петрушенция в этом же духе, но обязательно во главе с эмиром, ханом, падишахом, королём и прочими. Я захватил инициативу и очень хорошо вписался в троицу. Квадрат в восхищении от моих спичей, забывал занюхивать водку.

В короткую паузу нашей беседы неожиданно вклинился товарищ с относительной вмняемостью. С ходу без всяких китайских церемоний он предложил весьма острый рецепт из международной политической кухни. Видать, давно подслушивал.

– Надо, – стал развивать свою мысль «мордобойский» стратег, – перво-наперво вырыть большой котлован. Размером, – он беспокойно оглядел зал пивнухи, – с Чудское озеро. Конечно, копать его поглыбже. Шибко ихнего народу много. Собрать, значит, всех арабов в кучу... Только вот суметь заманить их как-то поближе к котловану и всех скопом, значит, завалить туда. Сказать им, мол, мощи отыскались вашего пророка или ещё чего-нибудь из этой оперы. Прибегут, а мы их, бздынь, в котлованчик и бульдозерами аккуратненько засыпем и катками для асфальта утрамбуем. И все ближневосточные проблемы решены. Рядом такое же дело соорудить для жидов, – последние слова «военспец» произнёс свистящим шепотом.

Квадрат заинтересованно хмыкнул. Шляпа выразительно покрутила пальцем у виска, а у меня, помнится, отвалилась челюсть. Впервые мне повстречался человек с откровенно повреждёнными мозгами. Автор котлованного проекта чиркнул спичкой, невозмутимо прикурил «беломорину», и с прищуром победно оглядел нас.

– Так-то! В генштабе с моим проектом уже ознакомились.

Он пыхнул дымом, перекинул папиросину в угол рта и сквозь стиснутые зубы добавил:

– Стране нужны механизаторы-добровольцы. Записывайтесь.

– Непременно! Но сначала иди, любезный, потолкуй с мужиками во-о-он там, – невероятно ласковым голосом пропел Квадрат, махнув рукой-лопатой в сторону выхода, где у крайних столиков колготились какие-то технари в замасленных фуфайках.

Стратег долгим изучающим взглядом обследовал Костю. Затем обратил свой взор потолку, будто вчитываясь в невидимые письма, вздохнул и нежно со слёзой в голосе вымолвил: «Провокатор, Гапон». Стратег направился к выходу.

– Начитанный, – это я откликнулся. Квадрат не среагировал на мою реплику.

– Вот что бывает, братья-славяне, когда в мозгах скапливается слишком много углекислого газа, – после ухода «проектировщика котлована» скорбно заметил Квадрат. Он показался нам слегка смущённым. Мы раскованно заржали, но Квадрат не поддерживал нашу весёлость. Он пояснил, что мужик получил недавно цинковый гроб с телом сына из зоны арабо-израильского конфликта. Парень находился там, в роли как бы советника со стороны дружественных нам арабов. После этих слов Квадрат круто переменял тему разговора, и мы без особого напряжения поплыли дальше по хмельным словесам мелкозначущей трепотни.

Костя всё больше проникался симпатией ко мне. Однако два момента вызвало лёгкое недовольство моих собутыльников. Во-первых, я не умел пить водку залпом. Во-вторых, мне необходима была закуска. После стакана я неимоверно хотел есть. Вот потому-то и схрумкал машинально пару нюхательных баранок. По всей Москве в ту пору продавали мелкие баранки или иначе – сушки. До сей поры не могу понять, как можно занюхивать сушёной баранкой?! Она не издавала никакого аромата. С таким же успехом можно было занюхивать пробкой, коробком спичек, рукавом или кукишем... Бывало, и я привозил домой с сессии пару связок сушек к чаю. Больше, конечно, нервничала Шляпа. Она ревновала Костю ко мне.

– Нет, Костя, не наших он кровей. Этот салага съел две баранки! Сразу видно, не наш человек, – и ко мне. – За-ню-хи-вать ими надо, а не лопать!

– Заткнись! Студент жрать хочет. Приволоки рыбки и хлеба, – он сунул в карман ему червонец. Шляпа пару секунд прожигала меня взглядом, но ослушаться не посмела.

– Следующий раз, Валет, примечай, что и как. Не ходи со своим уставом в чужой монастырь. Баранка – это не еда, ритуал. Жратва здесь считается за большой грех. У нас тут расслабляются, а закусывают в кабаке или дома. Ладно, прощаю, – Квадрат

разлил остатки водки. – За наших ребят за бугром, – предложил он туманный тост.

– За тех, кто в море, – не совсем понимая, к чему клонит тамада, поддержал и я (Мои друзья детства сплошь стали моряками).

Вернулась недовольная Шляпа. Квадрат профессионально скovyрнул «бескозырку» с третьей бутылки. На этот флакон у меня едва ли хватило бы сил, и я принялся отнекиваться.

– Я знаю, когда тебе хватит. Пей, Валет. Батон положь в карман, а рыбу – на стол. Ешь, парень.

Что ещё за условности, ёлки-моталки! Есть хочется и плевал я на пивной этикет. Тоже мне, ресторан «Максим»! Но Квадрат зыркнул недобро, и батон утонул в кармане моей куртки. Пришлось отщипывать мелкими кусочками. Зато скумбрия холодного копчения была хороша! Это мне компенсация за разделённый бутерброд.

Свою задачу по водочной разрядке я выполнил с избытком. Остальное я помню смутно. Мелькало, как Квадрат и Шляпа волокли меня к трамваю. Я орал отрывки из каких-то бластных песен и клялся поминутно в преданности вновь обрётённым корешам. И ещё запомнилось: Квадрат не пьянел, у него только зрачки расширялись. Могучий мужик. Про Шляпу сказать ничего не могу, в моей памяти ничего чёткого, ясного не запечатлелось. Но и она, кажется, держалась молодцом.

Дальнейшие события мне поведали однокурсники, вахтер общаги и другие случайные свидетели моей дикой расслабухи. Когда меня забросили в трамвай, Квадрат кивнул двум мрачным гражданам, мол, проследите. В салоне общественного транспорта я куролесил похлеще нетрезвого извозчика начала века. Назойливо приставал к пассажирам с просьбой выдернуть у меня волосок, и тут же победно сообщал об ожидаемых последствиях. Мол, все ваши достоинства будут всмятку. И вообще: Костя-Квадрат мой лучший друг. Служит он в известном всем ведомстве на ответственном посту. Так что, дорогие сограждане, не беспокойтесь на предмет возмущений или возражений. Шуток Костя не любит. Зашугал я публику изрядно, в подробностях расписывая ошеломлённым попутчикам трамвая, что мой друг ещё и прекрасный хирург, который одним махом удаляет у всяких [...] лишние органы.

Если бы в тот момент я мог знать, насколько был близок к истине, то длительное расстройство кишечника мне было бы обеспечено. Да в то время любому законопослушному гражданину скажи, что он вчера пил с полковником КГБ, тут же, сударик, кинулся бы сушить сухари. А ведь добротный и надёжный способ выуживать информацию у лопоухих простаков за пивной стой-

кой. У каждого гэбиста свои методы внедряться в массы. Вот что значит столица!

Год спустя мне довелось увидеть Квадрата в полной форме в пивном баре Дома журналиста или по-нашему – Домжуре. Наша студенческая компания расположилась через столик, где гужевался полковник с какими-то пожилыми гражданскими лицами. Квадрат стоял ко мне спиной, но я его сразу узнал по мощному загривку и резко очерченной квадратной фигуре. Один из моих сокурсников, москвич, большой знаток закулисной журналистской жизни, заметив, как я давлю косяка в сторону могучего полковника, шепнул мне: «Большой человек в КГБ, специализируется на нашем брате борзописце. Осторожней, – и заговорщески подмигнул мне. – Или уже знаком с ним?». Я ответил, что встречались случайно, но не стал развивать тему.

Но вернёмся в трамвай. Я продолжал будоражить транспорт с людьми, обратив своё хмельное внимание исключительно на брюнеток. Пытался знакомиться с дамами самым грубым и наглым способом, представляясь выбранной жертве почему-то обретенной кличкой «Валет». Трамвайная публика вела себя, как мне показалось, весьма странно: никто не возмущался, не пытался одернуть захмелевшего фраера и даже никто не нахамил в ответ. Уж московская публика, кто знает, за словом в карман не полезет. Это обстоятельство ещё больше распалило меня. Я кричал, что всех «попишу», особенно интеллигентов пархатых, наглых толстомордых любителей пива и воблы, а заодно и арабов.

Два мрачных провожатых аккуратно и бережно ссадили меня на нужной остановке и сдали на вахте студенческим товарищам. В лифте я пристал к арабу, но не из нашей комнаты, и всё требовал у него документы, утверждая, что он шпион и работает в пользу Штатов. Араб что-то пытался лепетать в оправдание и всё норовил спрятаться за спины моих дружков. Мне таки удалось зацепить его за грудки и араб из коричневого стал жёлтым. Цветогамма иностранного студента мне не понравилась, и я ему влепил по печени. Довести дело до конца не дала моя свита, пугая меня всеми карами небесными, а особо отчислением из МГУ. Я им, козлопасам, пытался доказывать, что только шпионы способны менять цвет кожи в считанные секунды. И они, пособники империализма, мешают мне совершить акт народного возмездия. Должен заметить, что в те годы иностранные студенты вели себя весьма нагло, напористо и вольно, особенно с нашими девушками. «Черножопыми» студентами (самая их распространённая кличка в те годы) были весьма недовольны рядовые граждане нашей столицы. Я тоже страшно огорчился за свою Державу, когда возникали причины. А они, то есть мои

однокурсники, чистой воды коллаборационисты. Это почти не используемое слово в лексиконе нашей компании, я произнёс, несмотря на подпорченную алкоголем дикцию, чётко и внятно, чем огорошил спасителей моих до крайнего изумления. Они едва заиками не стали. Вероятно, я что-то перенял из словаря интеллигентной Шляпы. Спасло араба то, что мы приехали на свой этаж и меня с боем увели в комнату. Там я ещё побуянил немного, но силы мои иссякли. Заснул я, слава Богу, в своей койке в позе убиённого русича на поле Куликовом, раскинув руки, в полной зимней амуниции.

На другой день я сдал экзамен или зачёт по «Лексике», точно не помню, сдал блестяще. Всё же общение в «мордобойке» с носителями всех пластов русской лексики пошло мне на пользу. Как ни странно, но голова у меня не болела, только сухо было во рту. Да и чего ей болеть – кость ведь. Так любил высказываться с похмелью мой одноклассник, некогда служивший прапорщиком, ярко воплотивший собой образ «вечного позора» Советской армии. По его же признанию, он за свою службу, кажется, в Польше пропил солдатское имущество трёх полков и двух отдельных батальонов, не меньше, за что, в конце концов, в начале девяностых с позором и был уволен из рядов СА. Хорошо, что не посадили...

Я полчаса мучил сатуратор, создав небольшую очередь. Водопой находился прямо в здании факультета на первом этаже под лестницей бокового входа на второй этаж. Наличие газводы в учебном заведении намного облегчало существование страждущих заочников. Студенты-очники являлись людьми более благонамеренными и по утрам в холодной воде не нуждались. Шёл я на экзамен с булькающим животом, к вящему восторгу факультетских зубоскалов.

Я был очень зол на себя и за вчерашнюю разнузданную пьянку, и за провал на экзаменах. Когда по-настоящему разозлюсь, заметил, голова моя становится ясной и способной что-то соображать, невзирая ни на какие алкогольные помехи. Александр Васильевичнисколько не удивился моей прыти. Он даже на исходящее от меня густое амбре не обратил внимания.

Этот мудрый человек многое повидал на своем веку. Сколько оболтусов прошло через его руки?! Можно только догадываться. Его спокойный тон, неподдельная заинтересованность моей невыразительной личностью враз сняли всю мою скованность. Я выпрямился, как отпущенная пружина. Когда ко мне проявляют искренний интерес или пусть не совсем внятные признаки сочувствия, преображаюсь. Почувствовал ли эту особенность моей натуры Мастер или действовал по своим неведомым мне законам

психоанализа, не знаю. Мы даже позволили себе пообщаться пару минут на отвлеченные темы.

Помню, вышел из аудитории с весомым чувством собственного достоинства. Ага, и мы не лыком шиты, туды в твою растуды, ёкала манэ... В тот день я никого не боялся и даже в Домжуре вступил в дискуссию на тему этимологии некоторых русских слов и выразительного русского мата. Надо сказать, что в журналистском Доме обитали матёрые «зубры» пера и микрофона. Слушать их – не переслушать. Это тебе не «мордобойка». Здесь высший свет и цвет пишущей Москвы. Внимать, молча мэтрам, и то считаешь за счастье, а о полемике с ними и мечтать не приходилось. Мои корешки хлебали пиво, грызли чёрные солёные сухарики и ошарашено тарасились на меня. Бывает. Я сам поражался своей наглости. Доспорился до того, что меня одна из акул столичной прессы тут же за пивным столиком пригласила сотрудничать с газетой «Сельская жизнь». Как бы там ни было, а орган ЦК КПСС. Вот что значит лишить человека, хотя бы на миг, закомплексованности. Вечером в общаге я чаще, чем обычно, принимал апелляции в спорах сотоварищей. Араб наш вечерами отсутствовал. Решал свои сексуальные проблемы при помощи долларов (это было ещё редкостью в те времена) в отличие от наших бескорыстных тружеников постели. Уж очень у него вид был непрезентабельный.

ЛЕОНИД КУЛАКОВСКИЙ

Черноморск

Поэт и прозаик. Родился в селе Дальник Овидиопольского района Одесской области 20 сентября 1965 года.

Победитель поэтического конкурса-посвящения Эдит Пиаф (2012). Лауреат международного литературно-музыкального фестиваля «ЯЛОС – 2013» (1-е место в номинации «Тайный гость»). Лауреат международного литературно-музыкального фестиваля «Чеховская осень – 2013» (2-е место в анонимном конкурсе одного стихотворения). Лауреат областного литературно-музыкального фестиваля «Осень в Бирзуле – 2013» (Котовск).

Стихотворения печатались в журналах «Твои стихи» (Киев), «Склянка часу» (Канев), в коллективных сборниках «Берег» (Ильичёвск, 2005), «Формула осени» (Новокузнецк, 2012), «Планета друзей» (Ялта, 2014) «Провинция у моря – 2013», «Провинция у моря – 2014», в международных альманахах «Вахтенный журнал» (Одесса), «Скифия» (Канев) и др. Автор поэтических сборников: «Мои меридианы» (2008), «Пространство многоточий» (2014).

Член Украинской ассоциации писателей (2012). Председатель литературного объединения имени Владимира Домрина (2013).

ВЕЧНОСОЛДАТСКОЕ

В тот день ты погиб,
но столичная совесть молчала –
эфир глотку рвал,
разнося теле-радиодрянь.
Холёный изгиб
живота щекотало мочало,
и млел генерал
в дармовой снежнопенности бань.

А где-то в полях
из колосьев пшеничных и маков
сплетала венки
чёрной лентой взрывная волна;
тряслись тополя
(страх всегда и для всех одинаков),
скулили щенки...
Веселилась одна лишь война.

Свирепо рыча,
адский жребий чеканили пушки –
на смертных торгах
только жизнь выставляют на кон!
Слезилась свеча
по тебе; по другим... И в церквушке
невиданный страх
перекашивал лики икон.

КОНСЕРВЫ РЫБНЫЕ

Около месяца трюм забивали сардиной.
Вдвое пульнули фреона. Порвали два трала.
Сто моряков – потребителей адреналина –
сгустками нервов платили за сотню авралов.

Плюс переход перегрузчика – бездна соляры
копотью едкой осядет на лёгких планеты.
На рыбзаводе конвейер капризный и старый –
потом солёным и в денежку выльются сметы.

И как-то в кухне жестянку вдоль надписи «масса»
кто-то консервным ножом в три движенья откроет,
сплюнет на пол, прошипит: «С добавлением масла»,
вывалит в миску небрежно и съест на второе.

Сто моряков трое суток чинили два трала...

*Перед лицом великой цели
никакие жертвы не покажутся слишком
большими.*

Адольф Гитлер

*Каждый ребёнок – художник.
Трудность в том, чтобы остаться
художником,
выйдя из детского возраста.*

Пабло Пикассо

Я уже умер, но помню ещё... Либенфельса*,
Вагнера, Вену, романсы бродячих цыган,
видео пыток из камер и зычное «Целься!..»
Помню... каким же был славным один мальчуган.

Нет, не мальчишка... Ефрейтор – связной из разведки,
тот, что в планшет запалял четвертинку холста
чтоб рисовать на досуге портреты кокетки –
сердце ещё наполняла собой красота...

Помню... солдат... почтальон... или – канцлер?.. Забылось!
Кажется, он больше всех уважал циркачей,
Но всем пророкам назло, Люциферу на милость,
самых жестоких и страшных затмил палачей.

Он или я... хладнокровно по краешек самый
болью вселенской наполнил земную юдоль?
Я уже умер, но помню напутствие мамы:
«С миром иди в этот мир. Будь смиренным, Адольф...»

Барон фон Либенфельс – его называли «Предтечей» Третьего рейха.*

АТЛАНТИДА

Ты стыдишься себя
и вступила в застенчивый стговор
с королевой стихий
на нейтральной для всех полосе?
Может, звёзды любя
(не Плеяды, а рода морского),
почитать им стихи,
вдруг в пучину ушла насовсем?
Или цепь коротка
и тяжёл опрометчивый якорь?
Или крышу снесло
заигравшимся в игры сынам?...
Оборвалась строка
многоточием... Ночь-забияка
вырывает весло.
Наутилус швартуется к снам...

РОДНИЧКИ

Александрю Бедикяну

Роднички уходят в небо.
Дальше – выше – руслом млечным
по каньонам междузвёздным
к дырам. Чёрным или белым?

В былъ лихую или небыль
перезвоном быстротечным
дном порожистым и грозным
убегают между делом?

Будто за буханкой хлеба
человек, уйдя беспечно,
вдруг вернётся утром поздним
полный жизни в новом теле –

пусть так будет. Слышишь, небо!

АННА МАРКИНА

Москва

Поэт. Родилась в 1989 году, живёт в Москве. Окончила Литературный институт им. Горького.

Произведения публиковали «Дружба Народов», «Южное Сияние», «Зинзивер», «Новая Юность», «Аврора», «Слово/Word», «Кольцо А», «Московский вестник», «Плавучий мост», «Золотое Руно», «Ликбез» и др. Финалист Илья-премии (2008), финалист премии «Серебряный стрелец» (2011), призёр Чемпионата Балтии по русской поэзии (2014, 2015), лауреат конкурса им. И. Бродского (2014), победитель премии «Северная Земля» (2014), шорт-листёр премии Независимой Газеты «Нонконформизм» (2015), обладатель гран-при Международного арт-фестиваля «Провинция у моря» (2015), дипломант Волошинского конкурса (2015). Член Южнорусского Союза Писателей (2015).

Всё нам было ха да хи, всё нам было не с руки,
мимо дома шли на юг грязные товарняки,
осаждали тихий дом вечерами комары,
гнил несъеденный арбуз с долгим привкусом жары,
ничего – ни слёз, ни бед, ни доверия к стихам,
только ветер на заре занавески колыхал,
было лето, было лень, плыло облако, как кит,
и дрожали за окном звонкие товарняки,
будто ввинченный в пейзаж на пруду дремал рыбак,
да дежурила в тени стая ласковых собак,
и казалось между тем – жизнь случайна и легка,
и казалось проиграть можно разве в дурака.

ЗАРУБОЧКИ

Я повстречала мальчика,
Пригоженького мальчика,
Заплаканного мальчика
С душой пока что голенькой
Под липой за грибком,
Откуда алкоголики,
Смеясь, прогнали мальчика.
О чём ты плачешь, лапочка,
О чём или о ком?

Сказал малыш:
– Обидчики! Какие все обидчики,
Сплошь дядьки и обидчики!
Как жить в миру таком?
А я сказала:
– Мальчик мой,
Оставь ты речь запальчивую
И проясняйся личиком.
Ты просто сам обидчиком
Не стань, другим обидчиком,
Не стань себе обидчиком,
Бессонным мужичком.

– Держи, – сказала, – ножичек,
Возьми мой старый ножичек,
И если с кем негоженько
поступишь, не зевай –
На липе ставь зарубочку,
Зарубочку, зарубочку,
Чтоб пакости и грубости
Свои не забывать.

И вот смотрю – зарубочка,
Назавтра же – зарубочка,
Зарубочка одна,
Но если не разглядывать,
Не знать да и не мудричать,
Почти что не видна.

А это червячоночка,
Худого червячоночка,
Невинного ни в чём, ни в чём,
Он взял и растоптал.
Случайно, не случайно ли?
Я говорю:
– Печальненько,
Всё это так печально, но...
Но ты, малыш, не мучайся,
ведь ты ещё так мал.

Потом – опять зарубочка,
Ещё, ещё зарубочка,
По глупости, запальчивости.
Считаешь – больше ста.
Зарубки вместе с мальчиком
Вдруг стали вырастать.

Потом иду – нет липоньки,
Один пенёк от липоньки
Торчит ещё немножечко.
И мальчик мне:
– Так влип я, блин...
Какой же я debil!
Я этим самым ножичком...
Твоим дурацким ножичком...
А липонька всё видела,
И я её срубил.

Погода заволакивалась,
Хмурыжилась с тоской.
И я с ней вместе плакала,
Так плакала, так плакала
Над мальчиком, над липонькой,
Над участью людской.

По сердцу время кликает,
Грешочки упаковывает.
Иду сквозь годы скованные
И вижу мужичка.
То – Мальчик Мальчиковывич
Глядит на червячка,
Стоит у тонкой липоньки,
Худой цветущей липоньки,
О нас цветущей липоньки,
Которую он вырастил
У старого пенька.

Всё высохло. Прозрачная роса.
Казалось бы. Но жёлтый гул акаций...
оглянешься и хочется остаться,
вцепиться, удержаться, записать,
чтоб не было так муторно, так страшно.
Там мама только вышла в день вчерашний
за булочками или чабрецом.
Варенье опрокинув на коленки,
я улетаю солнечные гренки,
а мама рядом ссорится с отцом.
Потом уходит. Ты насколько? На день?

Не исчезай, не отпускай, не надо...
Давай, чтоб вышел месяц, дилли-дон,
черники алюминиевый бидон,
нельзя ходить за дом и за ограду,
там борщевик, не взрослая пока,
хранить в коробке майского жука,
старательно подписывать конверты,
и в речку палочки бросать с моста,
чтоб больше никогда не вырастать
до метр семьдесят, до зрелости, до смерти.
А зеркало таращится с трюмо
в молчание, пронзённое лучами,
глядишь и ничего не замечаешь,
ни мамы, возвратившейся домой,
ни как пылинки в воздухе качались.

Из трубы на кухне текла вода,
но труба не чинилась как-то.
И в апреле теплом цвела беда,
и расцвёл на окошке кактус.

Кот мечтал за меня колбасу доесть.
На душе был осадок чёрный,
будтоходишь маленькой ты в подъезд,
а оттуда твой велик сперли.

Самолётный след – как небесный бинт.
Джинсы куплены не по росту.
И любить человека, всегда любить,
становилось совсем непросто.

Тот месяц был глуховат и сед,
ужиться не так уж просто.
Он колобродил, бывал нетрезв,
бессовестен и сердит.
Он вёл себя, словно бы сосед,
зашедший однажды в гости
и отказавшийся наотрез
куда-нибудь уходить.

Бродил, бездумный и ледяной,
по куценькой нашей жизни,
дышал на окна да из угла
нам холода доставал.
Он часто путал меня со мной,
в которую холод вызрел.
А я хотела, но не могла
укутать его в слова.

Но ты был стойким и говорил,
что улицы смажут маслом,
веснушки явятся, как грачи,
усядутся на лице,
и что тепло, оно – там, внутри,
не смерклось и не погасло.
А мне казалось, что мир молчит
и дышит на том конце.

А мне казалось, что не смогу,
что я тяжела, как камень,
который точит день ото дня,
набрасываясь, прибой.
Но ты дежурил на берегу
и просто хранил покамест,
весенний день не пригрел меня,
последовав за тобой.

И солнце, шkodник и птицелов,
вставало тысячекратно
и выходило с утра стрелять
по лужам всё горячей,
как будто в небо без лишних слов
направили перфоратор
и просверлили прицелы для
палящих его лучей.

А мы дурачились. И палас,
пропахнувший мылом жидким,
оказывал ночью скупой приём
бессонному дурачью.
И вот февраль поглядел на нас
и вынес свои пожитки,
отчалив к северу с кораблём,
запущенным по ручью.

АЛЕКСАНДР ПЕТРУШКИН

Кыштым

Поэт, прозаик, драматург, критик, организатор литературного процесса. Родился 6 сентября 1972 году в г. Озёрск Челябинской области. С 2005 года живёт в г. Кыштым Челябинской области.

Дважды финалист премии «ЛитератуРРентген» (2005, 2006). Полуфиналист международного литературного конкурса «Тамиздат» (2007). Лауреат уральского фестиваля поэзии «Глубина» (2007). Лауреат литературной премии «ЛитератуРРентген» (2007) в номинации «Фиксаж» (лучший нестоличный издатель поэзии). Лауреат литературных премий журналов «Дети Ра» (2008), «Зинзивер» (2010) и др.

Куратор проектов культурной программы «Антология», других литературных премий, фестивалей и семинаров. Учредитель и издатель нескольких антологий, книжных серий, альманахов и журналов: журнала актуальной литературы «Транзит-Урал», литературно-художественного фонда «Антология», фестивалей «Новый Транзит» и литературы малых городов им. Виктора Толокнова. Главный редактор литературного журнала «Новая реальность».

С 2008 года координатор независимой поэтической премии «П». С 2009 – организатор и куратор евразийского журнального портала «Мегалит» (promegalit.ru), объединяющего десятки литературных изданий.

Публиковался в журналах «Урал», «Транзит-Урал», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «Крещатик», «День и Ночь», «Аврора», «Нева», «Дети Ра», «Воздух», «Знамя», «Гвидеон», «Слово\Word», «Шо», «Эмигрантская лира», «Text only», «Топос», «Полутона», «Зинзивер», «Футурум Арт», «Журнал ПОэтов», «Новые облака», «Южное Сияние», в «Антологии современной уральской поэзии: 1997–2003» и др.

Автор сборников стихов «(В)водный ангел» (2005), «Анатомия» (2006), «Я полагаю что молчанья нет» (2007), «Кыштым: избранные стихотворения 1999–2008 годов», «Пойми, никто не виноват» (2010), «Маргиналии» (2011), «Летящий пёс» (2012), «Отидо: черновики 2013 года» (2013).

Член «Союза писателей Сибири» (2011), «Союза писателей XXI века» (2011), Южнорусского Союза Писателей (2013).

Победа в немощи моей,
в воде, что отшлифует зёрна

другой воды, иной страны –
и выймет веточкой из дёрна

меня ещё, но не меня
нести она по свету будет,

как лодочку и рощу, там
где на холмах рыбак нас удит.

Птица мокрая и темень
у земли во лбу лежат
и двоятся, словно время,
ждут, когда их испарят.

И прохожие слепые
под пархатым сквозняком
расступаются, как тени,
и становятся окном.

Воробьями отлетают бляди
в каменный свой сад –
ну, а Бог сквозь них в нас смотрит –
ждёт, когда вернут назад.

Кто поёт настолько тихо?
Сверишь правды и – пройдёшь,
это нежно (в смысле: длинно),
как гирлянду потрясёшь.

Понимаешь? Белы пятна.
Прилетевший идиот-
ангел тянет нас обратно,
за повозкой света, от.

Из четырёх сезонов пятый присмотри,
которому прикручен изнутри,
приверчен намертво – бессмертьем говоря,
как языком, который тоже яд.

Еврейчик малый в русской глубине,
шестёрке стрекозы не о тебе
шептаться тенью, памятью полёта –
но вынимаешь тело из пилота
и остаётся потная земля,
тряпье словес, протёртая погода,
где за тобой немая густера

взирает на лице до небосвода,
где смерть и жизнь, как займы, шелестят.

Шипение земли в узлах июля,
свисток бессмертный, ангельская пропись,
жилище света, пляшущего в угле,
как времени мерцающая полость –
твой кукушонок, Господи лежащий
вокруг воды и сущей, и дрожащей,
летит и погружает в тьмы приметы
кузнечиков, как рождество горячих.

То мёрзлая земля в ответ,
то Бог, который дробный свет,

летят меня наискосок
на тела призрачный манок.

Не удержу я скоро их
и – поделённый на двоих –

войду в обратный снегопад,
где ждут меня или простят.

Никакие приходим сюда
через судный свой кашель,
через пряники света –
не смертные или не ваши
держим посох из воздуха,
в щели предметы собравший,
как голодные тьмы колоски
из извилистой пашни

Ничего не бывает
помимо испуга вначале,
и нельзя испугать голубей
что в мундирах задиристых ходят,
роют норы полёта,
точнее – как нить расплетают
проводившего ангела – здесь
до кругов в небосводе.

Невыносимое молчание твоё
приносишь мне – а приносимо всё
горящее, горчащее и стужа
синицей отразившаяся в луже
в которую ступаю высоко.

И синяя дорога пролегла,
как кольца ледяные, у виска...
ни места, ни дороги – и двоенье
твоё на каждом кадре, как река.

СВЕТЛАНА ПОЛИНИНА

Черноморск

Автор песен, бард, поэт, прозаик. Руководитель арт-объединения «Поющая гавань». Родилась в 1961 году. Окончила музыкальную школу по классу скрипки, народную студию киноактера при Одесской киностудии, Институт инженеров морского флота г. Одессы.

Дипломант и лауреат множества конкурсов авторской песни. Автор детских книг «Город Алфавит», «Понарошку и всерьёз», сборников «Росток», «И параллельного – в обыденный» и др., аудиодисков «Чай с лимоном», «Слышишь, Земля вращается?», «Золотые россыпи – люди, книги, города», «Время любить», «Город, где живут мечты».

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Художнику Н. Прокопенко

Здесь август свои натюрморты рисует,
Испанка застыла, о танце тоскует.
Звон медных кувшинов, скрип кожаных кресел,
Все в зале одном, этот мир им не тесен.
Коварные карты, лукавство циркачки,
Расколотый месяц, наездница в пачке.
Поющие летние звездные ночи,
Стук яблок о землю всё чаще, всё звонче,
И сладки, как груши все женские плоти,
О чём вы грустите, о чём вы поёте?
А ночь, словно гимн уходящего лета,
Что платья, когда в серебро всё одето.
О. лето, о, бабье, зима за горами...
О, Жизнь! Я играю твоими дарами.
Пусть сердце во все перепачкано краски,
Люблю тебя Жизнь, не пугаясь огласки.
Здесь море любви и оно не мелеет,
Здесь парусник на горизонте белеет.
Дни станут короче, а ночи длиннее,
Ты женщины в синем напишешь колени.
Когда возвратится цветенье сирени,
Мазки станут ярче, а мысли смелее.
Всю землю зальёт золотой киноварью,
Дав каждому шанс быть божественной тварью,

Заглянешь в святые глаза Вдохновенья,
И пальцы забудут, забудут о лени.
Вернутся на холст Коломбины, Лолиты,
И станут все дачи цветами увиты,
И даже кровати железные прутья
Вдруг красными станут не цветом, а сутью,
И ты, пробудившись сиреневым утром,
Идешь и рисуешь впервые как будто.

Ах, что Вы, я обид совсем не помню,
На свете нет напраснее труда.
И по причине слишком тесных комнат
Куда их складывать, скажите мне, куда?
На стенах живопись, на полках книжек тонна,
На столике французские духи,
А сердце осень золотом наполнит,
Ведь дни стоят прозрачны и тихи.
И потому, что я обид совсем не помню,
Во мне опять рождаются стихи.

ДУША

Матушке Серафиме

Это мной не проверено,
Только, как же не верить в то,
Что душа устремится на берег тот?
А иначе не выдержать,
А иначе не выдюжить
Эту эту жисть – эту жечь,
Эту ржавь, эту плеть,
Эту цветь, эту клеть,
Этот мед, эту медь,
Этот плач, эту спесь,
Этот долг, эту честь,
Эту кровь, эту месть.
Эту жизнь – эту песнь.
И всегда новизною полна будет весть,
Мне её ни понять, ни объять, ни прочесть:
То единственное, чем владею сполна,
Не рука, не нога, не моя голова,
А комочек, порой ощутимый едва,

Океан мой! Душа моя! Ты – это Я.
И вчера ещё ноша была нелегка,
А сегодня несут меня облака,
И видна с высоты целиком вся река.

ПОМНИ О ВЕЧНОСТИ

Помни о вечности,
Только не думай о ней слишком долго
С важностью гордой молчальника нумизмата
Мы её глупые крохи, пылинки, соринки, осколки,
Не сознающие, как мы несметно богаты
Вечно с вопросами к Вечности: – Скоро ли? Сколько?
А она смотрит цветущей сиренью на нас нежно и виновато.

ПОЭЗИЯ

Поэзия, на дно любой печали
Способны заглянуть твои лучи.
Ты – слово, миру данное в начале,
Ты – солнце в самой пагубной ночи.

От всяких зол, от умопомраченья
Я погружаюсь в твой живой поток,
И обретаю вновь души свеченье,
Где каждый распрямится лепесток.

Сотрутса маски, пошатнутся троны,
Кумиры, идолы, всё обернется в прах,
А Слово, сладкозвучно и весомо,
У Времени застынет на устах.

Служи, моя голубушка душа,
Не жди и не выпрашивай награды.
Иди дорожками заброшенного сада,
И думай: – Как погода хороша!
Услышь немую песню облаков,
Присев на первой придорожной кочке,
У ветра, у деревьев, у цветов –
Вся жизнь в трудах,
и нет ни дня без строчки.

ЕЛЕНА РОСОВСКАЯ

Одесса

Поэт. Родилась в 11 ноября 1972 года в Одессе. Окончила филологический факультет Одесского государственного университета им. И. Мечникова и Экономический колледж.

Стихотворения опубликованы в журналах «Южное Сияние», коллективных сборниках «Лит-Ё», «Провинция у моря – 2014», интернет-порталах «45-я параллель», «Авророполис» и др.

Победитель Основного поэтического конкурса и Анонимного конкурса одного стихотворения на IV Международном арт-фестивале «Провинция у моря» (Одесса, 2014). Победитель IV Международного литературного фестиваля «Шорох» (Симферополь, 2014, 1 место в номинации «поэзия»). Член жюри Международного арт-фестиваля «Провинция у моря» (2015).

Член Южнорусского Союза Писателей (2014).

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГУДВИНА, НЕКОГДА ВЕЛИКОГО И УЖАСНОГО

Это точно случится в обычный январский день,
ты проснёшься и вспомнишь, что Элли ушла с Тотошей.
за стеной у соседки собака и плач детей,
а тебе повезло – ни детей, ни собак, ни кошек.

тишина, тишина, ни фм ни другой волны,
сигареты, журналы и финики – три уродца.
разливается чай, как таинственный Белый Нил,
тараканы ползут к холодильнику, словно к солнцу.

ты проснёшься, Страшила сгорел, Дровосек утоп,
изумруды бомжи растащили и город умер.
день январский похож на обычный дешёвый гроб,
он такой же, как день в октябре, или день в июне.

заколочен балкон, потому что туда нельзя,
и оттуда нельзя, потому что душа больная.
телефон замолчал лет тринадцать тому назад,
одноклассник-приятель уехал с семьёй в Израиль.

ты проснёшься. беда не придёт, не придёт никто,
За стеной у соседки начнётся программа: будни.
на полу нарисуешь свой тысячу первый торт:
с Днём Рождения, «счастливый» волшебник, Великий Гудвин.

МАШЕНЬКА

Все детали сегодня важны, потому что
Будет Машенька ёлку одна украшать:
Черепашки, снежинки, солдатики, пушки
И на самой верхушке оранжевый шар.

Так спокойно, снегурка и дед краснощёкий,
Ни беды, ни еды, только снег и луна.
Очень хочется праздника, пряников, сока,
И немного здорового крепкого сна.

За окошком сиротствуют город и ветер,
А на праведном небе сиротствует Бог.
На земле же хватает гробов и отметин,
Правда, в этом году было больше гробов.

Жаль, чудес не случилось, и Машеньке ясно,
Что подарки под ёлкой – родительский трюк,
Но сегодня под ёлкой дырявая каска,
И уродливый старый угрюмый утюг.

Сон приходит внезапно, целует в затылок,
Время сладкое, будто бы сахар-песок,
Предлагает на выбор: верёвку и мыло,
Или небо, разорванное под шансон,

Под весёлые вспышки и грохот крошечный.
Но за небом дорога из белых камней.
И в саду Гефсиманском молящийся грешник
Так доверчиво смотрит и плачет о ней,

О единственной маленькой глупенькой Маше,
О прощёных убийцах и добрых царях,
О смертельно здоровых и временно павших,
О земле плодородной и мёртвых морях.

И остаться бы здесь, и прилечь под оливой,
И, свернувшись калачиком, плакать о том,
Что сегодня зима и сегодня мы живы
В нашем городе-голоде полупустом.

Но часы замирают от воя сирены.
Сон уходит без боя, сдавая дома.
Маша делит людей на героев и пленных,
На сошедших с небес и сошедших с ума.

Город дышит огнём без единого шанса
Сохранить прежний вид до скончания лет.
Маша кутает ёлку в своё одеяльце
и твердит: мамынетпапынетмашинет...
Бога нет.

АЙСВАЙС

фиолетовый берег, три домика, храм, лесок,
и покой, словно боженька выдал мне «аусвайс»:
мол, податель сего долетал до таких высот,
а потом упокоился с миром, кого-то спас.
мол, податель сего был банально убит, забыт,
обездвижен, оплакан и выброшен в добрый путь.
где смирился, ушёл с головой в безвозвратный быт.
фиолетовый берег, три домика, как-нибудь...
всё по плану, по делу, по правде, по самый крест:
и до жизни, и после жизни, и без неё.
мол, податель сего до сих пор безобразно трезв,
и живёт, и кому-то молится, и живёт.

ЧИЖИК-ПЫЖИК

Чижик-пыжик – девочка, нос – картошкой,
Две косы да шапочка (мама вяжет).
Не гуляй ты по лесу, лес заброшен.
Не гуляй по городу и на пляже.

Всюду волки тощие (голод – гонит),
Всюду нечисть жадная куролесит.
Не смотри доверчиво на иконы,
Избегай, пожалуйста, тёмных лестниц.

Покидая терем твой, тополь, дворик,
Городок доверчивый в табакерке,
Улетаю с птицами. Вечер. Вторник.
Виновато радостный и бессмертный.

Чемоданы, новости, барды, борды.
День в Марселе – сказочно, ночь в Париже!
По Фонтанке шествую, сытый, гордый,
Напевая весело: чижик-пыжик.

Возвращаюсь, правда, ведь, возвращаюсь
Из заморских гаваней, ясен сокол.
То-то будет радости, жёлтый заяц
В чемодане прячется. Дворик, тополь,

Терем – яма бурая, крестик, нолик,
небо с выпирающей серой грыжей,
и соседский пьяница, тихо воет:
Чижик-пыжик, чижик... никто не выжил.

МАСТЕР. ПОЧТИ ДНЕВНИК

доктор, подскажи который час?
приобщаюсь к голосу и пыли.
магазины до утра закрыли
и закрыли каждого из нас.

доктор, я не думаю о ней,
пью микстуру, и считаю пальцы.
их двенадцать, доктор, их двенадцать!
и не думать с каждым днём больней.

белый шорох, ванна, мой сосед
по ночам скулит и гадит стоя.
чай больничный с горечью алоэ
и в конце туннеля яркий свет.

здравствуй, лампа, мне нехорошо,
на пижаме номер инвентарный.
мой сосед по лестнице пожарной
к богу на свидание ушёл.

доктор, я о ней не помню снов.
начал стоя гадить, стало легче.
время лечит, лечит, лечит, лечит!
здравствуй, лампа, я почти здоров...

ОЛЕСЯ РУДЯГИНА

Кишинёв

Поэт, публицист, прозаик. Родилась в Кишинёве. Окончила Молдавскую государственную консерваторию по классу фортепиано.

Публикуется с 1990 года. Стихи, проза и публицистика печатались в журналах «Московский вестник», «Дети Ра», «Юность», «Новая Юность», «День и Ночь», «Зарубежные записки» (Россия), «Новая Немига литературная» (Беларусь), «Балтика» (Эстония), «Эмигрантская лира» (Бельгия), «Кодры» (Молдова); в «Литературной газете», альманахах «Братина» (Москва), «Как слово наше отзовется» (Беларусь), «Оклик» (Сан-Франциско, США), «Новые сны о Грузии» (Грузия); в антологиях «Современное русское зарубежье» (Москва), «Кишинёв в литературе», (Молдова), «Поэзия – женского рода (Германия); сборниках современной русской короткой прозы Молдовы «Белый Арап», «Пролетая над...», «Кишинёв-2013», «Антология белых арапов» (Кишинёв) и др. Автор шести поэтических книг.

С 2005 года – председатель Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Учредитель и главный редактор литературно-художественного и публицистического журнала «Русское поле» (выходит с 2010 г., Кишинёв). Инициатор проведения и куратор Международного фестиваля русской литературы в Молдове «Пушкинская горка». Награждена специальным призом Международного литературного конкурса «Русская премия» «За вклад в сбережение и развитие традиций русской культуры за пределами Российской Федерации» (2010). Удостоена почётного звания Республики Молдова «Maestru al Literaturii» (2014). Член СП Молдовы и СП России.

Работает звукорежиссёром на телеканале «MOLDOVA-1». Преподаёт в Славянском университете (кафедра журналистики). Защитила магистерскую диссертацию «Тема Родины в произведениях русских поэтов Молдовы» на кафедре славянской филологии.

В ДЕРЕВНЕ У ОТЦА

Долгий медленный дождь
над сомлевшей Волокой*,
всхлипы иволги, – пленницы лета, –
всё глуше,
от, когда-то, – в «день третий» –
означенной суши
не осталось ни пяди
в тиши волоокой.

Поднимается лес по течению
всё выше,
небесами смиренно
трава прорастает,
Слышно лишь, как во сне,
осторожная, дышит,
притаившись в ветвях
голубиная стая

листопада грядущего... И от порога
взгляд скользит по волнам,
в зыби их различая:
вот скатилось в подол
босоногого бога
недозрелой звездой нежной –
яблоко рая...

** деревня под Черновцами*

Звёзд падающих больше, чем желаний,
А летних дней уже наперечёт...
Знобит листву от сентября посланий,
Тропинка в синем мареве течёт.
Здесь иволгам приволье, да удодам,
Но не слышать всезнающих сорок,
Польнью пахнут облака, и йодом
Врачует море ноющий висок.
Оно вон там ликует, – под обрывом,
Где неба столько – слёз не удержать!
Где можно век, в бездействии счастливым,
В траве, поющей на ветру, лежать!..

ПЛЯЖНОЕ

какой же бред какое бельмондо
вся эта жизнь клетчатка клетка лето
что стрекозой классически отпето
но всё же ослепительно рябит
трепещет морем в ветреный денёк
когда на небе ни души ни тучки
когда песок блаженством сыпучим
весь твой бесщётно безупречно твой

пустынен берег – ты ушла за край
тоскливых пляжников жующих пьющих ждущих
у моря праздника погод измен насущных
а ты ушла и это в общем рай

ВСТРЕЧА У МОРЯ

То ли полоз, то ли уж,
То ли чёрная гадюка –
Выползла из моря,
муж
всё рисует и – ни звука!

Щурясь, смотрит на волну,
Кистью всё быстрее водит,
Будто вверенное сну
На бумагу переводит.

Вот и осень. Пятый день.
Неба щедрого подарок:
Пенный, ясный, сини сень –
Тёплый шторм, как счастье, ярок!

Ах, полосочка косы
Между морем и лиманом, –
Грусти золотой часы
Облаками – караваном!

И под зонтиком сидит
Мой художник-под присмотром
Глаз змеиных... Так глядит
Вечность взглядом приворотным.

Спасибо, бессонная птица канюк,
за то, что канючишь со мною,
а то бы мне был однозначно каюк
под жгучей бесслёзной луною.
А то бы меня заломала тоска
ужасным дубровским медведем, –
о том, что на море уже никогда
мы с мамой моей не поедем.

Спасибо брат-птица за голос живой,
за – полночь пробившее – сердце.
Канюк...Ты ль не Ангел хранителю мой,
последнюю прячущий дверцу?

Жизнь – только повод упасть в стихи,
как в заросли пастушьей сумки цветущей,
которой поля футбольные заросли
заброшенных пионерлагерей – амнезии сущей.
И остается отчетливый след
тела с распахнутыми крылами
в траве, когда я ушла, а вслед –
кукушка и кто-то без имени
летними голосами...

Вот новость – дождь,
так долго жданный летом,
нелепый нынче в щедрости своей.
Планета осень, тленье,
и об этом
стремительность и нежность наших дней.
Оглядываться – времени не хватит,
и, к морю отпуская только в снах,
жизнь промотает нас, прожжёт,
растратит,
остынет пеплом горьким на губах
всех в мире войн, безденежья и страха,
отчётливым предчувствием потерь...
Но на краю отчаянья и краха
в бреду есть брод
и – отвратима плаха:
Люблю. Любима.
Навсегда теперь.

АЛЕКСАНДР СЕМЫКИН

Черноморск

Поэт. Родился 12 декабря 1973 года в Одессе. Живёт в г. Черноморск (Одесская область).

Лауреат Третьего международного фестиваля литературы и культуры «Славянские Традиции – 2011» (1-е место в номинации «Поэзия, свободная тематика; 3-е место в конкурсе на приз зрительских симпатий в этой же номинации; 1-е место в Поэтри-Слэм; лауреат международной литературной премии «Славянские традиции»). Лауреат муниципальной литературной премии им. К. Паустовского (Одесса, 2013, 1-е место в номинации «поэзия»). Член жюри IV Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2014».

Стихотворения публиковались в журналах «Дети Ра» (Москва), «Южное Сияние» (Одесса), «Дерибасовская – Ришельевская» (Одесса), «День и Ночь» (Красноярск), «Дон» (Ростов-на-Дону), в интернет-журналах «45-я Параллель» (Ставрополь), «Гостиная» (Филадельфия), «Ликбез» (Барнаул), «Авророполис» (Одесса), коллективных сборниках «Пространство слова. Od.ua» (Одесса, 2010), «Территория I» (Одесса, 2010), «Провинция у моря – 2013», «Провинция у моря – 2014», «Провинция у моря – 2015», в альманахе «Меценат и Мир» (Москва) и др. Автор поэтического сборника «Кризис среднего во» (2012). Член Южнорусского Союза Писателей (2011) и творческого объединения «Территория I».

ЗИМНИЙ СОН

Зима, как зверь свирепый, мглу
грызёт, являя прикус волчий.
Мой крик сползает по стеклу,
но молча.

Слепая ночь горчащий яд
со льдом мешает в кружке стужи,
рождая сто миров, где я
не нужен.

Мой сон метелью снежных бритв
разбит на множество осколков,
и я не сплю, я лишь убит
и только.

ЗНАК

Зима в людских сердцах и лицах.
Но у Зимы иной расклад –
Ей предначертано влюбиться,
И потому она тепла.
Амур, старательнее целься!
Там от мечты на волоске
Качнётся законный цельсий
И грянет солнечный оркестр,
Где в каждой оттепельной нотке
Таится нежный знак Зимы
Таким замёрзшим, одиноким,
Таким несчастным всем,
как мы...

А У ВЕСНЫ...

А у весны зелёный почерк.
Гляди, как льёт ажурно вязь
Из авторучек клейких почек
Девчонка-школьница, смеясь.

А у весны курносый профиль,
И непокорный завиток,
Ручьём сбегаящий на брови
С волнистой чёлки золотой.

А у весны глаза так сини,
Что даже мельком этот взгляд
Выводит зимние токсины,
Снижая стрессы до нуля.

А у весны весна в кармане
Потёртых джинсов «хиппи-стиль»
И «Sunshine Reggae» Боба Марли,
И Стинг на плеере грустит.

СУМАСШЕДШАЯ В ОРАНЖЕВОМ БЕРЕТЕ

Сумасшедшая в оранжевом берете,
воспалённое дыханье горячо...
Как – о ком я?!
Да помилуйте, – о лете!

Сумасбродка, нимфоманка,
а ещё
дама яркая,
но вязкая, как лава,
изнурительна,
как чтением – Талмуд,
пообщавшись с ней денёк, почувешь слабость,
ведь она же пьёт все соки,
плюс к тому –
поразительно сварливая особа,
всё не то, не так – капризов миллион...

Есть нюансик в отношениях.
Особый.
В детстве, помнится,
я был в неё
влюблён.

МОРГНУТЬ НЕ УСПЕВАЕШЬ

Моргнуть не успеваешь – снова осень.
Невидимую ниточку прядя,
Крадётся паучишка-сенокосец
Плести узор раскосого дождя
По окоёму окаянной рамы.
Зачем мне слёзы на лице окна?
Но паучок старается упрямо,
И дождь ни обогнуть, ни обогнать.

НОВОГОДОСТАЛЬГИЯ

Я в глазёнках младшей дочки увидел сегодня праздник:
Он искрился, рассыпаясь отражением огней
В ёлочных шарах-игрушках разноцветно-пёстро-разных,
Словно кто – волшебной кистью разукрасил их во сне.

А ещё там были белки, мишки, слоники... подарки,
Ожидание которых входит в перечень чудес,
Тех, что нёс с собой когда-то в ощущениях детских, ярких...
Лишь вчера, казалось, с ними лёг поспать... Проснулся – без...

И немножко стало грустно, и чуть-чуть мне стало жалко:
Не вернуться снова в детство, не направить вспять реки...
Эх, сейчас я ностальгию, откупорив, выпью залпом!
Новый год разлит в бокалы и пускает пузырки...

ЛЮДМИЛА ШАРГА

Одесса

Поэт, прозаик, публицист. Автор сборников прозы и поэзии «Адамово Ребро» (2006), «На проталинах памяти» (2008), «Билет в осенний день» (2010), «Рукой подать...» (2011), «Повесть о падающих яблоках» (2013), «Яблоневые сны» (2014), «Ночной сюжет новостей» (2015).

Автор многочисленных публикаций в печатных и электронных периодических изданиях, лауреат международных литературных конкурсов и премий. Редактор сайта Творческой Гостиной «Diligans». Заместитель Председателя Южнорусского Союза Писателей. Зав. отделом поэзии литературного журнала «Южное Сияние».

СИНИЕ СТИХИ

Летний вечер у дверей,
словно ангел – тих и светел,
далеко – за семь морей –
улетел бродяга-ветер.
Дремлет стая синих гор,
чуть прикрывшись облаками,
синий звёздный кот лакает
Млечного Пути простор.
В нём душа моя плывёт
и серебряною птицей
в море синее глядится,
и не верит звёздный кот,
что огромная луна
тоже стала тёмно-синей...
А душа пером гусиным
за конторкой – у окна –
пишет синие стихи,
тешит синие чернила.
Сколько б слов ни обронила,
будут все стихи тихи.
Будет таять до зари
вечер летний,
синий вечер.
Кофе в чашку, шаль на плечи...
Дышит осень у двери.

Нам бы жить у моря Красного,
где вода синее синего,
вот была бы жизнь прекрасная,
кругосветно-апельсиновая.
А потом у моря Жёлтого,
где гнездится цапля белая,
раскрывая зонтик шёлковый,
созерцать малину спелую.
Если выпало в империях
задышаться от отчаянья,
знай, поди, к какому берегу
нам по осени причаливать.
Вот и тянет к морю Чёрному,
есть оладьи с ежевикой,
завести кота учёного
и русалку луноликую.
Мчатся золушки за принцами,
им успеть бы до полуночи,
ну а нам пора в провинцию –
право-слово – хватит умничать.
Заварю-ка кофе чёрного
и чего там... с ежевикой,
для тебя – кота учёного,
я – русалка лунолика...

ТАКОЕ В АВГУСТЕ БЫВАЕТ

Такое в августе бывает:
фосфоресцирует вода,
и море дышит, остывая,
как будто что-то напевает,
и рядом падает звезда.
И ты кричишь: звезда упала!
А море – радужней опалов,
синей персидской бирюзы,
прозрачней ангельской слезы...
Такое в августе бывает,
по влажной коже свет стекает,
и ночь таинственно светла,
в ней наши бранные тела
давно часов не наблюдали...
Кем были мы и кем мы стали,
что обрели,
что потеряли.

Там время потеряло нас.
Оно ещё не начиналось,
и до его начала малость –
падение звезды –
осталась.
А где-то вечность пронеслась.

ДЕВОЧКА И МОРЕ

Девочка на солнечном берегу,
раковина судеб в ладонях детских,
и плывёт в дыхании моря гул,
улочек и дворики гул одесских.
За плечами город – мечта моя,
корабли в порту якоря бросают...
Девочка и море.
И где-то я
по песчаной кромке иду босая...
Девочка и море.
Июньский день
светом рассыпается в рыжих прядях,
и круги расходятся по воде,
и ладошки детские волны гладят.
Девочка и море – сюжет простой,
солнце луч косою на причал бросает,
и уходит в плаванье за мечтой
синяя шаланда под парусами.
Девочка и море – туман и свет.
Горняя слеза в золотом окладе.
На песке теряется чей-то след,
и ладошка детская волны гладит.
Раковина судеб поёт в руках,
синяя шаланда вот-вот отчалит.
Девочка и море.
И облака.
И дыханье города – за плечами.

ПАРУС АЛЫЙ, ПАРУС БЕЛЫЙ...

Парус алый, парус белый...
Мне волна морская пела,
пела-пела, напевала,
за собою зазывала.

К берегам далёким южным,
в царство раковин жемчужных,
в край коралловых атоллов,
кольца хрупкие которых
розовеют на рассвете,
а над ними южный ветер,
Южный Крест и южный Парус...
южной ночи звёздный гарус...
Море пенилось, кипело,
а волна всё пела, пела,
пела-пела, напевала...
В тех краях я не бывала.
Где-то ждёт далёкий берег,
на песчаных дюнах белых
ветер тонкий шлейф оставил,
след терялся,
таял,
таял.
Рядом россыпи ненужных
створок раковин жемчужных,
перламутр, под слоем пыли:
чьи-то сброшенные крылья.
Былью станет сказка чья-то.
А моя – хоть простовата,
сказкой пусть и остаётся,
трудно для себя поётся.
Парус алый,
парус белый,
мне волна морская пела.
Пела, пела, напевала,
я за нею уплывала...

ФИНАЛИСТЫ
ШЕСТОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО АРТ-ФЕСТИВАЛЯ
«ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ - 2016»

ОЛЕГ БАБИНОВ
Москва, Россия

ТАУЭРСКИЙ МОСТ

На Тауэрский мост вхожу, поджавши хвост.
Так лезут на чердак, где бабушкина рухлядь
над бездною висит, как Тауэрский мост –
куда её качнёшь, туда она и рухнет.

Как будто два ферзя на шахматной доске,
с подливой ила съев окрестные фигуры,
остались одне на тонком волоске –
две бабы, две сестры, две королевы-дуры.

Сгущённый океан, ужатый под корсет –
начало всех калькут, вирджиний и дерзаний!
Я потерял билет на дарвинов ковчег,
я вымер, как скелет музейный динозаврий!

Найдётся ль тот чердак (практически – чертог),
где сложены слова в старинном, твёрдом виде,
где скажешь «oh my God!» – и возникает Бог?
Почтенный консультант в седом шотландском твиде

с подкладкой из любви (потёртый крепдешин),
с улыбкой на губах, уже шепнувших «sorry»,
уходит по реке прочь от вершин, вершин
туда, где горизонт, где горизонт и море.

РЯДОВОЙ РАХМАНИНОВ

Не жaley ни меня, ни прочих нас –
мы родом из века каменного,
но, Господи, слава Тебе, что спас
рядового Рахманинова!

Мы пошьём войну на любой заказ –
хоть тотальную, хоть приталенную,
хоть со стразами, хоть без всяких страз,
необъявленную, отравленную.

Санитар, санитар, не тяни, бросай –
не того потащил ты раненого.
Не спасай меня, но во мне спасай
рядового Рахманинова.

СТЕЖОК

Мне подарили на челне
дубинку и мешок
и право сделать на руне
единственный стежок.

К себе подтягивая нить,
откусывая связь,
хочу судьбу переменить,
себя посторонясь.

Хочу зашить овраг небес,
заштопать их носок –
но почему-то в тёмный лес
опять ведёт стежок.

«Какой ты швец!» – смеются чтец
и на дуде игрец,
которым голоса протез
ковал глухой кузнец.

Струится из дыры в носке
кудрявый господин
и пишет ветром на песке:
«Ты – царь Живиодин!»

Легка бикфордова кишка.
Пинкфлойдова стена
в стране дубинки и мешка
не так чтоб и сплошна.

Мой утлый челн среди стремнин
найдёт к руну струю.
Я – бедный царь Живиодин,
и я немножко шью.

СЕРГЕЙ БАЛИЕВ
Ирбит, Россия

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ

отыскать молодые следы на усталой земле
тяжелее, чем Трою-удачу отыскать дилетанту.
проще в рюмке опять утопить все мечты и таланты.
проще душу заблудшую вновь поместить в лазарет.
сон тяжёл и недолог, желанья – легки и просты.
сплетены в полумраке святые и грешные мысли.
холодеет мотив, надрывая сердечную мышцу.
леденеют слова золотые сосульками в стынь.
одинокства тень на стене загрунтована наспех.
слой за слоем поверх – бесконечный а ля натюрморт.
а за окнами вновь горизонты распахнуты настежь
и таятся дороги, грозя и сумой, и тюрьмой.
затеряешься в джунглях, саргассах, ущербных кварталах,
проводив все напасти вчерашние смачным плевком.
на похмельные сопли – «зачем?» и «чего не хватало?» –
сам себя успокоишь:»кому в этой жизни легко?»...

разглядеть в прошлогодней траве долгожданный росток,
в неслучайную встречу поверить на выдохе лета –
словно новую жизнь обрести в первом вздохе рассвета,
заселив и освоив безлюдный, казалось, простор.
обернётся твой идол, покажется горькое сладким.
и ухмылка сойдёт за улыбку, а яд – за елей.
заплутают года, превращаясь в морщины и складки
на усталой, истоптанной, но неоткрытой земле.
выбирать и шагать, сомневаясь. прочувствовать эхо
аритмией в груди – и осколками прошлых побед.
журавли улетают, синицы забились под стрехи.
и фальшивым приамовым кладом сияет рассвет.
преломляются копыя и хлебы, вскипает досада
в безуспешной попытке сорвать многослойный покров,
сквозь круги на воде угадать купола Китеж-града
в глубине допотопных озёр, в толще звёздных миров...

одинокства тень на стене загрунтована белым.
на заре гаснут звёзды, как будто сгорев на костре.
поднимается солнце и катится яблоком спелым
по следам молодым. и домучен последний катрен.

в голове прояснится, захлопнется крышка «Lenovo».
убаюкает совесть (надолго?) израненный зверь.
отзвеневшее лето скользнёт в приоткрытую дверь
и умоет росой, и подаст полотенце льняное...

НАВАЖДЕНИЕ

...та сторожка на отшибе, от селения в сторонке,
мне запомнится ошибкой или прихотью небес?
не случайно я расшибся, оступившись ненароком,
не случайно дотащился до порога через лес...

знаменье иль наважденье?.. здесь, в таёжной глухомани,
я, охотясь на тайменя, сам попался на крючок.
кто мне послан во спасенье? взгляд дремучий и туманный.
я во власти чаровницы, я под стражу заключён.
здесь по стенам – разнотравье, здесь в котле томится зелье,
где корни и приправы умоляют – пригуби!
отхлебнёшь – и мир подлунный вдруг закружит каруселью,
и стреножит все желанья, словно метя погубить.
истекая чёрной кровью, обессилев от метаний –
то в ознобе, то в пожаре, то на углях, то в золе –
вдруг очнёшься, как споткнёшься, на столе блины в сметане,
и воркует чаровница голубицей на заре.
в голове – я только пепел... или нарождён из пепла?
ощущаю крыльев трепет, ощущаю кровоток.
не подбитый сонный стрепет – феникс вырвался из пекла,
взмыл, рванулся против ветра и от устья на исток.
глупо хлопают ресницы – снова мир нерукотворный
протянулся за границы и в зенит, и в горизонт.
человек я или птица? мне вольготно и просторно,
и душа полна желаний, и в движеньях есть резон.
эта женщина – ведунья иль обавница для князя –
статуэткой на крылечке провожает – охрани!
перемешаны столетья, кони ржут у коновязи,
и оттягивает плечи тяжесть кольчатой брони.
кто зовёт, какое утро расстилается дорогой?
кто трубит в созывает на охоту иль в поход?
повернусь в седле и вижу – всё в тумане за порогом.
развернусь навстречу солнцу и коня – в посыл, вперёд!..

...шаг за шагом отступают и сомнения, и хвори.
возвратилось осознанье – или пройдена черта?
пропадает доезжачий, меркнут тени гончей своры.
улыбаюсь как младенец, и слеза моя чиста...

ЯБЛОКО

упаду переспелым яблоком,
покачусь по зелёным травам.
надо мною дрозды и зяблики
славословить начнут исправно.
зашумят-подпоют кустарники
и всплакнёт на дорогу ива.
встрепенутся шипы татарника,
опереньем тряхнёт крапива.
зазвенят родники-источники
и болотная ухнет жижа.
червоточинки, червоточинки
поторопят – быстрее и ниже...

кто там ласковый, кто там бережный
ждёт в грядущем – забудет в прошлом?
и сорвавшись с крутого берега,
поплыву говорливым плёсом.
под туманами, вместе с зорями,
неосознанно и попутно,
между бликами и узорами,
вслед за солнцем на жар полудня.
в бесконечной реке – потерю,
позабывший о том, кем создан,
по течению, по течению
всё быстрее, всё ближе к звёздам...

только вечером, поздним вечером,
лишь накроет меня закатом,
вдруг припомню родную веточку,
ту, с которой упал когда-то...

ИВАН БЕЛЕЦКИЙ
Санкт-Петербург, Россия

Зимний вечер. Станции под Армавиром.
В три глотка банку ополовинив,
муж допивает и слушает, жена говорит:
«Он вернулся. Он живёт где и жил,
через улицу. Стало быть, не секрет,
ты должен знать». И муж, сложив
банку гармошкой, прячет её в пальто.
«Вряд ли мне интересно. Впрочем, я знаю, кто
будет задет.
«Да, твой отец». «Отец».

Явно пахнуло фермой. Тянутся огоньки.
Тогда было лето. Улица вдоль реки.
«Всё началось с собаки, сначала пришла она,
после – хозяин, вроде пришёл за ней,
но не за ней». «Отец-то уже в те дни
видел, что будет, и отпускал при мне
что-то в твой адрес. И оказался прав».
«Ты же ходил на работу. Август, была жара,
травы гнили ночами, а днём сгорали,
пыль за машиной сворачивалась спиралью».
«Да, ходил на работу. И сейчас бы ходил.
Папа – другое дело. Не сказать, что ему
было дело до чувств или дело до дел
наших с тобой. Было дело до мух
на винограднике, дело до сумасбродства,
чести, как он её понимал, а он понимал её просто».

Жалко собаку. Жалко сгоревший сарай.
Жалко трусость и смелость, и даже тягу к труду.
Снаружи под фонарем мелькает перрона край
И люди гуськом переходят реку по льду.

Кубанская дикая ночь, вся в извёстке и сундуках.
Но ничего не спит, так как мешает страх.
Валяются облака, смотрит вниз козодой.
Мается эскадрон, скинутый на постой.

Дом монотонно лежит, темен, скошен, горбат.
Брошенные в полях, умирая, не спят.
С бритвой наискосок, спрятавшись у окна:
«Я помнил о страхе всё, но, видать, не всё знал».
Страх приходит один и берёт под крыло
Чёрной гравюрной земли, где белеет село.

вечер дрожит как царевич как ножичек
няньки зовут садится солнце
тесная шея тесная кожа
нож выпадая перевернётся
змейка тарашится лес бежит
свита двигает головой
был наследник жив
и нет его
колокол думает бьёт в уме
дерево дёргается на холме
а над ребёнком восходит лубок
с волком с медведем-укусит-за-бок
с вымышленным ангелом за плечом
с небом с ничем

ДМИТРИЙ БЛИЗНЮК
Харьков, Украина

Полутьма скрывает изъяны наших душ.
На кухне исподволь закипает вечер,
как вишневый лак в кастрюльке
для заливки покалеченных скрипок:
вот здесь запястья погрыз короед,
а выше дятел терзал предплечья клена.
Выруби телевизор – бедлам из картона.
Убавь же свет и просто наблюдай:
мир расширяется,
точно зрачок с зеленым абажуром
или с волшебным подсвеченным аквариумом;
сиреневая полутьма – это то, что нам нужно,
чтобы душа смелее вышла из тела,
чтобы слова ступали тверже и наглее,
как Маугли, впервые увидевший вечерний город;
иногда и молчание – форма звука,
иногда и тьма – форма света,
и мы обвиваемся тишиной вокруг несказанных слов,
две сумеречные планеты;
обнимая тебя в сумерках, смываю с себя имя,
ценники, угловатые формулы на доске;
слишком много капканов на разумного зверя,
слишком много стеклянных будок внутри.

-

Когда ночь тушит огоньки сознаний
в зеленовато-бронзовых канделябрах тел,
мы на несколько минут становимся такими,
какими нас Господь видеть хотел –
свободные острова без явно очерченных берегов
парят в сдвоенной полутьме неба и моря;
так невидимка свободен во время дождя.
Это чувство накапливалось веками,
когда мы лежали в пещерах на завшивленных шкурах
и зубчатые отблески костра нас согревали –
сытых, сонных.
И в эти мгновения нечто посыпало нас солью –
на стеблях дыхания расцветала тишина –
цветы оранжевой тьмы.
Это власть теней и шепота,

когда отчётливо слышна музыка внутри вен и хрящей,
внутри поцелуев и лицевых костей.
Это вишенки на мясном торте хищника;
и наши объятия – символ нечто большего,
чем инстинкт размножения/наслаждения.
Так мангуст прислушивается к мелодии флейты,
текущей из приоткрытого окна.
И на миг забывает о змеях.

Крошки в постели –
инсталляция громадного скворечника,
но все грачи улетели,
и я изучаю твои складчатые веки,
будто серебристо-металлические закаты над городом
пост-ядерного одиночества.
Ты опять не смыла на ночь косметику:
принцесса в белье из лягушачьей кожи,
ты так любишь овсяное печенье –
ребёнок в тебе, как в батискафе,
становится на цыпочки
и вглядывается в мир за стеклом,
а там темным-темно,
изредка мелькают грозные тени.
Ночь. Густой свет торшера
цвета гречневого мёда на вязком изломе,
твои маленькие ладони – рукопожатие птички,
но прощаясь, ты всегда обвиваешься вокруг шеи,
нащупываешь родинку
и смотришь на замершие отражения
в зеркале прихожей – как мы смотримся –
фотогенично ли?
идиотично ли? –
как и все самодостаточные любовники.
Тишина после тебя – кильватерная пена,
и вот появляются взбаламученные кувшинки
с подводными венами, перерезанными винтом.
На кушетке в приёмной парапсихолога
я прокручиваю в голове твой голос,
словно обруч с голубой лентой.
А за окном крадёт хромающей рысью осень
и пахнет тлеющими листьями. Лучинки из детства.
И мне всё равно, куда тебе нужно деться:

я вижу, как загорается свет
в твоей параллельной жизни,
неприятные мысли, и я присыпаю их тальком –
созревшие попки младенцев...

-

Стягиваю тугие джинсы с твоих бёдер,
точно плотную кожу с рептилии,
вдруг останавливаюсь. Десятки воспоминаний
наслоились друг на друга, став твёрдыми,
будто жемчужины. Так рождается дежавю.
Так из десятков моих стихотворений
однажды выйдешь ты –
испачканная голубым сиянием, как джемом,
смеющаяся лебедь
с хулиганским засосом на изящной шее...

Грачи орали в микрофон,
и весенняя капель зеркально морщилась в лужах, и ворона
с лицом голодного ребёнка
жаловалась на жизнь кустам остролиста
и дворнику Ефиму.
А я искал любимую
в прозрачном лесу девушек,
и каждая девушка вертелась каруселью,
и щебетала на птичьём: «я здесь! я здесь!...»
но лопалась застеклённая ложь многоэтажек,
акварельный весенний обман расплескался.
Не солнце светило, а лягушонок
колыхался в запотевшей колбе со спиртом.
Золотистые блямбы играли в хлопки,
берёза стояла с пустым кулечком в руке,
как сумасшедшая пловчиха
(или Венера Милосская, упакованная в полиэтилен).
Она невпопад смеялась грачами,
но смех не взлетал высоко,
отражался от мокрых деревьев и стен, от света и луж,
как ангельский голос в соборе.
И праправнучки снежинок с грацией ртути
текли по дорогам – по своим журчащим делам.
Хромированная Венеция,
заросший в блестящих трубках и раструбах Харлей.
Не обращая внимания на хрупкий храм Февраля,

я не мог прийти в себя. Последний снег лежал на затылке,
как обедненный – нет – как нищий уран.
Весна – день открытых дверей,
перерезанных вен и рек трамвайными проводами.
Нашествие фальшивых алмазов, ре-дизов.
Румяная печать снегирей разломана.
Вот так в феврале берёза надела мамино платье,
и подол ветвей волочился по мокрой земле.

ОКСАНА БОРОВЕЦ
Киев, Украина

Это дерево будд – у него золотая кора,
У него корневище, а выше и вещи похлеще,
У подножья зарыта по грудь рукоять топора.
А на ветках – то жолуди – гроздья мужчин или женщин.

Это дерево будд, а под ним, прислонившись, злодей
Пишет детскую сказку про трёх поросенков и волка.
А под деревом россыпь опавших за ночь жолудей,
Чьи блестящие лица глядят из травы одиноко.

Их зарыть бы, а за зиму, глянь, и проклюнется лист.
И поднимется кто-то, повыше на голову прочих.
Но под деревом будд отчего-то и грунт каменист,
И глядят сквозь листву поросячьи голодные очи.

Гляди в поля:
Холодным молоком
Там небо опрокинулось, тягуче
На землю полилось кисельной тучей.
Гляди в неё
И думай ни о ком.

Молчи в неё
И с нею говори.
Ответит не волной, но отраженьем,
Но мелких рыб – глубоководным пенем,
Но словом вслух
И зрением внутри.

Так в девять лет
Стоял ты на краю,
Два раза в молоке отображённый,
Увиденным два раза поражённый.
И так молчал,
Как я не говорю.

Что видел ты,
Чумазый звездочёт:
Утопших птиц, проросшую пшеницу?
Ты ведал, стоит только наклониться –
И оловом вода перетечёт.

И потому, по косточки в грязи,
Ты вниз смотрел на блики небосвода
И по вселенной прутиком возил,
И дул на воду.

Это осенние марши, ты слышишь?
Лбы расшибают каштаны о крыши.
Это нестрашное чучело ночи
Смотрит тоскливо из скважин замочных.

Так получается: утром осенним
Выйдешь на улицу спящим растением,
Листьями водишь, колышешься зябко.
Ветер сгребёт тебя жадно в охапку

Точно таких же уснувших растений,
Что разучились отбрасывать тени.
Падают листья на руки, на платье.
Осень – скупая и дважды не платит.

Осень уходит с моими долгами.
Осень уходит моими ногами.

ЛЮДМИЛА БУЙЛОВА
Днепр, Украина

ТЕМНЕЕТ НЫНЧЕ РАНО

Невидимая морось. Ах, как же мне охота
уехать, все заботы оставив на потом.
...Лихие завитушки на кованых воротах,
и мокрые иголки под скользким каблуком.
За резким поворотом издалека заметить
уютную сторожку, теперь уже ничью,
соломенного Пугу, похожего на йети,
и поле, и дорожку, скользящую к ручью.

Как всё это знакомо, – под ложечкой заныло...
За пёстрой занавеской умыться поспешить:
льняное полотенце, лавандовое мыло,
и в синих незабудках фаянсовый кувшин...
Выбрыкивает память «завалинкины бредни»,
когда лешак являлся по чётным выходным.
Надену-ка бабулин батистовый передник,
шутливо препираясь со старым домовым.

Люблю свои пенаты, но выбираюсь редко
и бабушка изрядно была б огорчена,
что сломана ступенька, а хмель обвил беседку
и ломкую крушину не видно из окна.
Натопленная печка, румяные ватрушки,
под жёлтым абажуром покой и благодать, –
...устроится уютно на вышитой подушке
и в этой пасторальке счастливо засыпать.

На скатерти в стакане букетик сухоцвета.
Мне не пристало время невольню торопить,
подыскивая рифмы, грустить о бабьем лете
под вымученный скрежет колодезной цепи.
Заброшенная дача, денёк почти везучий,
что ни к кому не надо проситься на постой.
...Темнеет нынче рано. Причудливые тучи
наполнят полустанок чернильной темнотой.

СКОРО Я УЛЕЧУ В КАБО-ВЕРДЕ

Не ищи. И пускай – привереда, –
скоро я улечу в Кабо-Верде,
с островами Зелёного Мыса
я ещё не знакома пока.

Испугавшись себя до икоты,
дотяну до ближайшей субботы,
ускользая неслышно, по-лисьи,
я учусь не валять дурака.

Убежать из постылого плена,
но с лицом отупевшей мурены,
мне удастся сегодня едва ли
оказаться привычно-ничьей.
Посетить неприметной бродягой
вулканический остров Сантьягу,
окунуться до сладкой печали
в тёмный омут сезонных дождей.

Встретит ласково пестрая Прая
резким запахом зрелой папайи,
где под стоны гавайской гитары
разрезвится креол-донжуан.
И под блики ночного залива,
вспоминать «босоногую диву»¹,
наблюдать за танцующей парой
и с востока вдыхать харматан².

Наши страсти всё тише и тише.
Мне удобно с поехавшей крыши
проглядеть паруса каравеллы,
а потом улыбаться хмельно.
Это лучше, чем просто наскучить.
Под бессмертное «Бесаме мучо»,
я на пляже Куэбра Канела
пью одна молодое вино...

¹ *певица Сезария Эвора.*

² *сухой ветер.*

И ГРОМОВЕРЖЕЦ ПРОЧЕТИЛ...

Мне долгих слов не говори,
но фраз галоп...
Помашет зонтиком вдали
простой укроп,
запахнет мятою лесной
на берегу
и как прошедшею весной,
я убегу...

Какой неведомый досуг, –
души елей...
и равномерный, дробный звук,
ночных дождей,
и влагой щедро окропив
косой овраг,
властитель грома прочертил
над ним зигзаг...

Неспешный аист проплывёт,
качнув крылом...
Заветный узел он несёт
в знакомый дом...
Блеснувших слов зелёный сад,
покой в душе
и не найдёшь такой расклад
у Фаберже...

Как мне смириться с этим днём,
когда вокруг,
под запотевшим фонарём
очерчен круг...
Как на последнем этаже,
задержишь вздох,
чтоб не пророс в моей душе
чертополох...

...Дождями напоённый сад,
калитки всхлип
и утончённый аромат
цветущих лип...

АНТОН ВАСЕЦКИЙ
Москва, Россия

Только чёрный костюм.
Никакого другого костюма.
Прогуляться к мосту,
постоять неподвижно, бездумно,
как больной позвонок
в поясничном отделе;
как школьник
ждет-пождёт свой последний звонок,
подперев подоконник.

Он, конечно, глубокий знаток
иссушающих болей;
злых депрессий; стреляний в висок;
вековых меланхолий.
Поражён острой формой поэзии
в самые фибры,
словно ласковым лезвием
неходового калибра.

Он стоит в переполненном зале,
отчетливо видя
в благородной печали
себя, как приедет и выйдет
через годы на мост
и сравнит изменившийся город
с тем, который не подозревал,
что окажется дорог.

Встанет, как ресторан,
прогоревший на зимних дисконтах,
надломившийся башенный кран
на краю горизонта,
мост у речки у чертовой
с выраженным одиночкой,
нацепившим всё чёрное
летом, включая сорочку.

Детей становилось меньше. Игрушек – больше.
Пока не стемнело, я поиграл во все.
Потом мы смотрели кино, снятое в Польше,
о бравых танкистах и их беззаботном псе.

Потом я остался один, кого не забрали,
стойкий, как этот танковый экипаж.
Со сторожихой по имени баба Валя
мы обошли за этажом этаж.

Группу за группой, везде закрывая плотно
окна с дверями и выключая свет.
Плакать хотелось, но я был, как Валя Котик,
когда залезал засыпать под колючий плед.

Не выдающий ни горечи, ни печали,
хотя и страшное что-то произошло.
И не поверил, когда вдруг с улицы постучали,
и улыбнулся папа через стекло.

Сколько бы лет, километров, людей, событий
ни разделяло меня и тот детский сад,
я и теперь, ощущая себя оставленным и забытым,
иной раз ловлю на себе этот взгляд.

Снег десантируется
с облаков поутру
хлопьями, слипшимися
и густыми, как пена,
ветви и крыши
укутывая постепенно,
двор покрывая, скамейку,
крыльцо, конуру.

Выйдя из будки и видя
большой белый ком
в миске на фоне
прекрасного нового мира,
старый дворняга
себя ощущает щенком,
вдруг получившим на завтрак
тарелку пломбира.

Точно не помня,
кто мог это быть из детей,
что за уехавшая
без возврата девчонка,
пёс тонет в миске
всей мордой беззубой своей,
машет хвостом благодарно
и чавкает громко.

ПАВЕЛ ВЕЛИКЖАНИН
Волжский, Россия

Был чёрствый хлеб, что слаще сдоб,
Был ратный труд, простой и страшный:
На фронте пашней пах окоп,
В тылу окопом пахла пашня.

Впрягались бабы в тяжкий плуг,
И почва впитывала стоны.
Мукою, смолотой из мук,
На фронт грузились эшелоны.

А там своя была страда,
И возвращались похоронки
В артели вдовьего труда,
В деревни на глухой сторонке.

Кружили, словно вороньё,
Над опустевшими домами.
Кололо жёсткое жнивье
Босое сердце старой маме...

Давно отгремели раскатами грозы.
Холодные слёзы роняя устало,
Уходят дожди бесконечным обозом,
Смывая осевшую пыль с пьедесталов.

Серебряной ваксой ботинки начистив,
Паук расставляет осенние сети,
И красные книги сторающих листьев
Лениво читает задумчивый ветер.

Земля забинтована марлей тумана.
От жарких боев безрассудного лета
Остались ещё не зажившие раны
И зрелая мудрость живого поэта.

Он здесь, рядом с нами, но выше немного.
Осеннее солнце пробилось сквозь тучи.
Меж мокрых полей потерялась дорога,
Как с неба упавший, растаявший лучик...

Я вбиваю ноги-гвозди
В деревянную планету,
С неба звёзды рву, как грозди,
И вино давлю из света.

Я хотел воды напиться
В неисчерпанном колодце,
Но прозрачная водица
Утекла уже в болотце.

Здесь торгуют, тут рыдают,
Там сидят в дешёвом цирке,
И тихонько умирают,
Лица сделав по копирке.

В центре этой круговерти,
Где сердца зашлись в чечётке,
Я плыву по морю смерти
На дощатой серой лодке.

В ней полно мышинных дырок,
У весла отбита лопасть.
Я – магнитный полюс мира,
Улетающего в пропасть.

БОРИС ВОЛЬФСОН
Ростов-на-Дону, Россия

ТОЧКА ВОЗВРАТА

Наш мир когда-то был рождён
по слову или же из слова.
Слова истёрлись как основа
почти распавшихся времён.

И вот, забыв про светофор,
везёт в безмолвие изгнания
слова и знаки препинания
сомнамбулический шофёр.

Он кто угодно, но не трус,
скорее – несколько рассеян,
но твёрдо помнит, что на север
доставить должен этот груз.

Бросая взгляд поверх голов,
в край пауз, вздохов, междометий
он, как рыбак с тяжёлой сетью,
угрюмо тащит свой улов.

Дорогой снежною пыля,
он, всё ещё владея речью,
теряет сущность человечью
близ абсолютного нуля.

Под ним замёрзший материк,
и Бог над ним не безобиден,
и мир безлюден и безвиден,
поскольку снова безъязык.

След шин дробится, как пунктир
в конце измятого листочка.
И лишь любовь горит, как точка,
с которой вновь начнётся мир.

Узкий лист препарирует каплю, смотри:
он разрезал её пополам, будто скальпель,
обнаружив, что капля содержит внутри
пару точно таких же уменьшенных капель.

Их короткая роль до предела проста:
превратившись в две линзы у острого края,
эти капли, сползая по стенкам листа,
в свой черёд препарируют их, преломляя.

Искажается смысл, ускользает из рук
пониманье единства разъятой природы.
Но шлифует две капли седой Левенгук,
как когда-то Гораций латинские оды.

Он их вставит торжественно в свой микроскоп,
винт подкрутит, с огнём неопита во взоре
изучая бесчисленных рыбок-амёб
и морские сраженья галер-инфузорий.

Он открыл этот мир, отодвинул засов
и спешит разобраться во всём понемногу.
Остальное потом разъяснит Пикассо,
сам идущий порой за советом к Ван Гогу.

Ну а в каплях бушует нешуточный шторм,
порождая научные свары и споры:
Гейзенбергу учиться советует Борн,
нет конца разногласьям Эйнштейна и Бора.

Их поэт примирит, говоря: нацеди
молодого вина чтоб до самого края –
и сквозь призму стакана беспечно следи,
как две капли скользят, на краю замирая.

Влажный след повторяет листа кривизну –
знак вопроса, незнания нашего знак ли –
с точкой там, где сливаются снова в одну
отразившие небо бездонные капли.

Мы говорим: «По логике вещей».
Но где же тот профессор кислых щей,
который нам покажет эти вещи –
да так, чтобы иные знатоки,
вкусив с утра лекарство от тоски,
не восклицали: «Он опять клеветает!»?

А с логикой у нас совсем беда:
мы плохо различаем «нет» и «да»,
не признаём «быть может» и «как будто»,
и суеверье верою зовём,
и третий нужен нам, когда вдвоём –
побыть вдвоём нам выпала минута.

Но – «терциум нон датур*» – не дано
нам третьего дожидаться: он давно
с двумя другими осушает тару, –
один – Отец, другой – бесплотный Дух,
а наш – Сынок – моложе этих двух,
но тоже не дурак хлебнуть нектару.

А с пьяных глаз двоится естество,
троится, переходит в вещество
энергия отчаянного зова.
Но остывает вещь, теряя вид,
и буквы покидают алфавит,
и точка там, где раньше было Слово.

.....

Проснёмся на рассвете: голова
ещё бастует, но слова, слова
всплывают в ней и, резкость обретая,
с души похмельной сбрасывают гнёт.
А Третий нашу точку зачеркнёт:
«Не бойтесь, – скажет, – это запятая».

* *Tertium non datur* (лат.) – принцип классической формальной логики, утверждающий, что всякое суждение или истинно, или ложно, третьего не дано (закон исключённого третьего).

АННА ГАЛАНИНА
Москва, Россия

Париж... Ну что тебе Париж?
Идёшь ли, едешь – всё паришь,
и сколько б ты ни прошагал –
паришь не меньше, чем Шагал,
над островами рыжих крыш,
где дождь грассирует, и тишь,
над сонным городом паришь...
Но тут часы пробьют: «пора».
Ты расторопней топора
скользнёшь, проснёшься... Поглядишь –
окно, бульвар, какой-то стриж,
и старый клён чертовски рыж,
и чехарда московских крыш...
Вздохнёшь, зевнёшь с балкона: «ишь,
Париж»... Ну что тебе Париж.

На Маросейке моросит...
И день-деньской, и вечер каждый
скрипит Бульварное в оси
у стен Москвы малоэтажной.
Под капюшоном до бровей
идёшь, нелепый и неловкий,
всех встречных зонтичных правей
от Маросейки до Покровки.
Брусчатка умирляет шаг
у подворотни в переулке –
здесь не живут и не спешат,
и каждый звук простой и гулкий.
Прийти сюда – смешной зарок.
Всё возвращается. Ты тоже.
Тебя берёт под козырёк
подъезд, на война похожий.
Решёток ржавая броня
и баррикадами ступени,
и двери битые хранят
полы, что о тебе скрипели.

В кармане штоф, походный нож,
горбушка, ливерка, газета.
В окне всё дождь... Ты всё идёшь
к окну, где свет. В дому без света.

Старая лестница в пять ступеней
каждый твой шаг провожает шёпотом.
Двери... Звонки здесь давно не пели –
вдруг задохнулись и проскрипели,
что паутиной проводка штопана.

В доме...
Паук паутину моет
и протирает окно газетами –
теми, что прячут узор обоев.
У паука есть внучата – двое,
и от соседки пяток. Не сетует.
Не отдыхая, сплетает нити:
сигнализация – дело сложное.
Муха прилудная – чуть в подпитии,
вечно жужжит по углам. Убить бы.
Не по-соседски – не толстокожие.
Не человеки.

Входи – не бойся,
места хватает, и пищи вдоволь, и
спит оловянно-бессмертно войско
в старой коробке, где слон и поезд,
и человечии куклы – вдовами.

НАТАЛЬЯ ГОРЯЩЕНКО
Москва, Россия

Жизнь придёт, у нее – будут твои глаза.
Захочет гром, как злодей из фильма,
Как холодный душ, потечёт гроза –
Значит утро всё-таки наступило.

И тогда в тебе вдруг растает лёд –
Как в бокале виски, смешается и исчезнет.
Твой бумажный голубь уходит опять в полёт
И приносит в клюве лекарство от всех болезней.
И отброшенный хвост начинает опять отрастать,
И подушка в смятеньи теряет перья.
И мурашки внутри... и Господи, не оставь,
Не сейчас, когда я в тебя верю.

Заиграет май свой извечный хит.
Я иду домой, а за мною следом
Дребезжат и глотают колёса стихи –
Изобретённые мной велосипеды.

кому скейт кому ски
кому фуагра кому печень трески

кому крым кому срам
кому на работу встать по утрам

кому старики инвалиды и дети
кому небывало высокий рейтинг

кому похоронка кому почёт и медали
кому лагеря строил добрый сталин

кому давка в метро кому пол-москвы в руинах
кому комсомолка спортсменка кому балерина

кому пистолет золотой кому пули в спину
кому приговор за репост картинок

кому только спросить кому на приём к онкологу
кому фиеста по ком звонит колокол

кому бить челом кому помазание на царство
кому страх и ненависть величиной с государство

кому вставанье с колен импортозамещение
кому за всё это просить прощения

Отпусти, оставь, устарел устав, и сама пуста.
Запишись в спортзал, почитай всяких умных книжек;
Если сможешь стерпеть и выжить,
То сумеешь и кем-то стать.

Помолчи, тишина склеит зубы, тянучая, как нуга, –
Квест покруче огней, вод и медных труб.
Посиди у реки, и увидишь, плывёт твой труп –
Самого страшного твоего врага.

НАТАША ДЕНИСОВА
Краснодар, Россия

ЗВЁЗДЫ НАД ЭТИМИ ФЛАГАМИ

есть вещи, от которых не принято сходить с ума.
так странно, что из детей вырастаем мы.
странно, что мы терпим себя,
свыкаемся с собой, будто с новой одеждой,
совершенно равнодушные, совершенно не нежные.

всё это как цветение души и то, что цветения неизбежнее,
запах реки разливаётся как только ты распахиваешь глаза.

ты несёшь в себе серебро всех встреч и разлук,
тихий голос какого-то случайного человека из метро.
что-то трепещет внутри, будто взведён курок,
и каждый шаг приближает к выстрелу.

бывало, лет в десять стоишь на висячем мостике,
внизу бежит псекупс, так шумит, что закладывает уши,
и ты не знаешь, что будет лучше –
остаться здесь и слушать,

или уехать к чужой воде...
но только навсегда, обязательно навсегда.

все эти книги о том, что каждый из нас солдат
невидимой войны без ружей и автоматов,
о том, что только лишь сердце свято,
и оно выведет тебя из любой тьмы...

зачем эти книги читали мы,
именно мы?

у меня есть белое платье, белое от зимы,
есть какая-то далёкая спрятанная тишина,
и молчание моё как неопалимая купина
бережёт меня от бога этого мира.
и если спросишь – во что я теперь верю?

я отвечу – «мы играли вам на свирели,
и вы не плясали, мы пели вам плачевные песни,
и вы не плакали...»
звёзды так
так незаметны над этими флагами.

ЦВЕТИ ОТВАЖНО

никому не верь.
это ведь здесь башлачёв выходил из таверн
в вечный снег, в вечный снег и смог.
и бежала собака худая со всех ног
за ним, дрожащим как оголённый провод.
а затем наступало время, а затем наступал холод;

бесконечность для тех,
кто стал отсчитывать дни без...

никому не верь. это ведь здесь укрывает наст
трамвай города трёх революций.
и, кажется, где-то на остановке
печальный стоит бродский,
проклиная дожди или ветер,

или тех, кто забыл, что был светел,
кто не выдержал и покинул.

и вечер плывет синий,
и вечер плывет синий.

говорят, что грустные все в россии,
словно бы вода вместо крови,
словно бы текут енисей и лена
по венам которое поколение.

говорят, что мы – отголоски зимы
сумасшедшего семнадцатого года.

это правда.

никому не верь.
помнишь, как у ахматовой:
«нас покориться никто не заставит»?
неужели ты не понимаешь,
что мы последние у заставы,
что за нами что-то, для чего не найти слов?

мы как деревья, расцветающие во дворах,
этих крохотных дворах панельных девятиэтажек.

цвети отважно.

Я – ДРУГАЯ РЕКА

все всегда начинается с реки. любой мир, любая любовь.
существовавшие до наверняка возразят –
слышишь ветер, прорывающийся сквозь ветви ив?

быть может, то, что я написала –
это только голос реки,
всё во мне – это голос реки?

я смотрела на неё так долго,
что в другом времени умерла рахиль,
она состарилась, морщины испещрили её сердце,
во дворе облетела смоковница.

я – другая река.

быть может, над степью живёт бог,
над небом живёт бог,
и облако – белый его рукав,
и осень цветом как у него глаза,
и сам он рос у земной реки.
поэтому души наши так похожи на светлячков,
июльских светлячков, летящих над водами.

и по настроению ходит бог с неводом,
но настроения часто нет.
я – другая река.

волны накрывают волны как лепестки,
вязкие сумерки пробуждают цикад.
трава склоняется над водой,
водоросли цветут.

и если ты говоришь,
если ты всё ещё говоришь со мной –
знай, это я мысли твои краду,
это я превращаю их в речной шум,
в запах.

земные воины истлевают в земных латах,
солнце расширяется, производит больше света...

только чтоб исчезнуть нужно мало храбрости,
во мне нет этого.
я – другая река.

ЮЛИЯ ДОЛГАНОВСКИХ
Екатеринбург, Россия

НЕВЕСОННОСТЬ

Скрипит сухими рёбрами кровать –
ты вертишься, ты ей мешаешь спать.
Пытаясь обуздать гнедые мысли –
пусть руки в невесонности повисли –
нащупываешь ржавые ключи,
и, ковыряя скважину в ночи –
замочную, увы, не буровую –
попытку отсчитав сороковую,
распахиваешь ветхую овчарню...

(откашляешься, выпьешь кружку чаю)

О, Пастырь мой, совет дай, научи –
огниво, воздух, сено, кирпичи,
котёл готов для жертвенного брашна,
но... брошу нож – скачи, овца, скачи
по снам моим – и россыпью барашков
расцвечен будет чёрный небосвод.

А если посмотреть наоборот?

Ты спишь – гнездовье мыслей в тишине,
прядут ушами тени на стене –
покорно ждут рассвета (ветра ль? смерти?)
Вертеп готов – в него приходит ветер,
роняет в землю первую звезду.
И – если я ключами попаду –
овчарня выпустит тебя на волю –
скачи, овца, скачи! Белеет поле –
укрытия не будет до весны.
Вернись, овца, твоё спасенье – сны.

Сочту мои стада – тогда уйду,
во сне увидев первую звезду.
Котлы вскипят для поминальных брашен –
огниво, ветер... ты отбросишь нож –
посмотришь в небо. Может быть, найдёшь
бегущих вдаль несчитанных барашков.

НОМО PALIMPSEST*

От «Чёрного квадрата» до Софокла,
от первой обезьяны до меня
лежит листок бумаги – тонкой, блёклой –
которой удалось бежать огня.

Мой цвет шутя соскабливают дети,
мои поэзы злое время ест –
так в эволюционной эстафете
выигрывает Номо palimpsest.

*Палимпсест (греч. – *palimpseston* – вновь соскобленный) – древняя рукопись на пергаменте, написанная по смытому или соскоблённому тексту.

РЕКИ, РЕКА

Реки, река, пока я слышу,
пока я слушаю тебя.
Твой берег, разнотравьем вышит,
колышет лёгких жеребят.

Нальются силою копыта,
придёт высокая вода –
дорогою подземной, скрытой
уйдёт, казалось, навсегда.

Молчит река – мелеют строки,
тускнеют гривы жеребцов,
но гераклитовы потоки
сквозь соломоново кольцо

смягчают берег, что колышет
новорождённых жеребят.
Реки, река, пока я слышу,
пока я слушаю тебя.

ОЛЕГ ДУХОВНЫЙ
Николаев, Украина

Прошла любовь, завяли помидоры,
ботинки врозь и нам не по пути –
но этот день, но этот свет медовый
мне говорят, что ангел во плоти
кружит, как лист,
витают где-то рядом,
ещё не бабочка, но кокон шелкопряда,
и букву эр ещё не говорит –
но что там синим пламенем горит? –
держи меня, соломинка, держись,
ты чувствуешь, как вытекает жизнь
из недр моих в твои резервуары?
Гуд бай, май лав,
одни оревуары
приветствуют на финишном отрезке.
Всё принимаю, но зачем так резко,
без экивоков, вытолкнув взащей,
порвалась нить –
так ниточкой зашей
и начинай любить себя по-новой:
тычинка, пестик, клеточка генома –
скажи, кого теперь боготворить? –
ступай на ощупь –
сфера вакуоли,
и хаос жизни, волны сладкой боли,
и вздох последний, чтоб благодарить!

Дом деревянный стоит, скрипучий,
огромный, как родительский чемодан,
посылки в мешковине с печатью сургучной,
с очень ценным, наверное, чем-то там.
И бежишь, и катишься, и летишь на велике,
облизываешь губы, капает сургуч,
почта привокзальная, нам туда не велено,
но мы же не нарочно, это санки с круч

съехали, заехали
чёрным зимним вечером
по мосткам бревенчатым
в кляксы телеграмм.
Ах, смола сургучная
и слеза горячая,
всё хожу, канючу я:
«Больше я не буду, честно-честно, мам...»!

ДОЛЬЧЕ ВИТА

Ну, что ещё нужно –
кофе, море, перистые облака,
девы вокруг щебечут –
и пусть где-то маячит драма, но пока –
вот она, пахлава со щербетом!
И ничего не болит –
тьфу, тьфу, тьфу! –
и стих слагается сам собой...
Неужели для этого мама в тифу
лежала? Впору уйти в запой.
Отец рыл для неё землянку,
устроил что-то вроде vir-лазарета.
Доктор потом изумлялся,
что она выжила.
Благодарю за это.
Хорошо ни о чём не думать,
полагая, что мир сей создан
для этой минутной, увы, минуты.
Что я маме дарил? Духи? Мимозы?
Не помню. Вернее, смутно.
Цеди теперь свой –
ну как без него! –
мохито,
расставляя слова в обречённом судьбой порядке.
Море сияет, как шкатулка из малахита,
но закрою глаза –
и с прошлым играю в прятки.

ДАРЬЯ ИЛЬГОВА
Москва, Россия

А жизнью правит свой водоворот –
Стремительный, всезнающий, красивый,
Не признающий жалости плаксивой.
Такая удивительная сила,
Что иногда аж оторопь берёт.

Он нёс тебя, крутя земную твердь,
До дальней точки нового отсчёта,
Показывал овраги и высоты.
Сиди теперь и разбирайся, кто ты,
Чтобы не стыдно было умереть.

Мы думали, у юности в плену,
Когда вперёд неистово бежали,
Что будет прощена любая шалость,
Что хватит сил, и времени, и жара
На эту жизнь и на ещё одну.

Смотри теперь, как мягок и богат
Вечерний сумрак, ласковый, медовый,
Как ночь ступает, шелестя подолом.
Какой рассвет нам день готовит новый,
Какой закат.

Пока лихи выделявать кульбиты,
Смеясь над солью жизненной игры.
Но ты же знаешь, много будем биты
За щедрые небесные дары.

За то, что жизнь опять дает отсрочку,
Бурлит, не отправляет на покой.
Ты сознаешь, что ты лишь Божья точка?
Лишь Божья завитушка над строкой?

Не оттого ли вечная тревога,
Извилистые, сложные пути,
Что есть надежда, пусть её немного,
Когда-нибудь до слова дорасти.

О, нет, не даже мыслящий тростник,
А медленно поющая былинка,
Растущая на немощи суглинка
И от земли впитавшая язык.

И дух твой выжжен в солнечных лучах,
И травяной твой лоб росой отмечен,
И светлый путь твой тих и бесконечен,
Как ни пытайся заново начать.

ЛЮДМИЛА КАЛЯГИНА Москва, Россия

ВОДОВОЗНОЕ

Счастье просто и беспородно, если выберет – то само.

На обиженных возят воду, на волшебниках – эскимо.
Водовозы усталым шагом измеряют пути в длину:
Каждый тащит свою баклагу, даже, может быть, не одну.

Ничего никогда не поздно, если выберут – то тебя.
Кто-то щедро насыплет проса зимним встрёпанным голубям.
Это каждому, это даром. Не пугайся, не потеряй...
Серебром отливает старым под ногами прибойный край.
Безотчётной тревогой мечен, безотчётным восторгом пьян,
Отцветает багряный вечер, зачерняется по краям.
Тени резче, острее инстинкты. Тянет сыростью из лошин.
Солнце валится в паутинку, паутинка слегка трещит.
Солнце грузом чужого смысла оседает в густой пыли...

Дай-ка вёдра и коромысло: воду нынче не привезли.

АЮТТАЙЯ

Гору накрыло небо – хрустальный панцирь, вырос под небом город – и стал великим. Будды сжимали лотосы в тонких пальцах, Будды хранили мир в узкоглазых ликах. Пламя пришло внезапно и отовсюду, пламя плясало ярким священным цветом. Отсвет огня ложился на плечи Буддам, Будды не отворачивались от света.

Город лежал в руинах пяти столетий, люди ступали в обуви на пороги, верили: боги счастливы, если где-то свергнуты с пьедесталов чужие боги. Город лежал открытой смертельной раной, пачкая кровью складки своей постели. Люди входили в боль закопчённых храмов. Буддам в глаза, наверное, не смотрели.

Камень одним ударом не переломишь – камень, рождённый миром в его начале. Люди рубили яростно и наотмашь, Будды сжимали лотосы и молчали. Если безумью в мире дано свершиться, то и дела во славу его свершатся. Люди рубили по узкоглазым лицам, по головам, плечам, по цветам и пальцам...

Город лежит под небом семи столетий, город под пеплом выжил в эпоху мрака. Тот, кто смотрел в глаза неизбежной смерти, смотрит на мир без жалобы и без страха. Будды сидят на стёртых седых ступенях, в трещинках мелких камень шероховатый. Будды хранят Вселенную, как умеют – сотни безруких и безголовых статуй.

КАРАНДАШНОЕ

Здесь на часах всегда «потом» и у посуды лёгкий крен.
Мой первый внук рисует дом и море у смолёных стен.
Как хорошо, что есть у нас запас цветных карандашей!
В его мирке всегда «сейчас» – простая мудрость малышей...

Невесткин очерк пухлых губ, от сына – тёмно-чайный взгляд.
Мой мальчик ласков и неглуп, и в чём-то, кажется, талант:
Он помнит зыбкий облик сна и создаёт его портрет,
Он дарит морю имена и ветру говорит «привет»,
Он полагает цвет живым, он знает лучше и полней,
Как много алой синевы в зелёной пенистой волне...

Важнейших дел числом под сто у неуёмного внука:
Возиться с кошкой и котом, кормить корову и бычка,
Смеясь, ловить дрожащий луч на гладко струганом бревне,
За отраженьем мягких туч следить в неверной глубине.

Пока плывёт надёжный дом с чудным названием «ковчег»,
Я с внуком говорю о том, как шли дожди, как падал снег,
Как чёрно-белая зима писала мелом на стекле,
Как люди строили дома на твёрдой ласковой земле,
Как зрели яблоки в садах, как цвёл каштан, как вился дым,
Как в ручейках текла вода с дрожащей искоркой звезды.

Я расскажу, чтоб ты узнал, наследник сгинувших веков,
Что мир теперь, смолён и мал, плывёт беспечно и легко
В румяно-яблочный рассвет, упруго слушаясь руля...

...что прежней жизни больше нет.
Нам рисовать её с нуля.

АНДРЕЙ КАТРИЧ
Сумы, Украина

Это только слова, только горстки натруженных букв...
Эти странные фразы, названия, смыслы имён.
Вязнут мысли в ночи, вязнет чашка в нетвёрдости рук –
Это смена миров или просто бурлит совиныйон?

Этот свист за окном – затирает дороги, мосты.
Я бреду по бумаге, а снег замедляет цепочки.
Эти несколько строк – словно несколько капель воды
Просто так, просто влага от точки до точки.

Для кого? Для чего? Ведь в такую погоду – лишь спать.
Но бумажные смыслы сплетаются в тонкие тропы...
Это только слова? Это значит кого-то искать,
Находя лишь себя и следы, что оставили нервные строфы...

БЕЗ ПЯТНАДЦАТИ ВОСЕМЬ

Без пятнадцати осень.
Колонки прогнозов погоды...
Время кофе – длиннее, и книги – всё глубже в себя.
Снова чинишь антенны,
зонты,
передатчики,
водоотводы...
Ночь приходит опять, оголтелые мысли дробя.

Без пятнадцати осень.
Короткие, хрупкие правды...
Из дневных новостей – только пепел сожжённых идей.
Всё растут города, прибывают и ждут адресаты.
А ты ищешь людей.
Снова ищешь людей.

Без пятнадцати осень.
Пласты и прожилки сомнений...
Снова смена понятий,
причин,
искажений,
проблем.

Кто-то – тяжесть забот,
а кто-то – своих сочинений
Возит скопом – как счастье – бесплатно и всем!

Без пятнадцати осень,
лишь сверить часы – и в дорогу.
Верь себе – указатели тоже сбивают и врут...
Осень снова подходит к столу,
циферблату,
порогу.
Без пятнадцати осень,
всё тот же знакомый маршрут.

Я вижу вновь, как в этот город,
Что поглощает, стыд и ток,
Стремится жизнь – так, чист и молод,
Дробя асфальт, растёт цветок –

Бездомный мальчик, с миром споря,
На камень став ногой босой,
Рисует море на заборе,
И море дышит бирюзой.

АНАСТАСИЯ КОКОЕВА
Ростов-на-Дону, Россия

ТРАКТИРНЫЕ СКАЗКИ

Наташе Масленниковой

Ты не справляйся о ней, не надо, просто смотри, распахнув глаза...
Девочка со стеклянным взглядом входит в подвальный зал.

Люди – живые марионетки, пальцы в золе, в голосах – экстаз.
Девочка в душную входит клетку – омуты вместо глаз.
Тихо, но твёрдо, привычным слогом – только бы голос не задрожал –
девочка вторит: себе ли, Богу? – как пробиралась дорогой скал,
долго, в снегу, растопив метели жаром надежды и рук теплом.
Девочка скажет всё, как хотели, только бы вспомнили о былом.

Искоса видятся чернокрылые, грают на старый, привычный лад,
каждый пришёл услышать про былё её, каждый забыл, что и сам крылат, –
всяко в трактире за старой пристанью проще наслушаться небылиц!
Девочка прячет себя за мыслями, лишь бы не видеть их пьяных лиц,
клювов, когтей и, давно опавших, перьев под стульями и корон...

Кто из них, прежних, узнал бы ставшую странницей вечной среди ворон?
Кто б из них, пущенных на заклятие странной судьбе в городах стальных,
имя прокаркал, как заклинание, чтобы растаяли души их
в вечной зиме, на задворках сказочных, там, где погибли и смех, и страх?

Девочка с каждой стеклянной фразою плачет, и тают льдинки в глазах.

Словно на стёклах узором вязевым розы цветут, позабыв январь,
словно от слов её, верно сказанных, из-под коросты растёт трава,
почки на угольных ветках – туже, что-то живое течёт в крови...
Только не спрашивай, просто слушай, просто под чёрным крылом лови
тысячу лет позабытый импульс, боль, оживляющую зимой...

Девочка взгляд, словно вызов, выбросит, девочка с болью шепнёт «Не мой!»:
сотни трактиров прошла с пропойцами не за тобой, уж прости – за ним...

Мир тебе, маленькая разбойница, с верным оленем в снегах твоим!
Долго ль ещё, до какого вечера в диких дорогах, сквозь град и дождь,
будешь воронам шептать доверчиво, Кая покуда меж них найдёшь –
меж обращённых Царицей Вьюжною в чёрных, себя позабывших птиц...
Словом едва обратила дюжину, только затерян твой брат – твой принц.

Так и идёт пилигримом северным, сотни чужих оживив историй,
в людях, как в чуде, надежду черпая в то, что снега обратятся морем, –
белой тропой и дорогой чёрною, сказкой забытой о милосердии.
Стужу за ней выкликают вороны, имя своей повторяя Герды.

ВОЛКИ

Она не расскажет тебе ни о чём, Охотник.
Тем более – правду. Тем более, что в архивах
уже показаний хранится томов с десятков,
и все, как один, говорят о крутой расправе
над пойманным Волком, которым детей пугают
и нынче ещё в этих сёлах, чтоб крепче спали:
не с краю кровати, а глубже, как подобает,
чтоб кушали кашу и слушались лучше старших.

Кто знает, где правда? Кто будет сверять мотивы
прогулок по лесу с корзиной и прочей драмы,
кто воду мутить начнёт, если всё осело
на дно человеческих мыслей, сюжетов, сказок?
Как новый назначенный следователь в глубинку,
как сыщик, копаясь в архивах погасшей мысли –
а ну-ка, по свежим глазам набросай варианты,
есть сказки без срока давности и канонов.

Вот первый вариант, к примеру: опушка леса,
наивный ребёнок с корзинкой, скакалка, мячик –
прыг-скок по дорожке, и песенка наудачу
об Африке, о бегемотах, о хитрых лисах,
о всяком неведомом, – вдруг посреди тропинки:
«Ну здравствуй, мой Колобочек, какая встреча,
куда это мы торопимся так активно?
Какая прелестная девочка, просто пышка,
вот так бы и съел, ну чего ты как неродная».

Второй, современнее некуда, из вариантов,
по сути – одна бесконечная гиперссылка:
на велике катит, ну глянь ты – лисёнок лисёнком –
колечки в ушах и плеер с хитом «Альфавилля»,
свидание с Волком – лишь только предлог раскрыться,
лишь мантра телесная для постиженья дзена,
и нет ни тропинки, ни леса, ни пса Фенрира,
а только одна Пустота и даосский Чапаев.

И вот ещё, третий, почувствуй себя гурманом, вгрызаясь в страницы потрёпанных томиков Гессе: забрёл из степи в лихолесье, да там и остался, в далёких краях не оставив ни милый домик, ни прошлую жизнь, ни козлят семерых по лавкам. «От мамы ушла и от папы? Вот это новость, конечно, дитя, от меня уйдёшь и подавно, я сам проворачивал, помнится, этот фокус не раз и не два, разбросав себя по дорогам. Повоем на эту луну, посмеёмся вместе, ты тоже, Гермина, способна ножом под сердце, когда-нибудь после, в фигурках с другим раскладом, а твой пирожок не буду: мучное – вредно».

А что там в реальности, ты никому не скажешь, наивная девочка древних людских преданий: к чему тебе лишние обыски и вопросы, к чему подозрения всякие и облавы, ведь ты – лишь случайная жертва, живой свидетель, ведь ты – лишь ребёнок, невинный в своём упорстве добратся до бабушки, пусть и с пустой корзиной, скормив пирожки по дороге всем встречным монстрам.

...у бабушки уши большие, клыки и когти, у бабушки по сусекам найдёшь такого, что лучше иному не лезть, что ни триллер, то Триер, и новое тесто в кадушке уже подходит, чтоб всем поперечным и встречным давать на откуп, а Шарль – хоть писал, только главного и не понял, что не было в доме чужих, ну ведь так, ей-богу.

Зачем тебе, внученька, эти большие зубы? Зачем тебе, милая, нюх на чужих и хитрых? Зачем пирожки в корзинке несёшь, и песни, и ушки мохнатые прячешь под красной банданой? – давай повтори, как учила тебя бабуля, а ну как среди людей про себя забыла.

С волками жить – это выть по ночам, но вольно, от жизни собачьей, дикой, больной, опасной, она и не помнит, бывало ль наоборот... Кричит так испуганно-искренне «Волки, волки!», за линию красных флажков пробирается в красном. Они не узнают, кто-кто в Теремочке живёт.

ЛАЭРТИДА

*Если выпало в Империи родиться, лучше – жить...
И. Бродский «Письма римскому другу» (Из Марциала)*

Одиссей вернулся с войны, моложав и свеж,
На броне последнего из скакунов Эллады.
Он сидит на скамье, один, не смежая вежд,
Сторожит мгновения ночи, курящей ладан.

Пенелопа вздыхает молча: подрал бы чёрт
Этот твой троянский синдром и бывшие песни...
Но года идут, в океане вода течёт,
Лишь на острове штиль и ряска болот Летейских.

Он узнал: Итака – тюрьма, тишина – итог.
Ни друзей, ни подвигов. В море зевает Сцилла.
Расшатался дом – не починит его никто,
И скрипят половицы – в них снова что-то подгнило.

И жена, заскучавшая, – кто б её осудил? –
Не сносившая в браке ни башмаков, ни платьев,
То кручинится оком, то смеётся другим,
Принимая любовь сорока запоздалых братьев.

На причале рыбачки с песней ждут женихов,
Одноглазый старик погоняет овечьё стадо...
Здесь всё просто и тихо, продуманно и легко,
И уже ничего от жизни желать не надо.

Перемена мест не поможет, мирный герой,
Как бы ветер твоим парусам ни скручивал руки.
Ты бываешь на солнце – слишком часто порой,
И заботливо гонят с воздуха слуги-слухи.

Каплей уксуса кровь створожена в молоко,
Ведь имеющий уши – сказано – да ослепнет.
Под шуршанье крыс в полуночной пустыне слов
Не разжечь живую искру в остывшем пепле.

И о чём, сын Лаэрта, ты можешь им сочинить?
Здесь бы самое время вдариться в мемуары,
Но от разума к сердцу уже оборвалась нить:
Распускай многостопный труд под напев кифары.

Ты уснёшь и увидишь сказки о небылом,
Есть ведь многое в свете такого, что только снится.
Что-то можно вспомнить, только забывшись сном,
Береги же, странник, тайну своей темницы.

Одержимый своей фантазией старый шут!
В голове – легенды, нимфы, пучины ужас...
Но скорлупки замка от этих снов не спасут,
И иного смысла эти кошмары глубже.

Он смертельно устал ворочаться в кандалах,
Лучше мёрзнуть на пьедестале, чем эти цепи...
Из постели гонит, как из могилы, страх,
Лишь пелёнки савана сердце глухое скрепят.

Не от желчи плохо – полынью горчит вино,
И жемчужиной муть всплывает со дна бокала.
Может, лучше вправду – уши залить беленой
И скосить себя во цвету – в цветах карнавала?

Но в очах души не завесить уже зеркал –
Здесь руины того, за что так боролся с детства:
Королева-мать, бубенцы в верхах колпака,
И богатый названьем клочок чужого наследства.

Жить грозой иль вовсе не жить? Марциал, ты прав:
Станет истинно мудр только тот, кто взаправду пожил.
И, певец зари, не дождавшийся до утра,
Он отчалит от тверди и ветру натянет вожжи.

Снова в парусе норд-норд-вест, под рукой – штурвал,
Значит – сеять в чужих полях пуд ненужной соли.
Что не спето – оставил. Последнее – отписал.
Честь имею, братья! И снова имею волю.

Росчерк места и личности, выше – слова, слова...
Верьте слову! Выводит грифель, клинком отточен:
«Королева, прощай! Помяните, коль дорог вам.
Эльсинор, Итака». Подпись – Никто. Многоточье.

ЛЮБОВЬ КОЛЕСНИК
Тверь, Россия

посв. Юлии Гнатышак

Я буду снова. Как-нибудь потом.
Я буду. Завтра или послезавтра,
родившись снегом, деревом, котом,
весенним ветром, заревом, базальтом –
я буду, но ни слова не скажу,
не напишу, и буквы все забуду.
Я семечко, летящее в межу,
смиренно покорившееся чуду.
Я то, что не записано в тетрадь,
не издано, не проклято, не стерто.
(Не существует – незачем стирать).
Я тонкая трепещущая хорда,
протянутая с неба до земли –
я и была такой, но кто б заметил...
Смотрите, в расцветающей дали
я снова есть.
Я облако.
Я ветер.

Д. Б.

Почитай мне, пожалуйста. Наговори свои рифмы
на железную воду (набрал из-под крана в Твери).
Я приду к тебе трезвым, надушенным, даже побритым.
Почитай мне стихи. За дорогой торфяник горит.
Влажный утренний воздух во двор оседает туманом,
невеселый узбек с матерками заводит КАМАЗ
под мелодию Круга. Мне грустно и чуточку странно,
почитай мне стихи, даже если там все не о нас.
Я закрою глаза, я зашторю усталые веки,
как ослепшие окна в квартире, в которой не жил.
Почитай мне стихи о любви и нетающем снеге.
Почитай мне стихи. По дорожке ребёнок бежит
и хохочет, и кружится под тополями,
что засыпали клейкими почками серый бетон.
Я уйду от тебя, оборачиваясь и петляя,
с опустевшей пол-литрой.
Без мыслей, что будет потом.

Радищев матерился точно так,
как я, увязнув в расписные хляби.
– Опять застряла! Погоняй, дурак!
У трав по берегам дорог оттенков жабий,
их трогаешь, и на ладонях грязь
от тысяч здесь проехавших, прошедших.
– Ну, мёртвая! Резвее понеслась!
Кто бродит тут? Слепец и сумасшедший
меж Питером блуждает и Москвой.
Шаверма, шаурма... Бордю, поребрик...
Радищев спит, кивая головой –
он так войдёт в нечитанный учебник.
Всё тот же мост, и там опять ремонт,
как в тысяча семьсот бог весь каком-то,
и бригадир пьянчуга, идиот,
мерзавец, вор; и тянется раскопка.
Здесь экскаватор водит крепостной,
и барин наземь харкает из «прадо».
Радищев, милый, выпейте со мной,
не откажите, нам обоим надо!
Похмелье. Тошно. Значит, я живу.
Я, значит, еду. – Н-но, пошла, подруга!
Беспечный путь из Питера в Москву,
Дорога от Москвы до Петербурга.

ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА
Москва, Россия

ВЕРХОВАЯ ПРОГУЛКА

Два стремени чуть звякнут, прикоснувшись
друг к дружке. Проезжай-ка ты вперёд!
Моей гнедой породистые уши
легко волнение выдадут её.
Твой вороной привычно и проворно
покажет путь по узенькой тропе,
Мы вслед с кобылой двинемся покорно,
к чему нам быть сейчас эмансипэ?
Я лягу, как обычно, ей на шею,
чтоб ветки не хлестали по щекам.
Я женщинам, ты знаешь, больше верю,
чем молодым и смелым дуракам.
Конец июля. Лист уставший вянет.
Ты это наблюдал так мало раз!
А я теперь за тёмными очками
пытаюсь спрятать клинопись у глаз.
И я тебя, конечно, пропускаю –
я всё-таки надежду стерегу,
что, может, ты найдёшь дорогу к раю
в том самом шалаше на берегу,
и может, по утрам твой голос низкий,
и солнца луч, сквозь ветки, невзначай...
Ты вновь ко мне подъехал слишком близко.
Не надо. Скоро осень. Проезжай.

Как дела?
Никак.
Не проходит.
А ты думал –
всё так легко?
Я как нищенка
в переходе
под названием
«Мир и Ко».

Я как яблоко
из-под снега,
как кусок
фольги пищевой,
как надежда
лошадки пегой
стать серьёзной
и деловой,
как будёновка
из бумаги
с чердака
с тех, бывших, времён,
как апостроф
в английской саге
про нежнейшее
из имён.

ПАВЕЛЕЦКОЕ

И была порастрачена медь,
и остались карманы легки.
Не посмела в глаза посмотреть,
не посмела коснуться руки.
Местный бомж привечает меня,
я сюда как домой прихожу.
Я была здесь четвёртого дня,
я вчера прожила эту жуть.
Столько раз было всё решено,
столько раз были карты не в масть!
Расставание в сутки длиной
размололо в молекулы страсть.
Перекошенный чёрный вокзал
открывает в разлуку врата.
Помолчим. Ты давно всё сказал.
До свиданья, Москва, до свида...

МИХАИЛ КУЛЬКОВ
Санкт-Петербург, Россия

ЧЁРНЫЙ ГОРОД

*Нева не хочет быть Невой,
Уж каламбур наскучил ей избитый,
И плещется она волной сердитой,
Когда ей пушки говорят: не вой!
Фёдор Сологуб. «Недоразумение с Невой»*

Шторкою дождя задёрнул ветер синеву,
Чудо-юдо – чёрный город погружён в Неву.
Гребни стали белым мелом, а гранит – гранат,
Как от гнева, побелела пенная волна.
Пей же, камень непослушный, краснотою губ
Юго-западный ослушник воеет – Сологуб
Каламбурит – Где же кружка, невская вода?
Лишь полуденная пушка канонадой в даль...
Бьётся, бьётся звук о волны, с ветром – о дома,
Шпаги кончик оголённый – в неба закрома,
В тучах пишушим собором (шпилем, как пером):
«Чудо-юдо – чёрный город плавал топором...»
И стихии пьяный нором, и стихи творцов...
Дамба грудой луидоров, золотом венцов.
Как награбленное золото сложено на дне –
Для защиты Ленинграда.
(Пётр «на коне»).

СТАРИК И РЫБА

Мощнейший шторм на Балтике бушует, кровавыми слезами сентября
Янтарь выносит – тысячи чешуек таинственной неуловимой рыбы,
Что прячется в бездонности пучины и обрывает часто якоря
В заваренном ветрами капучино. Такие агрессивные порывы
Навеивают ей осенний сумрак и холод, поражающий моря.
Я слышу трётся... трётся днище судна... о спину рыбы – рыбы Янтара.

Десятки лет потрачены впустую в попытке раздобыть морской трофей.
Берёт измором, думает спасую и брошу наконец... Не перетрётся,
Звенит струной натянутая леска. Ты не сорвёшься, выкормыш морей!
Но вновь фортуна отвернулась резко: затишье шторма, на закате солнце
Янтарным глазом заглянуло в воду... Пусть грянет буря – буря поскорей!
Я вырезаю в ясную погоду портрет Хемингуэя в янтаре...

ВETERAN

Как вам живётся Фридрих Иероним?
После российской службы какие мысли?
Горькою правдой сказки легко раним
Перед стаканом пунша у полной миски.
Дым из пенковой трубки прошёл в мундштук;
Кашель понятен: лучший табак – ядрёный.
Ядра летают – сверхскоростной маршрут
Первого класса для одного барона.
Нечего зубоскалить! На турок – зуб:
Палец потерян – это привет Очаков;
Пальцы не смотрят, если в бою везут
Кони, разрезанные войной случайно.
«Для исправленья крайних насущных нужд», –
Пишет в Россию письма в надежде, слёзно...
Но, как известно, тех, кто прошёл войну,
Помним мы свято, но...
вспоминаем поздно.

МАРИЯ КУЧУМОВА
Уфа, Россия

Стоило рот раскрыть – и понеслись слова:
«Крыша», «фундамент», «сруб» – вот и готовый дом.
Передохнул, сказал: «небо» и «синева» –
Заколыхался луг, облачко над прудом...
Стал говорить: «Жену! Мужа потолще ей!
Им – пятерых детей да семерых котят!»
После устал, уснул и в голове своей
Этот сюжет держал: «Рыбу они коптят,
Пряжу они прядут, хлебы пекут с утра,
Шумная детвора рушит непрочный дом,
Прыгает и визжит – вот и уже пора
Ветру погнать на юг облачко над прудом...»
Вот и проснулся – вот мимо летят слова:
«Крыша», «фундамент», «сруб» – и улетает дом.
Это соседский бог вновь победил (3:2),
Переманив к себе облачко над прудом.

Слова кончаются внезапно – как сахар, как чай:
Сиди теперь, молчи до лучших времён,
По коробу скреби да словарь изучай,
Засматривай до дыр оконный проём.
Ты думаешь – слова, а кончаешься ты:
Неназванного нет, бессловесного нет.
Давай же, перечитывай пустые листы,
Ощупывай, как деньги, да смотри на просвет.
И после – через тридевять бескрылых тишин,
Когда уже покажется: словарь пересох.
Из сахара и чая вдруг поднимется жизнь –
И приземлится строчкой на смятый листок.

Подошвы твоих сапог мудрее тебя самого:
Глазами они идут по скалам, пескам, камням.
Вот это – открытый взор, когда не пугает пыль,
Когда не боишься ран, а просто: идёшь, глядишь.

А ты-то уверен сам, что высмотрел каждый шаг,
Что землю познал на вкус, как кухни далёких стран,
Что не закрывал глаза, что в этот короткий миг
Никто от тебя змеей текучей не уползал?

Подошвы твоих сапог тебя тяжелее, друг:
Нагруженного несли (от пяток и до бровей) –
Цитатами умных книг, годами ненужных битв,
Пустотами тысяч слов и пеной ста тысяч дней.

А ты-то уверен сам, что сможешь теперь поднять
Отжившие сапоги, отправить в иной поход?
Кто топит в воде, кто жжёт – тот сам слишком много жил,
Ты рядом ложись, мой друг, авось, и черёд придёт.

ЕЛЕНА ЛАЗАРЕВА
Киев, Украина

СОЛО

Забыта. Забита. Спрятана под замок
Мечта, что невольно предана: ты не смог,
Зажмурив глаза, врага отличить от брата.
Она оживает призраком – лишь во снах,
Казалось бы, сожаление – не цена,
Но каждому дезертиру – своя расплата.

А где-то вдали, как прежде, гремят бои...
Отныне ты служишь ангелом для своих.
Отныне ты служишь дьяволом для чужого.
Того, кто пленил свободой – но сделал шаг
В заветное, заповедное, и душа
Скукожилась, ощетижилась: к чёрту шоу!

И стало неумогу ни молчать, ни петь...
Наверное, он боится тебя теперь,
И даже себя порой – по ночам – боится.
Ты понял, какая сила в твоих словах...
А дальше – куда? И можно ли наплевать
На то, что пигмалионство – сродни убийству?

Рутинное чувство долга – тоска, тоска...
Предчувствие, что закончится вдруг доска –
И чёрной дырой у ног развернётся бездна.
Спасительно одиночество, но скажи,
По силам ли новобранцу такая жизнь,
Где пламенем адским бьётся огонь небесный?

В хрустальные латы он заключён тобой.
Спасённые возвышаются над толпой,
Свою искупая избранность совершенством.
Когда, поднимаясь медленно в полный рост,
Сочувствуешь ренегату, чей путь непрост –
Мутит от натужной фальши его блаженства.

На память остался траурно-скромный цвет,
И всякий храбрец, дающий тебе совет,
Насилу уносит ноги. Пропитан солью
И солнечным светом воздух – дыши, дыши,
Умело лаская звуком нутро души –
Пока для тебя Господь не сыграет соло.

РЕВИЗИЯ

Стольный град. Вместилище всех иллюзий,
Где «хозяин жизни» – по жизни лузер,
И тебя, как шар, загоняют в лузу,
А в июле с неба – дождей десант.
Ты искал полжизни – ну с кем обняться?
Догорела вера в единство наций,
Но тебе останется восемнадцать,
Даже если стукнет за пятьдесят.

На помойку выброшен зомбоящик,
Ты устал от пьянок ненастоящих,
И какой-то бешеный звероящер
Из тепла тебя выгоняет в ночь.
В голове – обрывки забытых песен,
Мир людей в масштабах Вселенной тесен,
Ни к чему орать во всю глотку: «Здесь мы!» –
Тем, другим, наверное, всё равно.

Как летят часы на закате века...
Ты устал от их кругового бега,
Только мысль: «Остаться бы человеком!»
По привычной схеме бинтует мозг.
Омываешь веки прохладой улиц
И мечтаешь: «Только бы не проснулись...»
От густого воздуха сводит скулы,
Не имея гор, ты идёшь на мост.

Так бывает – переоценка хлама:
Что уже ни мама, ни Далай-лама
Не угасят жажды ошибок пламя,
И нирвана – хуже, чем просто смерть.
Под мостом издохнуть мешат угрозы,
Не слепит подержанных истин россыпь,
Ты раздумал вдруг становиться взрослым –
И смягчилась, дрогнув, земная твердь.

ДОЖДЬ В ЯНВАРЕ

Дождь в январе беззастенчиво театрален –
Звонкую дробь выбивает, впиваясь в мозг.
Боги Земли околели в своём астрале.
Неба изгиб ненадёжен, как ветхий мост.

Город висит ускользящей голограммой.
Окна домов – будто в полночь огни болот:
Там на обед поедают чужие драмы.
Там на десерт прерывают чужой полёт.

Видишь ли, брат, по-другому уже не будет:
Сети плетёт синтетический сытый рай.
В нём я смешон – одинокий промокший путник...
Не приговор, что планета уже стара,

В моде цинизм – оттого притупились чувства.
Мысли – свежи, как больничная простыня.
Здесь ремесло почему-то зовут искусством.
Ты – не игрок, Одиссей в четырёх стенах.

Время – вода. И могло очищать когда-то.
Нынче оно равнодушно, как зимний дождь.
Память – слепа. Вытирает на ощупь даты.
Совесьть – скупа. Но приходит, когда не ждёшь.

Дождь по щекам – как до крови по струнам пальцы.
Дождь по губам исступлённо – молчи, молчи!
Правда – крючок. Ты уже на него попался.
Прячься в тепло, только свет не забудь включить.

Глядя в глаза незнакомцу из зазеркалья,
Стань до конца откровенным хотя бы раз.
Главный ответ мудрецы до тебя искали.
Главный вопрос – ты себе задаёшь сейчас.

И никуда от себя самого не деться,
Слёзы – не грех, и не повод бежать в толпу.
Дождь в январе – заведённый хронометр сердца.
Остановись – чтобы после продолжить путь.

ДАРЬЯ ЛЕБЕДЕВА
Москва, Россия

Было. Как будто сгнуло. Но осталось
электричеством (разряд – ещё держусь),
тихой искрой, вспышкой, самую малость
вспахивающей мгlistую эту жуть
настоящего, вязкого, как трясина.
Не принадлежу как будто ему.
Несчастливым ребёнком лежу в корзине,
По реке плывущей в густую тьму.

Прошлое осторожно подходит сзади
Обнимает, спрашивает: как ты?
А я давно и прочно сижу в засаде,
Как балласт сбрасываю мечты.
Не смотрю наверх, начинаю слегка сутулиться –
Но порой вспоминаю совсем другого ребёнка
И тогда, счастливая, снова бегу по улице,
Той, давно истлевшей на фотоплёнке.

МОРЕ

Послушай, как оно шепчет: «Иди ко мне,
посиди тихонько на моём берегу,
почувствуй кожей прохладу гладких камней,
я спасу, утешу, вылечу, сберегу».

А ночное огромное небо густо молчит,
миллионами глаз глядит на тебя в упор.
Море гладит волнами гальку, чайка кричит,
алый огненный месяц встает из-за тёмных гор.

Это просто и сложно – сорваться сюда, сбежать
и солёный прохладный воздух в вены впустить,
удержать его там на потом, на год задержать,
как запасы чистой воды по глоточкам пить.

Карадаг растворился в небе как чёрный дым,
огоньки кораблей намекают на горизонт.
Из таких ночей, как из ниток, и соткан Крым.
Уезжая, сердце-монетку бросаешь в Понт.

КАЮЩАЯСЯ МАРИЯ МАГДАЛИНА

бомба живёт как бабочка-однодневка
куколкой падает из живота самолёта
быстрый короткий полёт огонь агония
крылья пестрянки яростно пламенеют
быстрая смелая жизнь
и яркая смерть

кается кается кается Магдалина
многие лета смиренно читает книгу
осознает что брэнна хотя бессмертна
вот уже два века – холст масло
волосы золотые
лазурный шёлк

и нарисованный череп смеётся и бомбы
огненной бабочкой падают на Магдалину
от прошлого остаются камни и пепел
последние дни войны
победа близка

когда всё кончается надо похоронить
убитых потерянных сломанных одиноких
и с ними – девушку кисти Помпео Батони
что с тысяча семьсот сорок второго
раскаивалась в грехах и читала книгу
погибла в Дрездене
в сорок пятом году

АЛЕКСАНДР ЛОГУНОВ
Москва, Россия

Над мира глубиною чёрной,
Среди печали ледяной,
Иди, кораблик обречённый,
Крылатый мой.
Светилу следуй виновато,
Не подымая парусов,
Вальсируя витиевато
Меж полюсов.

Объятия живые строги,
Обетованны и страшны.
Иди. Орбиты и дороги
Завершены.

...и долго слышал окаянный
Сердцебиенье тишины.
И тлела снасть меридиана,
Слетали сны.
Сияло небо, отворяя
Семижды семьдесят высот.
И молоко текло по краю,
И капал мёд.

Над мира глубиною чёрной,
Среди печали ледяной,
Иди, кораблик обречённый,
Господь с тобой.

ПРИГОРОДНОЕ

Подобно расписанью электричек
размерен тихий пригородный быт.
Всё знает место, от метлы до спичек,
и календарь к стене гвоздём прибит.

Часы текут, страной не беспокоясь,
радиоточка радиоточит...
В порядке всё и вся, но, будто совесть,
предательски земля гудит в ночи,

когда товарняки ползут устало;
стеклом щербатым в воздухе дрожит
грядущее – так тяжелы составы,
и прошлое смещается с орбит.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Правды найти на миру никому никогда.
Правда является в ласточкиных проводах,
Отображается белой стезёй на сетчатке.

Видишь её, продолжай и веди до конца,
Разновеликую соль отирая с лица,
И исправляй неразумной судьбы опечатки.

Так и ходи по земле, не ломая печать.
Ласточке белой под силу ли перекричать
Полифонию бессмысленнейших восклицаний?

Но тишины жутковатой исполнится миг.
Всё, что отцы узнавали из дедовских книг,
Всё развернётся вот-вот наяву перед нами.

НАТАЛЬЯ МАСЛЕННИКОВА
Ярославль, Россия

Пахнет нарциссами, розами, астрами, девочка входит в класс, тонкие пальцы в царапинах, пластырях, солнце на радужке глаз, солнце на партах, перилах, лестницах, ресницах и волосах, ей ещё трудно сидеть на месте дольше, чем полчаса, девочка просто не знает правил этой сложной игры...

Но зато она знает – где-то за гранью есть другие миры.

Есть корабли, паруса и рифы, солнцем залитые города, девочка перебирает рифмы, девочка учится чуда ждать, пишет стихи на полях – и снова приоткрывает завесы тайн...

Двойка тебе, Смирнова. Сколько можно мечтать?

Физика, химия, физкультура, солнце играет в рыжей листве, пишет записки двоичник Юра Вальке Черненко из класса «Вэ», утро, каникулы, перемены, скоро сдавать экзамены...

Девочка смотрит куда-то сквозь стены задумчивыми глазами. Рифмы точнее, ровнее ритмы, образы ярче за сетью строк. Химию нужно списать у Риты. Вечером курсы, толпа в метро, лето, завтра уже экзамен, мама какая-то нервная...

Девочка пожимает плечами.

«Ну... на филфак, наверное».

Старый профессор капля за каплей цедит, как яд, слова, учит стихи препарировать скальпелем, резать и убивать, девочке жаль их, берёт в ладони, как бабочек на снегу...

Бабочки бьются в агонии. Нет, не могу.

Как же так можно, они ведь живые, смотрит заплаканными глазами. Так, студентка Смирнова, выйдите, тихо, идёт экзамен. Ну, не научитесь, ваше право, кому вы нужны такая...

А на окраине шепчутся травы. Яблони распускаются.

Знаешь, стихи – это тоже люди, в каждом – свой мир и тайна, они ведь живые и тоже любят, когда их кто-то читает, у них ведь у каждого бьётся сердце, гонит ритм по венам под кожей...

Глупости, говорят. Не верится. Этого быть не может.

Осень. Ноябрь притупляет чувства, красит реальность в серый. Девочка больше не верит в чудо. Снова падает сервер. Девочка пишет тексты для сайтов, литрами кофе глушит, сказки, драконов и чудеса прячет всё глубже, глубже, им ведь и правда не место здесь, в омуте новостроек, лучше молчи о своей тоске, о том, что иначе скроен, топи свою правду в болотах глаз, в невытой офисной чашке...

...маленький мальчик заходит в класс.

И что-то пишет на промокашке.

...а пока мы сидим на холодных перилах моста,
и болтаем ногами, и смотрим в текущее небо:
на кораблик сухого листа, на продрогшую сталь
перекрытий, на время апрельской агонии снега

и на нас, отражённых в воде – или может быть, не
отражённые мы, а они отражаются в нас, и
наш апрель – только тень их апреля, и весь этот снег,
и грохочущий поезд, ползущий на тёмную насыпь?

Впрочем, что с того, если и так – ведь у нас облака:
пролетают под нами, над нами, вокруг и насквозь, и
мост дрожит тонко-тонко, и талое солнце в руках
утекает сквозь пальцы, и медленно кружатся оси

обнажённой земли, и сугробы стираются с карт
полушарий, чтоб в солнечном ветре и небе исчезнуть,
и над нами водой протекают века,
а пока –
мы сидим на мосту,
на холодных перилах над бездной.

Все дела и надежды сброшены со счетов.
Разноцветное небо звенит и бьётся на части.
Ты истерзан волнами. Имя тебе – Никто.
И твоя Одиссея кончилась, не начавшись.

Это было забавно, легко и почти смешно.
Очертания горизонта уже знакомы...
И вернуться бы, вспомнить, как ты их любишь, но –
Твой корабль уходит на дно в трёх лигах от дома.

Паруса истерзаны. Лёгкие рвёт вода.
И толчками, как кровь из раны, уходит сила.
Дома вечер. Прохладно. Гонят в закат стада,
И жена снаряжает в поход подросткового сына.

Ты не видел его, лишь знал, что родится сын.
Не давал ему имя. Стрелять не учил из лука...
Но последний песок просыпали вниз часы,
И тогда оказалось, что жизнь – короткая штука.

Дома вечер, и небо кровью залил закат.
Пир окончен, рабыни уходят из умывален...
А она, что была молодой двадцать лет назад,
Доткала последнюю нить в своём покрывале.

Где ты был?
...а враги пируют в доме твоём.
Где ты был?
...отец, любимый, ты был так нужен...
Твой корабль уходит на дно. Кричит вороньё,
И жена твоя выбирает нового мужа.

Твой подросший сын не тебя назовёт отцом.
Не тебе воспоют хвалу в божественном гимне...
Ты прости мне, родная, то, что это не сон,
То, что клялся вернуться – и не вернусь. Прости мне.

Только сыну, прошу тебя, об одном скажи:
Нить, спрядённая Мойрой, честна и неумолима,
И пока мы бьёмся за то, чтобы просто жить,
Наша жизнь, как остров в тумане, проходит мимо...

МАРИЯ НАПРИЕНКО
Москва, Россия

ИОСИФУ БРОДСКОМУ

*Для одних это свежескошенная трава или сено;
для других – рождественская хвоя с мандаринами.
Для меня – мёрзлые водоросли... привязанность к этому запаху
следовало, вне всяких сомнений,
приписать детству на берегах Балтики...
Иосиф Бродский, «Набережная неисцелимых»*

Эго старших конфессий. Но Божий превыше суд.
Тебя любит Господь, без скульптур, без икон, без красок.
Протестантской тропой в католический твой приют,
я пришла, изъясняясь на ломаном итальянском.

Сан-Микеле твоей Венеции – это рай.
Этот город хранит каждый шаг твой, твой голос носит
по планете, гондолы на волнах качают май –
это ты в колыбели судьбы, это ты, Иосиф!

Посмотри на меня через дали – откуда знал
ты так много всего, чему здесь – на Земле – не учат?
Как смирение в узких улочках отыскал
и прощением и любовью наполнил звучность

этой тихой воды, этих скомоканных островков,
где мосты бытия притупляют слепое время?
Ты Венецию слил с темпо-ритмом своих стихов.
Ты остался дышать в ней, безудержно и со всеми.

Тяжкий дар – исцелять безнадёжность своей страны,
потеряв навсегда её, на расстоянье жизни
от неё находясь, лишь в Венеции видя сны,
в Петербург уносящие, делая память чистой...

О свободе её дыханием говорить –
разве может свобода быть сказочней и прекрасней?
С её мистикой слившись, вдоль берега светом плыть –
«только плакать и петь», что Венеция – это счастье...

Эта улица – в сердце её католический храм –
так и просится вырваться в прошлое, чтобы не помнить
в ней меня, чтобы новые лица придать именам
и не слышать шагов, доносящихся плачем из комнат.

Эта улица к нотам привыкла, как к фазам луны
и вернёт сюда каждого, здесь говорившего с Богом.
Эта музыка выше предательства, слаще, чем сны.
Всепрощения свет благодать разольёт по дорогам.

Эта улица ждёт тебя, несколько вёсен спустя,
сколько б поисков жадно душа твоя ни проходила.
Эта улица знает, что ты перед Богом дитя,
что просить может лишь об одном Его: «Боже, помилуй!»

СЕРДЦЕ СИБИРИ

Здесь не строились храмы... Не пели с утра петухи...
Здесь крестились тайком, если что-то о Боге и знали...
С ненамоленных мест этих я увозила грехи...
С выпускного сбегала, своей не увидев медали...

Здесь не лили катки, но река замерзала сама,
Коммунальным мостом от разлуки укрывшись однажды,
И в кривые дороги смотрели из досок дома...
Нас любить не учили, но знали мы, как это важно.

Я бегу сюда плакать, смеяться, играть в поддавки...
Я хочу рассказать и поведаю каждому в мире,
Как морозам и ссылкам, и большевикам вопреки
Николай Чудотворец вымаливал Сердце Сибири...

НАТАЛЬЯ ПАНИШЕВА

Киров, Россия

НАБРОСОК ПО МОТИВАМ САШИ СОКОЛОВА

Называй меня веткой, Ветой, я-то знаю наверняка,
Что беременна будущим летом и крушеньем товарняка.
Я сижу у окна, качаю на коленях девятый том.
Я бесслёзна, я беспечальна, помню всё, что будет потом.
Помню, как забытые всеми мы глядели на поплавки,
Длилось время, катилось время плавным ходом большой реки,
Ворковали в ветвях голубки, наливались в садах плоды,
Прилипали к коленям юбки, тяжелевшие от воды
В небе плавали звёзды-рыбы, в рощах плакали соловьи,
Повторяли реки изгибы золотые пальцы твои.
Помню дачу, сосны, дремоту, душный полдень, тягучий сад,
Жизнь пропахшая креозотом, солнца луч на медных весах,
Помню родинку тёмных россыпь выше локтя и у плеча,
Тёплый день, жужжащие осы, золочёная алыча.

Называй меня Ветой, веткой, птицей в зарослях ивняка,
Пересчитывай ребра клетки, струны, родинки на руках,
Помни, жди, забывать не надо. Загудят от жары виски,
Будут падать крупинки града на фарфоровые пески,
Помни рельсов тугие ленты, речки медленной плотный шёлк,
Козодоя, дачную Лету. Будет страшно и хорошо.
Не бери никуда билета, мы уедем за просто так.
Хлещет ливень, танцует Вета деревянному сердцу в такт.

Так поднимешь лицо, пальцы нервные сцепишь замком...
На потом – стопка тонких тетрадок, исписанных крупно.
За окном – школьный двор, пересыпанный снежною крупкой
И мальчишеский треп пересыпан лихим матерком.
В горле ком.
И отложишь проверку тетрадей на завтра.
Комковатая снежная каша поспеет на завтрак,
А покуда – крупа и горячий прислаженный чай,
А покуда – немое кино за двойным переплётом
И следишь за сюжетом, как будто бы задал вам кто-то
На вопросы о главных героях потом отвечать.

По пустым коридорам рассыпался шум переменный,
На углу у пельменной работяги толпятся, смеют, собираются есть.
Школьный двор по периметру снегом очерчен.
В классе чисто и пусто. Окончена первая четверть.
И отличники есть.

А реке остается полмесяца течь. В школе топится печь
И синеют за белыми рамами сумерки хмуро,
И течёт над дворами родная постылая русская речь,
И всё прочее – литература.

В каждом имени, в каждом слове и в каждом жесте
Скрыта бездна подтекстов, чёртова прорва смыслов.
Ветер дует, покуда не лопнут щёки, гуляет над нашим мысом,
Громыкает кровельной жестью.

Ты сегодня сказала, поставив красную чашку на край сушилки,
Что неплохо бы всё, что открыли – закрыть обратно,
Школьный глобус укутать снегоподобной ватой
И убраться подальше, и не повторять ошибок.

Мы выходим из дому и не затворяем ставни.
Мы идём по песчаному берегу, влажной холодной кромке,
А вода стекленеет, а воздух становится хрупким, холодным, тонким.
По-другому уже не станет.

Мы идём и ветер стихает, а берег затягивает туманом,
Проступают на картах белые пятна, истаивают границы.
Мы идём, мы сжимаем друг другу руки, не плачем и не боимся.
Мы играем в антиколумбов, в неправильных магелланов.

Вместе с птицами движутся к линии горизонта
Имена, как финальные титры фильма: Гудзон, Марко Поло, Беринг...
Волны катятся к мысу, волны терзают берег,
Чайки вторят далёким звукам туманных гонгов.

ЮЛИЯ ПЕРЕПЛЁТЧИК
Черноморск, Украина

МАРТ ИЛЬИЧЁВСКИЙ

Сырое туманное утро – предвестник воспоминаний.
Последние капли кофе. Гудит за окном машина.
И хочется думать, думать: а кем мы с тобой не стали?
Мне хочется познакомить мою дочь и твоего сына.
Сырое туманное утро откроет прежние дали,
Вздохнёт полусонным морем, потянется мягкой кошкой,
И хочется верить, верить, стремиться не понарошку
К тому, что тогда манило, к тому, что теперь маячит.
Мне кажется, наши дети сумеют поймать удачу.
Мне кажется, завтра утром умытое солнце встанет.

ИЮЛЬ

Шуршит бетонка под колёсами,
Водитель встречный входит в раж.
В окне – шоссе пылит откосами
На незатейливый пейзаж.

Бредёт мальчишка, солнцем меченый,
Поддавшись лету, как мечте,
И удочка, как ус кузнечика,
Дрожит на тоненьком плече.

На ум придут страницы сонника.
Дорога. Плавный поворот.
Луга. И душный запах донника
Горячим маревом плывёт.

ПОЕЗДКА В ОДЕССУ

На самом деле не бывает
Таких прозрачно-ясных дней,
Но только небо всё синей,
И в нём мои обиды тают.

Стучат каштаны под ногами,
Ребячьи голоса слышны,
И слабый, чёткий шум волны –
От моря где-то за домами.

УЛЬЯНА ПОПРУХИНА
Москва, Россия

ЯБЛОЧНОЕ

сидела тонкая она
плечами в шали
над ней кружилась тишина
вот-вот ужалит
хотелось яблок и вина
но больше яблок
жужжала в уши тишина
а я бы я бы
смогла на этот раз шагнуть
за край понтона
или закуски взять к вину
да-да антоновок
он приходил внушал вину
острее жала
и сокрушался что вино
подорожало

ПО ТРИДЦАТЬ

Она записалась в зал
и качает пресс,
подход при мысли о нём –
по тридцать.
У неё появился азарт
и живой интерес:
когда на животе проявятся кубики.
И вообще она могла бы стать автором постоянной рубрики
«Как лечить расставания вискарем
и не спиться» –
раз! –
и даже вести мастер-класс, –
два! /по тридцать/
Она научилась молиться –
шепчет: «Пожалуйста, пусть у него случилась любовь,
а не больница!» –
три! /по тридцать/

А ещё она, пожалуй, боится,
что он вернётся – всё повторится, –
четыре!
пять! –
дыхание перехватывает, сводит поясницу,
и опять, –
шесть!..

«Господи, если Ты есть,
дай нам силы всё это вынести!», –
и она увеличивает нагрузку до пятидесяти.

МАМСКОЕ

Для кого-то важно, чтобы ровно стояли слоники на комод
из слоновой кости, бррр...
У других толстые журналы о моде
затёрты до дыр,
и самое главное – влезть в платье
размера XXXS.
Некоторые не выносят детского плача
и любят, так сказать, «сам процесс».
Есть ещё те, кто прочитал всего Достоевского,
вслух цитируют Ницше.
А мне интересно,
что же снится
сопящему толстячку, который всю ночь кричал,
слоников уронил,
а ещё порвал «Карамазовых» и модный журнал,
познавая мир.

ПОЛИНА ПОТАПОВА
Челябинск, Россия

ТРАВА НА ПЕСКЕ

обрастаю стеной из камня,
и всё тише мой бог и реже...
накидайте в лицо песка мне
с ваших призрачных побережий.

чтоб не прятал – мол, всё в порядке –
нервных вспышек за приступ лени.
столько всяких в навозной грядке
нераскрывшихся преступлений.

покопайтесь в моих подкорках,
закидайте сомнений лужи,
и покатится жизнь под горку...
впрочем, кажется, мне не «ну же!»

на урале мороз крепчает,
но медведи без шапок ходят,
а у вас – всё одно: скрип чаек
и не верит душа погоде.

не поеду я в ваши кущи
ни одетым, как есть, ни голым.
я останусь. трава же гуще
разрастается, если горлом?

КАЖЕТСЯ, ИЛИ ВЕСЕННИЙ ЗВЕРИНЕЦ

я точно слышу дождь идёт по крыше
и ясно вижу морды серых крыс
ещё не волки но уже не мыши
глядят молчком и ты об этом тссс

зима клубочком спит не зная раю
отдать себя во сне боится сну
коты в полёте с крыши замирают
впечатываясь в небо и весну

чтоб стая пустолайкающих самок
наставила под каждым снимком во!
но безысходно кафкающий замок
в бесхозный двор впускает никого

гуляет ветер между черепицей
стучат по крыше точно кирзачи
огромные откормленные птицы
немолчно полуночные грачи

а под ногами хлябь и мелководье
так март стоит и мимо не течёт
круги в глазах рябят и не подводит
под монастырь звериное чутьё

и время воет волком в тайне выжив
и близится твой час
ему ли врать
и верится
что дождь сорвался с крыши
и кажется не страшно умирать

СМОТРЯЩИЙ ИЗ ТИШИНЫ

Он снаружи глядит в окно, а наскучит – кто вы,
чтоб прикидываться бессмертными! – намекает.

(...поутру приходил знакомиться участковый.
и спросил ещё про соседа: буянит? пьёт?)

Заряжаясь от солнца утром и тая в небе,
он способен метать отравленные лучи.

(...ну, бывает, напьётся. ну, ломает мебель.
ну, покроет всех матом. главное – не молчит)

А ночами – бельмом
фонарного глаза светит,
смерти ближе,
бледней покойника –
страшный вид.

(...я не знаю, чего рассказывать о соседе.
если слышу я – мне спокойно. пускай шумит.)

Он в агонии пьяной не пробивает стены.
(лучше б он – не алкаш сосед – был бы слышен мне)
Он, безмолвно давя на нервы, вскрывает вены.
(лучше б громко – мне страшно в мертвенной тишине)

Он стучится внутри, но глухо, почти не слышно,
где-то слева он смог вломиться в мой мир – туда,
где меня не найти, откуда я тихо вышла,
зная: нет на него милиции.
И суда.

АННА ПРОТАСОВА
Киев, Украина

Снаружи холоднее, чем внутри.
Едва остепенившись, я на три
экзамен сдам и письменный, и устный.

Сосед соринки вытянет из глаз.
И я ему шепну, что родилась
в каком-то невозможном захоlustье.

Что помню жизнь как утренний подъём,
как первого конспекта окоём,
как слоган в опостылевшей рекламе.

Куда-то убегает объектив.
Лежит сосед, затылок обхватив
шершавыми, что твой наждак, руками.

Шумит на кухне незакрытый кран.
Стоит пустой театр Батаклан.
Ещё немного – и начнётся действие.

Покуда в зале не погасят свет,
мы сохраняем память, как скелет,
и номерок в кармане – чтоб одеться.

комната не сгорела птичка не умерла
выглянешь из подвала света хоть отбавляй
горбленные пейзажи кладбище у двора
плачет на остановке глупая Лорелей

палочку поднимает уличный дирижёр
здесь тебе не Тангейзер и котелок сними
вытащи бутоньерку вспомни куда пришёл
бредит под одеялом уличная Мими

тёмные коридоры длинные номера
тронется эскалатор не отыскать перил
комната не сгорела птичка не умерла
город куда прибуду может быть не Берлин

опять остановился и нашёл
потерянный жетон на дне кармана
дела теперь пожалуй что нормально
дела теперь пожалуй хорошо

хотя и непохоже на весну
к асфальту липнет тонкая подошва
как будто повар будущее с прошлым
смешал и дегустировать рискнул

как будто что имел он всё отдал
за вид на опустевшие палатки
на те скамейки в шахматном порядке
за переход проложенный туда

ВАЛЕРИЙ РЕМЕНЮК
Выборг, Россия

БЕСЕДА

Жил да был один художник, жизнерадостный вначале,
Да с годами потускнели и веселие, и прыть,
Но зато он научился разговаривать с вещами,
Так что даже старый зонтик удалось разговорить.
Он берёт его с собою и гуляет по аллеям
Исторического парка от калитки до пруда,
И беседует о жизни, наблюдая, как алеет
Утонувшая в закате невысокая гряда.

Растопыривает зонтик, если брызнули осадки,
И легко отодвигает надвигающийся фронт,
И тогда-то проявляет потаённые повадки,
И бубнит над головою распоясавшийся зонт:
Где он был и что он видел, как дела и настроения –
Поддвывает помаленьку, непогодю гоним.
Отличается, однако, небывалым самомнением –
Он в ответе за здоровье тех, кто пользуется им!

Или вот ещё картина: наш художник у камина
И просвечивает красным сухощавая ладонь.
Для него во всех аптеках нет полезней витамина,
Чем мерцающие угли да пылающий огонь.
Он беседует с камином и с поленьями толкует
О сегодняшней печали и бессмысленном былом,
И огонь на то вздыхает, и на вазочке бликует,
И напитокывает вечер ароматом и теплом.

А приталенная ваза из китайского фарфора,
Нестареющий ребёнок, озорная травести,
Замечательный напарник для большого разговора –
Словно ракушка, бормочет, если к уху поднести.
И беседует художник среди бликов, среди пятен
С образцами интерьера в оглушающей тиши.
Он, конечно, не лунатик, не напился и не спятил.
Просто, умерли родные.
Не осталось
Ни души.

ВНУЧКЕ НА ДОРОЖКУ

Ну, что ж, отправляйся! Смотри, как положено, в оба,
Пусть даже попутчики и хороши, и галантны –
На этой земле накопилась гигантская злоба,
Хотя проживают на ней далеко не гиганты.

Утробная злоба присуща и сирым, и сытым.
В ней носятся атомы тысячелетнего праха.
Густая и липкая, будто расплавленный битум,
Хотя, по природе, она лишь защита от страха.

Живое страшится обиды, беды и потери,
Страшится остаться во дне, что становится прошлым.
Но ты всё равно отворяй непослушные двери,
А страха не бойся, и он не прилипнет к подошвам.

Пускай ураганы рассеются ласковым бризом.
Пускай убежденья твои не останутся зыбки.
Пускай для тебя не окажутся горьким сюрпризом
Хула и предательство вместо ответной улыбки.

Тебя ожидают пути в необычные страны.
А радости будут, хотя и не очень-то часты.
И пусть тебе служат в дороге надёжной охраной
Все детские сказки, что мы тебе пели на счастье.

Ну, что же, пора. Дай, пожму твою тёплую лапку!
Уже на щеке твоей привкус и ветра, и пыли.
А если взгрустнётся, подумай про дедку и бабу –
Они тебя любят, в каком бы пространстве ни жили...

ВЫШИВКА КРЕСТИКОМ

Всё больше уходят сверстники –
Пейзаж и убог, и нищ.
И смерть вышивает крестиком
По серой канве кладбищ.

Поэты! А вы не верьте ей!
Творите, гореть спеша!
Тогда настает бессмертие,
Когда отлетит душа.

Пишите, гоня сомнения,
Стремитесь себя раздать.
Ведь титул и статус гения –
Посмертная благодать.

И если тепло и тесненько
Сожмёт и тебя земля,
Судьба нарисует крестиком
Бессмертия вензеля.

АЛЕКСАНДР СОБОЛЕВ
Ростов-на-Дону, Россия

СВЕРХНОВАЯ

Когда холодные циклоны почти утихнут над землёй,
и станет мхом на южных склонах перегоревший рыжий слой,
замельтешат в пещерах крылья, покинет отмели отлив
уже с одной свинцовой пылью...

Когда, коросту соскоблив,
перетерев бетон на щебень в пространствах всех материков,
пойдёт назад лиловый гребень тысячелетних ледников...

Когда из почв, насквозь прогорклых, из глубины, из черноты,
на остеклованных пригорках родятся странные цветы,
в кустарниках пролягут тропы, проснутся шорохи... Когда
в огромных кратерах Европы заплещет талая вода...

Когда в долине Потомака, встречая свой последний день,
разумная полусобака ударит кремнем о кремьень,
и задымит трава сухая, восторгом шкуру ознобя...

...тогда нависнет, распухая, распространяя из себя
испепеляющее пламя, слепящий смертоносный жар,
над океаном, полюсами, над вспыхнувшими волосами
непредставимо колоссальный
кошмарный ШАР.

Взлетит когтистая рука косым движением защиты –
но испарятся облака, и станут плавиться граниты...
И грянет огненная кара под рёв вселенского пожара,
под треск континентальных плит.
За преступление запрета звездой убитая планета
кровавым паром закипит.

И станет мир пустыней снова, и из него исчезнет слово
на миллиарды лет вперёд...
Когда в пылание Сверхновой вишнёвой косточкой багровой
Земля скользнёт.

ДОРОГА НА ЮГ

Диван да ковёр, пара стульев и столик удобный,
на нём размещаются книги и то, что съедобно,
и это – купе...

А в нём – человек попивает прохладное зелье
и движется с важной и невразумительной целью,
один, аки перст.

В служебном вагоне, где он – не угодно ли? – едет,
чудесно отсутствует даже намёк на соседей,
а рядом течёт

полуденный клейстер сгущённого насыпью зноя.

Да, есть проводница по имени, кажется, Зоя,
но это не в счёт.

Он смотрит вовне из дуплянки, из люльки, из ложки...

Почтенная женщина вежливо чаю предложит,
бельё принесёт,

но путник, увы, не знаток церемонии чайной.

Он смотрит в окно, сознавая, что день не случаен,
как, видимо, всё.

В прогалах деревьев мелькает посёлочков леги,
стечением листьев и сучьев, семян и побегов
прикрыт окоём.

Пронесаются мимо фестоны зелёных массивов,
где белые кости стволов остаются красивы
в посмертии своём.

Потом проплывают пространства, где скошено жито...

И вот уж купе до возможных пределов обжито
составом вещей,

не хочется есть, и не требует отдыха тело,
и можно не думать... дистанция делает дело
и здесь, и вообще...

Итак, он летит по прямой, у момента в фаворе,
в пустом позвонке у состава, в задонском просторе.

Исчерпан компот;

теперь, не спеша, побеждённый дорожною ленью,
он цедит просвеченный солнцем мускат впечатлений:
ни дум, ни хлопот...

Но как-то не сразу, не вдруг – постепенно, неявно,
идёт наложение и замещение планов,

и наш пассажир
магнитной головкой несётся вдоль стёртого трека
и кожей читает фрагменты ушедшего века,
его миражи.

Он помнить не может, но волей самой Мнемозины –
то сабли полоска сверкает крылом стрекозиным,
то смутная тень
от броневагонов мелькнёт перед поездом встречным,
как призрак Голландца в его возвращении вечном
в сегодняшний день.

Он следует – вглубь и назад – соляными пластами,
и видит, как едут на юг новобранцев составы...
как бурый закат
глядит через щели теплушек на груз человек,ов,
которых ведёт за Урал, от аулов и Мекки,
судьба языка...
Червонного золота свет над подсолнечным полем;
упряжку быков и телегу с чумацкою солью;
степные огни
отряда комбайнов в короткие душные ночи;
другого отряда, что в яме амбарной хлопочет,
штыки да ремни...
По рельсам – потоки несущего жизнь антрацита –
и трактор тридцатых, рождённый ценой геноцида;
коня в поводу –
и танковых траков в горящем саду отпечаток,
и женскую руку, сломившую влажный початок
(для хроники дубль)...

Под радостным небом, по глади, когда-то ковыльной,
он катится к южным границам, прошитый навывлет
в вагоне пустом
брезгливостью – с West'a и жадным вниманьем – с Востока.
И дальних хребтов ощущая немирное око, –
он помнит хребтом
блудливый оскал разодравших страну лицедеев
и прежних ура-патриотов с великой Идеей
бесстыдный инцест,
черты помышлений, побед, преступлений, поступков...
Он мчится внутри грандиозной Отечества ступки,
один, аки пест...

И скорый – локальное время стремительно порет
навстречу четвёртому Риму. (Помпее?.. Гоморре?..)
А он – подчинён
могучему кровному чувству... и с этим не спорят...
...Он едет по ровному дну колоссального моря
древнейших времён.

ОБРЕТЕНИЕ ВОДЫ

На убывающей луне
возьми немного крупной соли
и с лунным светом в равной доле
в воде смешай. Когда на дне

исчезнут мутные кристаллы,
поставь стакан перед собой...
...Сегодня встретишься с Водой,
пока ещё не рассветало.

Без заклинаний и свечей,
вне власти тусклого рассудка –
она блестит светло и чутко,
и можешь ты доверить ей
желанья тайные, глухие,
ведь вы воистину вдвоём!
С тобой – вода, твоя стихия,
прозрачный, трепетный объём.
Она поймёт твою надежду,
во всём к тебе благоволя.

Не покажи себя невеждой,
и в этот час не позволяй
не только суетного слова,
а даже внутреннюю речь...
Но часть энергии живого
освободи – и дай потечь
в ночную воду из щепоти.
Да только делай всё всерьёз!
Она – в твоей греховной плоти,
она – в твоём солёном поте
и в блеске благодарных слёз.
В любом глотке и в капле каждой
твоей горячечной крови
она – твоя!.. И всю жаждой
её на помощь позови.

И если сделать всё, как надо,
то как остаться ей в долгу?..
И ты почувствуешь прохладу,
потом услышишь тихий гул,

потом заметишь неустанный
переплетающийся ток.
Тогда, не медля, из стакана
отпей единственный глоток...

Как неожиданно и странно,
что это тонкое стекло
несёт частицу океана
со всем, что в нём простекло!

О, океан, моя родня!..
Сейчас, творя себе кумира,
я нахожусь на грани мира,
где он приветствует меня!
Где, как желанная предтеча,
голубовато-зелена,
ко мне на радостную встречу
идёт всё новая волна,
в неиссякаемом порядке
всё новый зыбится карниз
и циклопической складкой
себя обрушивает
вниз.

И мерный грохот – как крушеньё
всего, что сделали со мной
слепые жертвоприношенья
несправедливости земной...

Как долго ты блуждал один,
без покровителя и друга...
Не знаю, в чём твоя заслуга,
но это время позади
с бесцветных будней чередой,
разъединённых, растворённых –
и снова оплодотворённых
великой сущностью – Водой!

Бледнеет ночь. Аэролиты
идут к земле косым дождём.
Давай немного подождём
награды, в будущем сокрытой.
Обетованная вода
теперь с тобой всегда и всюду,
и можно быть любому чуду...
не будем спрашивать, когда.

ВЛАДИМИР СМОЛЯКОВ
Краснодар, Россия

ИЗ ЖИЗНИ РЫБ

Ты помнишь рыбу, выплывшую к нам
из зелени тугой? Из той воды холодной?
Раздутая, как старый чемодан,
беременный одеждою давно немодной?

Она была рыбее рыбьих рыб!
В ней сросся кактус, бритва и куски железа,
безумного, как головы ушиб,
как похоронный марш под звуки «Марсельезы»

Ты помнишь, как она плыла из тьмы,
огромная, и шевелила плавниками?
Как будто в этом был особый смысл –
смотреть на нас, пока мы превращались в камни

от ужаса; я знал ты за спиной
и цепenea плыл и быть старался храбрым,
когда она вздохнула подо мной
и море вздрогнуло в её замшелых жабрах.

Да, цепенел от ужаса и плыл –
я был тогда почти на сорок лет моложе,
и был другим, и по-другому жил –
и думал только о твоей прозрачной коже,

и что тебе пораниться нельзя –
ты истечёшь, ты просто растворишься в море:
– Она жива, но мир её разъят –
так врач сказал, а я его не мог оспорить.

Когда из света когерентных волн
возникнет холм, что прежде нам казался ямой,
ты понимаешь, это точно – холм!
И Гук и Бойль правы – не всё прямо, что прямо!

Ах, Рыба-Страх – ведь это был бычок –
интерференция до жути исказила!
А я поверил, глупый дурачок,
что защитил тебя от самой страшной силы.

...я был дикарь, ты, бросившая смог
большого города, израненная птица
уставшая от жизненных дорог...
Когда спала, я целовал твои ресницы,

а утром через галечника пляж,
нёс до воды – плыви! – и ты была русалкой,
и для тебя шипел волны плюмаж,
и воздух йодом пах, и горною фиалкой...

BIRD BLUES

Я сегодня о псах ни гу-гу,
псы не всем, как я понял, нравятся,
но о птицах-то петь я могу?
Пеньем птиц никто не подавится?

Только им, обитателям сини,
понимающим клёкот стихий,
трепет воздуха в трепете пиний –
дела нет до твоих истерий.

Сойки смех в горле ваших амбиций!
Слышишь чаячьих криков ножи?
Так кричат ненасытные птицы,
пожирающие мою жизнь.

Что мне ваших плетей пересуды?
Я знавал в череде пошлых дней,
пересохшие губы Иуды,
ненасытные стоны гвоздей.

Мне не надо ни денег, ни славы –
было всё, мне по масти везло,
как на кровь, я на красное ставил,
а на чёрном мне башню снесло.

О, как ярки весенние крики
сумасшедших соитий птиц!
Ярче только пятна брусники,
на сугробах простынных больниц.

Среди этого гама и ора,
мне крупье повторяет: – Пора!
в чёрном смокинге – вылитый ворон,
с хирургическим хрустом пера.

СОБИРАНИЕ ЖЕМЧУГА

Движение в ничто и темноту
скольжение напоминает с горки,
ты медленно врываешься в пустоту
и ощущаешь, что во тьме прогоркли
слова, окаменевшие во рту.

Всего труднее заново всплывать,
не зная, это утро или вечер,
ощупывая стены и кровать,
и в жменю собирать осколки речи,
и найденное слово целовать.

Ожившие – перебирать по росту,
и радоваться – Боже – говорю! –
ломая прожитого дня коросту...
И неба пить заледенелый брют,
и облако, похожее на остров.

СЕРГЕЙ СУЩИЙ
Ростов-на-Дону, Россия

1 МАЯ 2005 ГОДА
(вечерняя прогулка в четырех актах)

20-00

Солнце прячется в тучу, луна собирается в гости.
Не найти часа лучше, размять занемевшие кости.
Кувыркается чёрная птица, комар точит лясы.
Время может продлиться, а может закончиться разом.

В налитой тяжким духом, по окнам клубящейся пене,
различишь острым нюхом двенадцать оттенков сирени.
Разгуляются нервы, прилипнет к дыханию слово –
уловив запах червы из третьего... нет, из второго;

из второго подъезда, червовой натруженной дамы,
ты укромное место находишь себе перед самым,
её носиком острым и бюстом в подчёркнуто тесном.
И становишься воском, в опаре танцующим тестом...

21-00

Знать у города кастинг – на скрученных в кольца бульварах
все картёжные масти. Неловко сегодня быть старым
в свои сорок четыре... Опять кувыркается птица.
Всё закончится в мире, но это мгновенье продлится

ровно столько, как надо, как мы захотим, как сирени
маршируя парадом, уйдут в полуночные тени.
Что там дальше судьба? Чем займём этот вечер, соседка?
Жизнь, конечно, борьба – но анфас, в профиль – больше рулетка.

Даже если нет смысла, пойдём через парк на зелёный
до цветочного мыса и тени шлагбаумной клёна.
Поглазеем на прорву фонарных слепых насекомых –
как безумны манёвры, и как безнадежно знакомы...

22-00

А теперь за луною, за белой взлетающей юбкой,
торопливой рысцою, за хвостиком музыки, юрко
помелькать. А потом заблудиться в аллеях и тупо
трижды сделать «кругом» у скамьи, где в двоящихся купках

юниорке вещает, измученный каждой жилкой,
первокурсник прыщавый. Он выбрит газонокосилкой
под зеро. Он дерзает взалёб в этом воздухе грешном –
том, в котором ферзями в два хода становятся пешки.

И коснувшись краями души той незримой границы,
где поют соловьями вороны и прочие птицы,
под бразильскую румбу осядешь на лужицу света,
на цветущую клумбу, на круглую эту планету.

00-00

Так пускай под откос, прогрехочет последним трамваем
эта фабрика грёз...

«Эй, вставай, корешок. С первомаем!

Ну, сказали же, резво!..»

А ты самолётик фанерный.

Ты всё выше. «Я трезвый... – бормочешь милиционеру. –
Я к подруге с подарком, да вот сбился курсом немного...»

Ты взлетаешь над парком всё выше. И эта дорога
в никуда, между сонмом летящих сюда и отсюда,
между бодрых и сонных планеты, восьмым её чудом.
К высоте, где нельзя нам дышать, да и нечем, но легче,
чем внизу... Вот и вся небольшая прогулка под вечер.

ОХОТНИКИ НА СНЕГУ

По мотивам П. Брейгеля

Смеркается. Сыплет снежок и мороз всё крепчает.
Сейчас бы в свой дом, к огоньку и горячему чаю.
А впрочем, посёлок всё ближе и машут плечами
дубки и березы. Сороки по веткам снуют.
Из леса охотники склоном покатым идут.
Собаки, добыча, густая усталость в ногах.
Из впадины неба всё пуще серебряный прах.

Они на подходе... *А в море плывут два линкора.*
Они далеко друг от друга, но встретятся скоро.
Что будет, не знает никто. Впрочем, семя раздора
везде и всегда. И полны ожиданием злым
со всех континентов упёртые в небо стволы.
Как хочется вставить соседушке с правой руки,
катаются по небу медленных туч желваки.

Снежок опадает на землю. Подолгу, не сразу.
Всё ближе посёлок, всё ближе... А в секторе Газа
последний шахид на сегодня плывёт стружкой газа
на небо к Аллаху. И выполнив данный обет,
ликует, разъятый на части, на тени и свет;
доподлинно зная, что нынче же он – имярек,
гражданство исламского рая получит навек.

В Перу извержение вулкана, на фондовом рынке
просадка весь месяц, взрыв шахты в Китае, на ринге
Евразии «куча мала» вместе с рефери-гринго.
Десяток бойцов, костный хруст на планету почти.
Куются орала, но прежде секиры, мечи.
И кровью пульсирует лента дневных новостей,
в висок отдавая... На белом цепочка людей.

Темнеет, однако. Вдали огоньки. А дорога
струится по белому склону всё также полого.
И каждый себя убеждает: «Теперь-то немного
до женщин, детей и тепла, до...» Достигнут предел.
День, год или век – и земля совершит самострел.
Предчувствуя ишкурой всё это, бормочешь: «Хрен с ним.
Ведь через в какой-то там степени лет или зим

всё прахом закончится, схлопнется чёрною точкой.
Какого же ляда тянуть, если можно короче?
Экстерном отмучиться, если не вышло заочно.
Здесь! Прямо сейчас! Малый труд –
и дело с концом...» А они всё идут и идут.
Старшой поправляет тулуп на широкой груди:
«Успеть бы до ночи...»
А как же! Успеют, поди.

Медленно семья заходит в воды.
Век двадцатый, море Чёрное, Анапа.
Папа, мама, дочка... У природы
много солнца, волн; но больше сапы,
тихой сапы – той, что поколенья
смоет губкой, пеною морскою.
Вот они исчезли по колени,
в море уходящие те трое.

Вот они по пояс. Вот поплыли.
Как, куда, зачем? В каком столетье
ждать обратно их? Всех вместе? Или
одного, двоих?.. Всё ярче светит
солнце на расплавленной дорожке.
Три плывущих к горизонту точки.
Неприметней всё и тем дороже,
пусть не отличить отца от дочки.

Соль под солнцем разъедает кожу.
Если б мог ты, если б дело в силе...
Может быть, они вернуться? Может
все вернуться, что *туда* уплыли?..
Волны глухо, чайки слишком звонко.
Что умеешь, то и делать надо –
помнить всех уплывших к горизонту
(имена их, лица, речь), наградой

самому себе за память. Будет
час, когда в расплавленное солнце
погружаясь, вспомнишь: «где-то люди...»
И назад, на тех, кто остаётся,
обернувшись, вскинешь на прощанье
руку над водой легко и длинно;
поплывёшь, усталыми плечами
разводя лазурь с акваарином...

Полдень, белым шёлком вьётся пена.
Век двадцатый, море Чёрное, Анапа.
Из воды выходят постепенно
друг за другом – дочка, мама, папа.
Ветер, волны, солнечные пятна.
Прямо из зенита прилетела
бабочка, ушла в зенит обратно...
Сплю, не сплю? Кому, какое дело.

АГЛАЯ СОЛОВЬЁВА
Киров, Россия

ХРУСТАЛЬНЫЕ ДЕВОЧКИ

Эти девочки рождены, чтобы красить губы,
Эти девочки сделаны из хрустала.
Есть Джульетты, Офелии и Гекубы.
В списках этих девочек где-то я.
Я моложе школьниц и старше Рима,
Я питаюсь буквами и людьми.
Я три дня ничего уж не ела, милый,
Так что ты, пожалуйста, проходи.
Почитай мне вслух или спой мне песню,
Или лампочку в комнате поменяй;
Ничего не видела интересней...
Если вдруг усну – не буди меня.
Заходи с утра, захвати мне почту –
Я всё жду подсказки какой-нибудь.
Если я не проснусь ни к утру, ни к ночи...
Значит, я, и правда, устала очень.

В комнате не было шкафа и не было стула
На окнах не было штор.
Дивана не было, и я уснула,
Там, где мог быть ковёр.

Не было чашек и не было вилок и ложек,
В комнате, где я спала
И у стола не было ножек
Не было даже стола

По мне проходили огромные дикие звери,
Ростом до потолка
Ты тихо присел в углу возле двери
Без ручки и без замка

Лампочки не было, и не было света,
На стене не висело часов,
Ни чисел, ни лет, ни предчувствия лета,
Ни часовых поясов.

Комнате в нас было места чудовищно мало,
Особенно на полу.
Ты встал из угла и угла не стало,
Не стало тебя в углу.

Меня впитали в себя обои,
Ты стал заключённым стен,
Таким героям, как мы с тобою,
Надо сразу сдаваться в плен.

Мы в окна смотрели чужими глазами
Ходили по стрелкам из класса в класс
Пространство, которое мы создали сами
Стало важнее нас.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Есть человек, который не придёт.
Я для него стою на этой сцене.
Но слово пустоту не обесценит,
В честь пустоты я открываю рот.

Густые гласные взрывают грудь.
Мой сад не ждал такого урожая.
Слова живут вперёд, меня опережая,
Указывая мне, куда свернуть.

Мой голос в лицах, в улицах твоих.
Над головами вьётся, но не может
На светофоре обогнать прохожих
Ни тех, ни этих – никого из них.

И вот есть вечер с нового листа.
Есть ноты и закономерность нот.
И есть один, который не придёт,
Но все займёт свободные места.

МАКСИМ СТАТИВКО
Киев, Украина

Видно, весна. Листья свежие клейки,
Тётка торгует с ларька всем подряд.
В Киеве двое сидят на скамейке,
Долго сидят, не спеша говорят.
Тетка шумит, всем сулит по подарку,
Машет большими селёдками рук.
Двое тихонько гуляют по парку,
Будто не видя всего, что вокруг.
«Скидки сегодня. Подходимте, братцы!»
Двое то сядут, то где-то свернут –
Будто совсем не боятся расстаться,
Бродят себе, не считая минут.
Может, в ларёк не спеша заглянут и
Спросят у тётки чего-то попить...
Если продать хоть одну ту минуту,
Можно ларёк вместе с теткой купить.
Тётка за так даст воды из колодца
И поспешит свой ларёк запереть.
Будто бы в цирке на канатоходца –
Страшно.
Как страшно на счастье смотреть.

Ты, Господи, храни встающих рано,
Встающим рано раны залечи.
В недолгих снах им дай такие страны,
Где нет теней, и всё кругом – лучи.
Ты, Господи, храни всю ночь не спящих,
Кто спал с лица, устал, упал с коня.
Ты дай им сил и кофе сделай слаще,
Чем сон, покой и распорядок дня.
Ты, Господи, храни ушедших в ливень
Без зонтиков, без тувель запасных.
Ты сделай их самих чуть-чуть счастливей
И дай тепла согреть своих родных.

МОХОВ

Серее Пащенко

Страх меняет очертания и лица.
В голове у нас он самый жуткий страж.
Мохов – Мохов, не умеющий молиться –
Весь дрожит и тихо шепчет «Отче наш».
Шлем в ответ пищит протяжным тонким свистом,
Мир двоится в голове ему подстать.
Мохов сам себя считает атеистом,
Но с губами не выходит совладать.
Он ведь стал курсантом-лётчиком, элитой,
Сверху вниз мечтал смотреть на пики скал.
Жизнь такая, что покоя не сулит, а
Он покоя никогда и не искал.
Он всегда хотел летать. В кабине МиГ-а
Было что-то. Сила, страсть и рёв турбин.
Абсолютно все, от мала до велика,
Оседать мечтали кресла тех кабин,
Где ремни сжимают грудь почти до хруста,
Где полёт, свобода, красота кругом,
Где разгон, отрыв, набор и перегрузка
Давит так, что ты как клоп под сапогом.
Пусть, с годами всё больнее, всё разбитей –
Люди в небе превращаются в калек –
Чем истощнее ревуший истребитель,
Тем живее за штурвалом человек.
Мохов в лётное училище не птицей,
По-пластунски, со шпартгалкой – да, не без...
День – с друзьями выпить, с матерью проститься,
День ещё – в дороге дымом прокоптиться,
Разместиться, чтоб потом не суетиться,
И почувствовать, что как-то не грустится,
Что внутри – буквально – голод до небес.
Было ясно, были тучи, облака ли,
Сквозь окно с утра и вечером в дыму –
Небо – было! Только в небо не пускали.
И казалось, небу скучно одному.
До луны бы долетел, и на луне бы
Всю мат-часть учил и вдоль, и поперёк,
Ведь всегда над головой висело небо,
Как издёвка, как насмешка, как упрёк.
Мохов ждал.

Режим, подъём и переклички,
Аудитории, рутинные дела.
Раздражали даже бабочки и птички –
Впрочем, осень скоро в зиму перешла.
Мохов мучился в те месяцы до стона,
И по улице себя почти волок.
Небо было, как отбойник из бетона,
Будто низкий весь в потёках потолок.
Под таким обычно горочкой окурки,
С антресоли грустно смотрит пара кед...
Снег летел, как хлопья мокрой штукатурки,
Бурым месивом на старенький паркет.
Очень долго не услышишь птичьей трели
В тех краях, где люди учатся у птиц.
Мёртвый март ушёл в опрелости апреля.
Двести тридцать три, четыре, двести тридц...
Мохов сбился. Мохов брился и бодрился,
Не ругал тот день, тот импульс, что сподвиг.
Он под небом, как под крышечкой, варился –
И курил, и даже сносно матерился,
Только больше не бурлил и не искрился,
Будто в Мохове сломался маховик.
Отгудели, улеглись внутри метели.
Лето дома, где семья и сладкий сон.
Год второй прошёл, как будто три недели
Года первого – неделя на сезон.
Тридцать первое – ноль пятого.
Суббота.
Плац.
Автобус.
Хриплый рык из-под капота.
Командира голос – хруст под топором,
Сух и резок: «Первый взвод, вторая рота,
Смирно!
Вольно.
Едем на аэродром».
Дром-дром-дром – автобус дёрнулся и двинул.
Дром-дром-дром – взвинтило сердце, понесло.
Гатило весело и зло –
Сейчас доехать, сесть в кабину,
И разогнавшись тяжело,
Вперед, как пуля сквозь стекло,
Ведь нам ли жить наполовину?
Мы будто души исполина.

Нам повезло.
Нам повезло.
Не стало слов. Остались только междометья.
На взлётной холодно и ветер, как в трубе,
А рёв, как гром размешан с оркестровой медью,
Как будто некая зверюга перед смертью
Ревёт фамилию его, зовёт к себе.
Центнеры туши алюминиево-стальные
Не оставляли равнодушным никого,
Но Мохов знал, пока летали остальные –
Зверюга ждёт и просит именно его.
И вот, он здесь. В кабине тесно. Душно в шлеме.
Приказ взлетать, но тьма и слёзы на глаза.
В душе конец пришёл такой какой-то клемме,
Что отвечала много лет за небеса.
И ни вдохнуть, ни дотянуться до штурвала –
Шипел и мок, как льдинка на сковороде.
Взлететь и мог бы, только неба вдруг не стало.
Впервые в жизни. Никакого и нигде.
«Иже еси на небеси» – на небеси же!
Пусти же, Боже. Пусть летает человек!
Казалось, гул внутри уже не станет тише,
Казалось, миг застрял во времени навек.
Но он прошёл.
Казарма.
Ночь
И выбор сделан.
Кругом сопение счастливых спящих тел.
А Мохов видит в темноте, как всё сумел он,
Как он собрался,
Разогнался
И взлетел.

ЕЛЕНА ТИХОМИРОВА
Санкт-Петербург, Россия

ЗЕРО

Закурю, помолчу – ушедшего не воротишь,
как не выбелить складок на чёрном шёлке.
Почему сейчас, сквозь тернии и пороги,
продираюсь к небу тропею колкой?
Кто учил меня ложь потайных таро
принимать бескровно и с облегчением?
Мой аркан номерной – это шут/зеро,
он зовёт меня к приключениям,
вверх и вниз, на запад и на восток,
не беря с собой лишнего – только злобу.
Прорастает сквозь мир золотой цветок
и указывает дорогу
задыхавшимся в адской петле ночей,
что свечой на ветру сгорают.
Знаешь, небо, на пламени тех свечей
жгут костры – становятся ближе к раю,
и молчат, да слышат свои шаги,
в каждой капле зовущей крови.
Нет молитвы проще, чем «Помоги»,
потому так легко, с любовью,
брошу сердце тому, кто не протянул
мне руки, когда я просила.
Он уже давно проиграл войну,
потому, что любил вполсилы.

ЛАЗАРЕТ

Сны не сбываются – просто приносят дрожь,
берег иной укрывая слоистой пеной.
Дай только время, когда-нибудь утечешь
кровью дурной из прокушенной смертью вены...

Доктор дежурный назначит двойной укол,
чтобы отшибло желание выть и память,
и пожурит за то, что заблёван пол
липкими сгустками боли – её стихами.

Только сиделка – вера, в глухой ночи,
тихо поправит колкое одеяло
и посидит поблизости, помолчит,
чтобы бедняге немного спокойней стало.

...как перестанет сниться словесный тир,
злоба, бессилье, грубости и запреты –
выпишут снова в зовущий, безумный мир
новую душу из старого лазарета.

КОНКИСТА

Перейду ли покорно за острую грань,
не поранив души о далёкое «я»?
Когда рвётся ночами упругая ткань
перешитого мной бытия,
или горло сжимает железной рукой
рыцарь прошлого, что был надёжен и скуп,
а в крови закипает солёный прибой,
неожиданной нежностью губ
не притянешь несущего свет мотылька –
он боится потерянных душ.
Если terra incognita ты отыскал
среди тысяч разрозненных суш,
отправляйся в конкисту,
ведь жизнь горяча,
принеси ветер странствий с собой ...
Только ангел-насмешник
вздохнёт у плеча –
он, конечно, увидел,
как тонет печаль
и во тьме
рассветает
любовь.

ЕВГЕНИЯ УЛЬЯНКИНА
Москва, Россия

ГДЕ-ГДЕ

– Ой, а это же там, где большая тюрьма?
Второй класс. Не понимаю вопроса.
Восемь – не возраст пределы кончика носа
преодолевать.

Мы на даче смотрели, как поперёк степи
проползают товарняки –
перекати-нитки,
и тайком собирали бабушкину клубнику,
пока она спит.

Без страны, без планеты – в паспорте: Ка-ра-ган-да.
Я теперь понимаю, что у меня спросили.
Думаешь, житель вселенной – а просто ссыльный.
Я хочу помнить клубнику, сестру, ковыль,
но об этом забыть – когда?

Дуся её звали
эту как её чёрную с рыжим
кукольный доberman
она была королевой двора
когда она из подъезда выстреливала
и давай визгливым своим орать
и давай писклявым своим орать
нас сдувало как шарики
как удавалось ей столько вдохнуть
а мы превращались в воробушков на лету
и оседали рядком
на железяке такой особенной для ковров
а когда у этой родился сын
по имени Кеша
такой же громкий но чуть поменьше
они вместе держали в страхе весь двор

сколько лет прошло
сколько жгучих казахских лет прошло
сколько склизких московских зим

я почти не боюсь собак
я сама хожу в магазин
но маленькая лошадка до смерти пони
меня всё чаще теперь называют полным
именем хотя оно велико мне
как комната когда в ней живёшь один

пусть собачий бог
приютит Евдокию и Иннокентия
и меня бы кто приютил

МЕНОРА
(поминальная молитва)

Мать первая начала.
Выдохнула и – вольно.
Гробовщик ворчал:
погодила бы, дескать, – холодно.
Обнимали друг друга –
смерзалась с щекой щека.

Старшую унёс дым.
Был бы бог милосерден –
дал бы им с мужем
трезвенника в соседи
или сил выйти
из горящей избы.

Вторую взяла Сибирь
каторжным едким духом,
тифом ли –
тесно жались друг к другу буквы.
Не разобрать,
не склеить из них семьи.

Третью дочь на чужом
кладбище хоронили.
Ставили крест,
но на нём – прежнее имя.
Так и не свыклись с новым,
аж небо жгло.

Последними из гнезда
вознеслись близнецы-сестрицы.
Их никто не хотел
вымарывать со страницы,
но разлил воду,
и их разлила вода.

Отец на крыльце без сил,
закат, как бельмо, белёсый.
У него совсем,
совсем не осталось вопросов,
только одно:
господи, погаси.

СЕРГЕЙ ФИЛИППОВ
Москва, Россия

ФОНТАННЫЙ ДОМ

Под пылью прожитых столетий
Судьбы и времени портрет –
Фонтанный дом, живой свидетель
И очевидец прошлых лет.

Как каждый истинный художник,
Встающий с кистью к полотну,
Ты тоже «вечности заложник»,
И Ты у «времени в плену».

Но он, во времени рождаясь,
В нём проживая каждый час,
С ним полностью отождествляясь,
Опередит его не раз.

Не сожалеть о горькой чаше,
Не плакать о судьбе навзрыд.
Бог вечен. Что его – то наше.
Всё, что он создал, сохранит.

Когда износится одежда,
Когда закончится еда,
Когда последняя надежда
Тебя оставит, и тогда
Не стоит, в злобе и обиде,
Считать и на душу брать грех,
Что Бог не всё на свете видит
И думает не обо всех.

Всё до мелочи знакомо
И обыденно весьма,
Сонных улочек истома,
Деревянные дома.

Те же запахи и краски,
Что и двадцать лет назад,
Жизнь без каждодневной встряски,
Устоявшийся уклад.

Так всё вышло, так сложилось,
Тот же круг из тех же лиц,
Их природная сонливость
Непривычна для столиц.

Это свойство всех провинций,
Их всеобщего родства,
Где размеренность – как принцип
И как форма существа.

НАТАЛЬЯ ФИЛИППОВА
Киев, Украина

БАБИЙ ЯР

Влево и вправо лишний не сделать шаг.
К Яру бежит тропинка немного вкривь.
Жил здесь когда-то дедушка Исаак,
Жил, называя бабушку Суламифь.

Хлопнул под ветром выстрелом вражий флаг.
Август допел на идише свой мотив.
Верит в звезду Давидову Исаак.
Прячет внучонка бабушка Суламифь.

Страх, чтоб его не видели, сжат в кулак.
Вот автоматчик скалится супротив.
Нет, не спасётся дедушка Исаак!
Нет, не увидит правнуков Суламифь!

Влево и вправо лишний не сделать шаг.
В жутком яру воробушек не криклив.
Жёлтой листвой присыпанный Исаак.
Павшей звездой рядышком – Суламифь.

Память на камне выбила скорби знак.
Время не снимет с Бабьего страшный гриф.
Внук твой давно уж дедушка, Исаак!
Ходят к тебе праправнуки, Суламифь!

У РАЗВЕДЁННОГО МОСТА

Памяти Иосифа Бродского

I

Из советского уклада,
Из родного Ленинграда
Убегать в чужое стадо
Вынуждают ни за грош.
Но душа свободной птицей
Всё мечтает возвратиться:
Ленинград и за границей
Из души не уберёшь.

На пути до Ленинграда –
Океанская громада,
Бессердечная блокада –
Подпись чина и печать.
На пути до Ленинграда –
Стихотворная армада.
Но за строчки, если надо,
То готов ты отвечать.
На пути до Ленинграда
Даже друга нету рядом,
Да и сам ты знаешь смлада:
Все мосты разведены.
На пути до Ленинграда –
Только памяти лампада
И цветы чужого сада
На земле чужой страны.

II

В Венеции мосты не разводные.
Её дворы – каналы проходные.
В ней Балтика не бьёт волной в гранит,
Большой Канал с Невоею несравнимый.
А Набережная Неисцелимых
Иосифа стихи в себе хранит.
Здесь ищет шпиль Адмиралтейства Бродский
И не находит, глядя по-сиротски
С мемориальной мраморной доски.
И я смотрю из корабельной кельи
На близкий и далёкий Сан-Микеле,
Как будто на святые образки.

УЧЕНИЦА

Не боги, конечно, не боги
Горшки обжигают. Но вот
На труд, где Создатель наш строгий
В пособиях, сердце зовёт.
Познать бы все тонкости свыше.
Избегнуть ошибок бы впредь.
Дыхание слова услышать,
Любовью к нему возгореть.

А дикое пламя то стонет,
То пробует глиняный бок.
И кажется, дело простое:
Сажай себе в печку горшок!
Он обжиг сочтёт за услугу,
Пройдя испытанье огнём.
И снова гончарному кругу
Рабочий режим задаём.
И пламя божественно стонет,
И глину целует в бока.
А я обжигаю ладони,
Но знаю, что это пока.

ЛИЯ ЧЕРНЯКОВА
Милуоки, США

НА БАБОЧКЕ...

На бабочке пороховой,
На шёлковом, взрывном акриле,
Мы, неизвестно для чего,
Отбрасываем тени крыльев,
И, разбивая витражи
Её фасеточных оргазмов,
Тупыми лепестками фразы
Вскрывая воздух раз за разом,
Как те, консервные, стрижи,
Кружим над рожью спелой лжи,
Над жалобой узкоколейки,
Куда в листках блокнотов клейких
Больная память каждой клетки
Стремится из последних жил,
Своих сбивая и чужих
В один горячий, детский выдох.
Но, у доски иных не выдав,
Стираешь имя на крови до
Трёх вечно взведенных пружин,
И снова, мёртвый но живой,
Глядишь отчаянно неловко
Вдаль, оседает пыль веков как,
Стерильной радугой осколков
На бабочке пороховой.

ВИСОКОСНЫЙ

Так легко сквозь дюран-дюраль,
В варикозное расширение,
Вытекает из рук февраль,
Високосный от сотворенья.
Высоко ли тебе, мой друг,
Захлебнуться нелётным жестом –
Ускользает февраль из рук –
Поминутно, остробюджетно.
Помяни его, имярек,
Каждой драхмой за перевозку –
Кому велено не сгореть,
Тот затопит по уши воском,

Невесом, в неземной коре
Ляжет тенью ли, отпечатком...
Но по горлу прошёл надрез
И под сердцем лежит взрывчатый
Чётко взведенный механизм –
Ржавой мантрой ночного крана –
Оглянись же в март, оглянись –
Заклинает – Пока не рано.

ИЗБЕГНУВ ПАТОКИ...

Мы за ценой не постоим –
Мы горько промолчим за сценой.
Полынной лексики абсцентной
Беду раскурим на троих,
Когда один, но не как все,
Избегнув патоки поточной,
Выходишь в ночь нелётной точкой
По оголённой полосе.
Сквозь строй веков хмельных коррид
Быком рванёшься в кругосветку,
Махнув оливковой веткой
На зависть Сцилл и злость Харибд,
Раскрыв под проливным зерном
Больное крылышко цикады,
И растворяясь в пиццикато –
Расстрелянном и неземном.

КЛЕМЕНТИНА ШИРШОВА
Москва, Россия

«остановите яблочный побег», –
шептали дети, в окна пролезая.
там напряжённо вглядывалась вверх
горящими закрытыми глазами.
высвечивала ими каждый звук,
пыталась опознать, а вдруг? и точно:
ночное, наливное, на весу
раскачиваясь, яблоко грохочет.
до боли надуваясь изнутри,
от жидкой, сочной мякоти трепещет,
и кожица натянута, как щит.
а ветка накренилась, но молчит.
но отпускает, чтобы стало легче.
и ей самой, и дереву всему,
и детям, уходящим в темноту,
где люди так похожи на побеги –
на яблоки, на яблони в цвету.

ВТОРОЙ ПИЛОТ

рассветает во мне, я серые скалы помню.
что такое там возникает, когда теряешь,
родниковой водой утекает сквозь пальцы словно.
пролетаем над полем тающим, мимо кладбищ,
на такой высоте чего бы ещё хотелось.
– *я пришёл, открывай, Андреас.*
пролетаем опушки, зелёные ветви вижу,
отчего-то совсем не хочется верить смерти.
говорят, сюда приезжают, красиво летом.
а на завтра люди прочтут про меня в газетах.
– *Андреас, открой кабину, мы все убьёмся.*
резкий свет, это мы пролетели напротив солнца.
среди леса домишко почти что и незаметен,
а про нас прочитают во многих таких газетах.
он стоит, деревья домик заморозили,
– *прекрати, здесь женщины, дети, мы все погибнем.*
дом как раз такой, в котором когда-то жили,
ты носила яркие платья из лёгкой ткани.
но теперь пролетаем мимо, здесь только скалы.

что такое там возникает, когда теряешь.
направляемся вниз метеором, звездой, кометой,
представители стран, они ничего не знали.
– *прекращай сейчас же, люди не виноваты.*
а когда решил стать пилотом, не зная словно,
родниковой водой утекало сквозь пальцы что-то,
рассветало во мне, но серое только помню,
я не знал, а потом расплата, платить не больно.
– *открывай, довольно.*
нет, я не знаю, что там.

разрушение притекает к любой судьбе.
не могла удержать собой – не была в себе.
на прощание расписал горицветом склон,
пока выдалось мне видение-полусон:

точно я превратилась в звук,
ничего вокруг.
в сжатый беззвучный крик,
укрощённый миг.
или хожу потеряна сатана,
или стою запечатанная стена –
мёртвый материк.

набежало зверье, шумело со всех сторон
разбудить, поведать: уплыл, улетел, ушёл.
и берёт, и растил, и верил – учил всему,
а сейчас гляди, бросает её одну.

да и принял бы кто такую к себе вообще? –
подле мира стою, навязчивый гость в плаще.
всё уменьье: врасти корнями, покрыть корой,
или с демоном жить в ущелии под горой.

я закрыла глаза, чтоб голос летел быстрее,
вышел шёпот силён и светел:

возвратись со мной раскачивать суховей,
из лесных камней вытачивать снегирей,
уходить под воду смотреть на могучих рыб
или в прятки играть среди ледниковых глыб.
возвратись со мной воспитывать сыновей,
возвратись поджигать планеты.

ничего не ответил ветер.

тот же час превратилась в звук,
никого вокруг.
сжата в беззвучный крик,
укрошённый миг.
побрела как есть – потеряна сатана.
так осела грохотом каменная стена.
мёртвый материк.

ЭФА
Одесса, Украина

Я хочу уехать в далёкий край, где не знают толком про интернет,
Где наивно верят, что будет рай, если честно трудишься много лет,
Если будешь добрым всегда к другим, если не обманешь и не убьёшь.
Там костров осенних клубится дым и золу смывает холодный дождь,
Там леса на склонах великих гор и подходят лисы к твоим рукам,
Там никто не выносит из дома сор, не дает оценок по пустякам.
Не летит в глаза тополиный пух, не слышны гудки легковых машин,
Вырезает дудку седой пастух в дар дриадам – юным и молодым.
Поутру следы на сырой земле – много отпечатков звериных лап.
Я хочу уехать туда, где мне нет нужды делить на «силён» и «слаб»,
Где вода в реке, словно жидкий лёд – холодна и в чём-то сладка на вкус.
Я хочу уехать, уйти в поход и обратно точно я не вернусь.

Я много видел, милая Венди,
За бесконечную эту жизнь –
Мне повстречались слоны, медведи,
Цезарь, Вивальди и Парацельс.
Я забирался в леса глухие,
Я жил в бочке, как Диоген,
Я разговаривал со стихией
И попадался к пиратам в плен.

Пил неразбавленный спирт в дежурке,
Покорял женщин и Эверест.
Зов приключений, лихой и жуткий,
Мне подарил сотни дивных мест –
Средь тамплиеров в сухой пустыне,
В Афганистане среди солдат.
Я был знаком с чудаком-мессией,
Впрочем, тот вскорости был распят.

Я был шутком, лицедеем, стражем,
Строил Мекку, и Аушвиц.
И обо мне написали даже
Сказку в пару сотен страниц.

Я не умел становиться старше,
Жизнь проносилась как яркий сон.
Знаешь, я видел как пала башня
В городе, названном Вавилон.

Милая Венди, всё это в прошлом –
Сталин, Моцарт и Архимед.
Сказки врут, мне совсем не нужен
Их придуманный Неверленд,
Ни участие фей, ни карты
Эти выдумки не спасёт.
Жажда жизни, чуток азарта,
Чтоб дорога вела вперед.

Но в каждой шутке лишь доля шутки,
В тех историях обо мне
Есть момент – он немного жуткий
И таится всегда в воде –
Крокодил, проглотивший время,
В его брюхе часы тик-так.
Вот единственная проблема,
Мой союзник и верный враг.

Но время, кажется, на исходе,
Мне немного осталось терпеть.
До страны, которой не будет,
Без меня придётся лететь,
Только, Венди, не нужно драмы,
Будь незаплаканна и бодра.
Тебе – второй поворот направо,
А дальше прямо и до утра.

Я пишу о тебе стихи – не писать не могу совсем.
Ты мой самый зажатый нерв, нарушение всяких схем,
Неполадка в моём мозгу, перестройка гранитных чувств.
Без тебя я была больной, быть здоровой я не хочу.

Как избавиться, выгнать прочь образ твой, что засел внутри?
Моё сердце – кусок из мышц – выбивает неровный ритм.
Я хочу обмануть себя, заморозить, разбиться вдреизг,
Для меня каждый жест и взгляд вырывается сотней искр.

Это чертова западня, ситуация мчится в пат,
В этой очередной игре застигает глаза азарт,
Вожжи просто летят из рук и контроля почти что нет;
Я готова зайти в огонь, чтоб почувствовать этот свет.

Как от лампочки Ильича, обжигающей кожу рук –
Ни отдёрнуть, ни убежать, ни согреться. Какой-то глюк,
Вечный призрак тепла, с тобой обретающий чёткость форм
И заполнивший всё во мне, от нейронов до хромосом.

Ненавистный осколок чувств, слишком сильных и страшных тем.
Ты – смертельно синий экран в мониторах моих систем.

ПРОГРАММА
ШЕСТОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО АРТ-ФЕСТИВАЛЯ
«ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ - 2016»

25 августа (четверг)

16.00 – Пресс-конференция и открытие Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2016». *(Золотой зал Одесского литературного музея, г. Одесса, ул. Ланжероновская, 2)*

26 августа (суббота)

15.00 – ЛИТО им. В. Домрина представляет: День украинской поэзии «Зоряні причали». *(Читальный зал Центральной городской библиотеки им. И. Рядченко, г. Черноморск, пр. Мира, 30)*

16.00 – Арт-объединение «Поющая гавань» представляет: «Это уже стало классикой». Песни Юрия Визбора исполняет Игорь Плеханов, г. Одесса. *(Выставочный зал музея им. Белого, г. Черноморск, пр. Мира, 30)*

27 августа (суббота)

15.00 – Творческая гостиная «Diligans» представляет: программа «По следу Мастера» (к 125-летию со дня рождения Михаила Булгакова). *(Галерея Одесского литературного музея, г. Одесса, ул. Ланжероновская, 2).*

16.00 – Арт-объединение «Фермата» представляет: «Музыкальный слэм». *(Дворец культуры и искусства, Малый зал, г. Черноморск, ул. Хантадзе, 7).*

28 августа (воскресенье)

15.00 – Арт-объединение «Поющая гавань» представляет: «Наполним музыкой сердца». Классические и авторские песни в исполнении бардов-гостей фестиваля. *(Выставочный зал музея им. Белого, г. Черноморск, пр. Мира, 30)*

16.00 – Рок-концерт «View Rock Evening». *(Ресторан «Модильяни», г. Черноморск, пр. Мира, 39г).*

29 августа (понедельник)

15.00 – Авторская программа Вероники Коваль «Один из незамеченного поколения» (Карл фон Гершельман – поэт, художник, философ). *(Одесский дом-музей им. Н.К. Рериха, г. Одесса, ул. Большая Арнаутская, 47).*

15.00 – Арт-объединение «Поющая гавань» представляет: «Чтобы друг друга слышать». Сольные концерты бардов-гостей фестиваля. *(Выставочный зал музея им. Белого, г. Черноморск, пр. Мира, 30)*

30 августа (вторник)

15.00 – Книжная ретроспектива: презентации книг Сергея Главацкого, Веры Зубаревой, Вероники Коваль, Светланы Полининой и Елены Миленги. (Библиотека им. Эдуарда Багрицкого, г. Одесса, ул. Преображенская, 35а)

31 августа (среда)

15.00 – Открытие выставки работ одесских фотохудожников «Дискретная Сансара»: Александр Синельников и др. Вход 20 грн. (Музей изобразительных искусств им. А.М. Белого, г. Черноморск, ул. Парковая, 8)

16.30 – Арт-объединение «Фермата» представляет: Музыкально-поэтический вечер памяти И. Бродского «Когда теряешь равновесие...» (Выставочный зал музея им. Белого, г. Черноморск, пр. Мира, 30)

18.00 – Проект Ирины Фингеровой «Театр ушей». (Выставочный зал музея им. Белого, г. Черноморск, пр. Мира, 30)

1 сентября (четверг)

11.30 – Литературная экскурсия по Одессе (с Евгением Гринкевичем). (от Мемориального музея А.С. Пушкина, г. Одесса, ул. Пушкинская, 13).

14.00 – Встреча авторов и редакционного совета одесского литературно-художественного журнала «Южное Сияние» (к 5-летию журнала): Сергей Главацкий, Людмила Шарга, Ольга Ильницкая. (Золотой зал Одесского литературного музея, г. Одесса, ул. Ланжероновская, 2)

15.00 – Арт-объединение «Поющая гавань» представляет: Гала-концерт бардов-гостей фестиваля. (Выставочный зал музея им. Белого, г. Черноморск, пр. Мира, 30)

16.30 – Выступления лауреатов и финалистов поэтического конкурса: Олег Духовный (Николаев), Анна Галанина (Минск), Андрей Кагрич (Сумы), Александр Логунов (Москва, Россия), Валерий Ременюк (Выборг), Максим Стативко (Киев), Эфа (Одесса) и др. (Выставочный зал музея им. Белого, г. Черноморск, пр. Мира, 30)

18.00. – Прозаическо-музыкальный проект Дарьи Островской «ПроЗрение». (Выставочный зал музея им. Белого, г. Черноморск, пр. Мира, 30)

2 сентября (пятница)

15.00 – «Литературная периодика Украины, России и Молдовы». Евгений Степанов и Александр Карпенко (Москва): «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ». Юрий Ковальский и Владимир Каденко (Киев): «Радуга». Ольга Ильницкая (Одесса): «Южное Сияние». Олеся Рудягина (Кишинёв): «Русское Поле». Дмитрий Буряго (Киев): «Соты». Андрей Костинский (Харьков): «Лава». (Выставочный зал музея им. Белого, г. Черноморск, пр. Мира, 30)

16.00 – Презентации книг членов жюри поэтического конкурса: Ольга Андреева (Ростов-на-Дону), Евгения Джен Баранова (Ялта), Владимир Гутковский (Киев), Ольга Ильницкая (Москва), Валерий Кожушник (Днестровск), Анна Маркина (Климовск), Олеся Рудягина (Кишинёв). *(Выставочный зал музея им. Белого, г. Черноморск, пр. Мира, 30)*

17.30 – Выступления лауреатов и финалистов поэтического конкурса: Людмила Калягина (Москва), Елена Лазарева (Киев), Александр Соболев (Ростов-на-Дону) и др. *(Выставочный зал музея им. Белого, г. Черноморск, пр. Мира, 30)*

3 сентября (суббота)

13.00 – Регистрация гостей арт-фестиваля и участников поэтических конкурсов. Приём работ на «Конкурс одного стихотворения». *(Концертный комплекс «Metropolis», малый зал, г. Черноморск, ул. Парковая, 15)*

13.30 – Конкурсные программы фестиваля. Открытый финал. *(Концертный комплекс «Metropolis», малый зал, г. Черноморск, ул. Парковая, 15)*

16.30 – Выступления гостей фестиваля. *(Концертный комплекс «Metropolis», малый зал, г. Черноморск, ул. Парковая, 15)*

17.30 – Издатели Киева: «Издательский дом Дмитрия Бурого», «Издательский дом Олега Фёдорова». *(Концертный комплекс «Metropolis», малый зал, г. Черноморск, ул. Парковая, 15)*

18.30 – «Свободный микрофон». *(Концертный комплекс «Metropolis», малый зал, г. Черноморск, ул. Парковая, 15)*

4 сентября (воскресенье)

11.00 – Песок, вода, солнце. *(г. Черноморск, Городской пляж)*

14.00 – Торжественная церемония награждения победителей фестиваля. Блиц-концерт членов жюри и гостей фестиваля. *(Дворец культуры и искусства, Большой зал, г. Черноморск, ул. Хантадзе, 7)*

18.00 – Закрытие фестиваля. Поэтри-слэм. Прощальный вечер гостей и участников фестиваля. Музыка и поэзия. Свободный микрофон. *(Концертный комплекс «Metropolis», малый зал, г. Черноморск, ул. Парковая, 15)*

«ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ - 2016»

Листая страницы...

Коротко о главном 3

Оргкомитет арт-фестиваля «Провинция у моря – 2016» и члены жюри поэтических конкурсов

<i>Евгений Степанов</i>	8
<i>Станислав Айдинян</i>	12
<i>Ольга Андреева</i>	19
<i>Дмитрий Артис</i>	24
<i>Евгения Джен Баранова</i>	28
<i>Ирина Василенко</i>	32
<i>Сергей Главацкий</i>	36
<i>Владимир Гутковский</i>	40
<i>Ольга Ильницкая</i>	45
<i>Валерий Кожушнян</i>	49
<i>Леонид Кулаковский</i>	62
<i>Анна Маркина</i>	66
<i>Александр Петрушкин</i>	71
<i>Светлана Полинина</i>	75
<i>Елена Росовская</i>	78
<i>Олеся Рудягина</i>	82
<i>Александр Семькин</i>	86
<i>Людмила Шарга</i>	89

Финалисты поэтического конкурса «Бог сохраняет всё; особенно – слова...»

<i>Олег Бабинов (Москва, Россия)</i>	94
<i>Сергей Балиев (Ирбит, Россия)</i>	96
<i>Иван Белецкий (Санкт-Петербург, Россия)</i>	99
<i>Дмитрий Близнюк (Харьков, Украина)</i>	101
<i>Оксана Боровец (Киев, Украина)</i>	105
<i>Людмила Буйлова (Днепр, Украина)</i>	107
<i>Антон Васецкий (Москва, Россия)</i>	110
<i>Павел Великжанин (Волжский, Россия)</i>	113
<i>Борис Вольфсон (Ростов-на-Дону, Россия)</i>	115

Анна Галанина (Москва, Россия)	118
Наталья Горященко (Москва, Россия)	120
Наташа Денисова (Краснодар, Россия)	122
Юлия Долгановских (Екатеринбург, Россия)	125
Олег Духовный (Николаев, Украина)	127
Дарья Ильгова (Москва, Россия)	129
Людмила Калягина (Москва, Россия)	131
Андрей Катрич (Сумы, Украина)	133
Анастасия Кокоева (Ростов-на-Дону, Россия)	135
Любовь Колесник (Тверь, Россия)	140
Татьяна Кузнецова (Москва, Россия)	142
Михаил Кульков (Санкт-Петербург, Россия)	144
Мария Кучумова (Уфа, Россия)	146
Елена Лазарева (Киев, Украина)	148
Дарья Лебедева (Москва, Россия)	151
Александр Логунов (Москва, Россия)	153
Наталья Масленникова (Ярославль, Россия)	155
Мария Наприенко (Москва, Россия)	158
Наталья Паншьева (Киров, Россия)	160
Юлия Переплётчик (Черноморск, Украина)	162
Ульяна Попрухина (Москва, Россия)	163
Полина Потапова (Челябинск, Россия)	165
Анна Протасова (Киев, Украина)	168
Валерий Ременюк (Выборг, Россия)	170
Александр Соболев (Ростов-на-Дону, Россия)	173
Владимир Смоляков (Краснодар, Россия)	178
Сергей Суций (Ростов-на-Дону, Россия)	181
Аглая Соловьёва (Киров, Россия)	185
Максим Стативко (Киев, Украина)	187
Елена Тихомирова (Санкт-Петербург, Россия)	191
Евгения Ульянкина (Москва, Россия)	193
Сергей Филиппов (Москва, Россия)	196
Наталья Филиппова (Киев, Украина)	198
Лия Чернякова (Милуоки, США)	201
Клементина Ширшова (Москва, Россия)	203
Эфа (Одесса, Украина)	206

Программа Шестого Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2016»	210
---	------------

ББК 84(4Укр-Одб)6
П 78

Литературно-художественное издание

Провинция у моря – 2016

Сборник произведений участников
Шестого Международного арт-фестиваля
«Провинция у моря – 2016»

Составитель С. Главацкий
Фото на обложке – Дана Павлова

Підписано до друку 03.08.2016 р.
Формат 60х84/16. Гарнітура Georgia.
Папір офсет. Друк офсет.
Ум. друк.арк. 12,55. Зам. 1138
Тираж 250 прим.

Видавництво КП ОМД
(свід. ДК № 774 від 17.01.2002 р.)
Надруковано в КП «Одеська міська друкарня»
65012, Одеса, вул. Пантелеймонівська, 17